ДБ
30
М82
Москва
ее
прошлом
и
настоящем
Вып 7
БФ
1

Москва
въ ея прошломъ
и настоящемъ.
П. Афанасьевъ

К 62 01/21
С.Ф.
Дб
30
М82
7

Москва

въ ея прошломъ и настоящемъ

Петр Аѳанасьев

МОСКВА
ВЧЕРА ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ
693
М. ДЕМЬЯНОВА

Типографія
Русскаго
Товарищества
Москва, Мыльниковъ пер.
Телефонъ
18-35.

Дб
30
М82

в. 7.

К62 01/21

МОСКВА
въ ея прошломъ и настоящемъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I.

Въ изданіи принимаютъ участіе:

Проф. *Д. Н. Анучинъ*, *Н. Н. Баженовъ*, *С. К. Богоявленскій*, проф. *М. М. Богословскій*, *В. Я. Брюсовъ*, *П. Г. Васенко*, *С. А. Венеровъ*, акад. *А. Н. Веселовскій*, *В. Е. Вѣтринскій*, *М. О. Гершензонъ*, *Ю. В. Готье*, *И. Э. Грабарь*, пр.-доц. *Н. В. Давыдовъ*, *А. К. Дживилеговъ*, проф. *М. В. Довнаръ-Запольскій*, *Н. О. Лернеръ*, проф. *М. К. Любавскій*, чл. Гос. Думы *В. М. Маклаковъ*, проф. *А. А. Мануиловъ*, *С. П. Мельгуновъ*, чл. Гос. Думы *П. Н. Милюковъ*, *В. Г. Михайловскій*, *В. В. Нечаевъ*, проф. *С. Ф. Платоновъ*, *В. И. Пичета*, *В. И. Семевскій*, проф. *М. Н. Сперанскій*, кн. *А. И. Сумбатовъ*, *В. Я. Ульяновъ*, пр.-доц. *С. К. Шамбинаго*, акад. *А. А. Шахматовъ*, *П. М. Шестаковъ*, проф. *В. Н. Щепкинъ* и мн. др.

Роскошно-Иллюстрированное изданіе, посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина.

Московское Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНІЕ“.

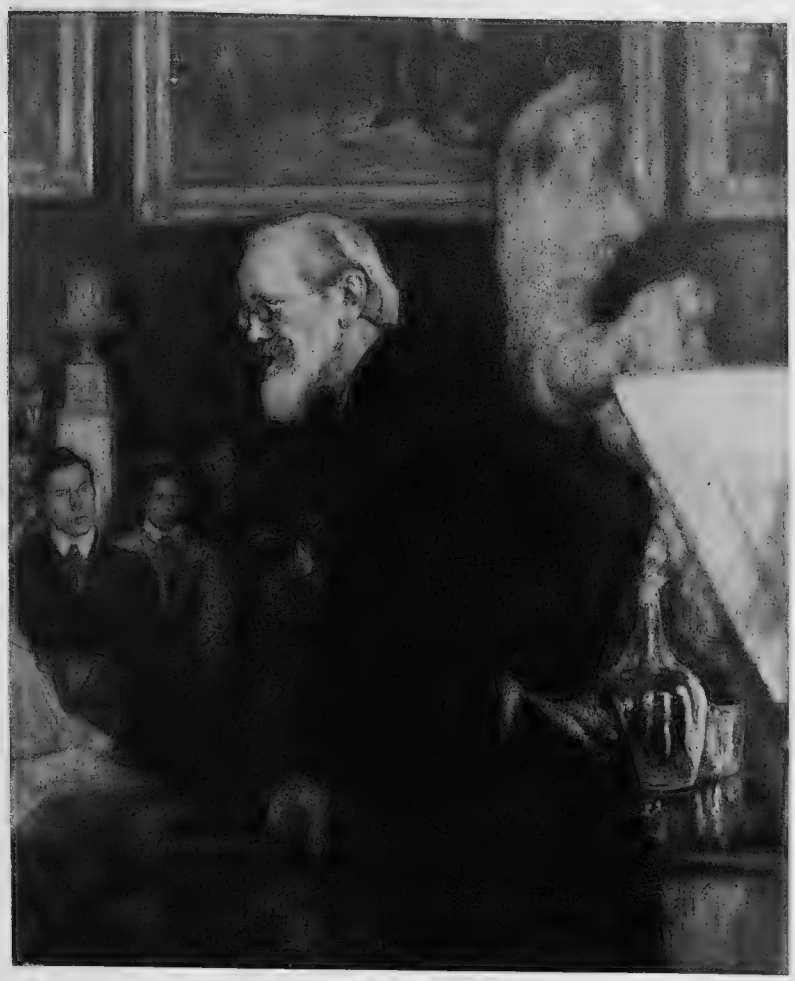
19..

Всѣ рисунки исполнены Графическимъ Институтомъ Т-ва «Образованіе» по способу, только ему принадлежащему и впервые въ Россіи имъ введенному,

Фото-Тинто-Гравюрой.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 20136
26 XI 1931 г.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
20136-1931г



Пастернакъ.

Историкъ В. О. Ключевскій.

Портретъ находится въ залахъ Литературн. Художеств. Кружка.

Воспроизведеніе воспрещается.

Общій видъ Москвы въ XVIII вѣкѣ.

В. В. Печаева.

Перенесеніе царской резиденціи на берега Невы было, несомнѣнно, крупнымъ фактомъ въ исторіи Москвы, ярко отразившимся и на ея обликѣ. Не слѣдуетъ однако преувеличивать значеніе этого факта. По волѣ преобразователя, утвердившаго столицу обновленной Россіи въ своемъ излюбленномъ невскомъ «парадизѣ», Москва перестала быть «царствующимъ градомъ», но тогда же обнаружилось, что не одному этому титулу она была обязана мѣстомъ, какое она занимала въ національной жизни. Опустѣлъ кремлевскій царскій дворецъ, но національная святыня осталась въ стѣнахъ Кремля. Удалились правительство и царскій дворъ, но не заглохла промышленная и торговая жизнь въ московскихъ посадахъ, которые продолжали шириться и развиваться. Въ сознаніи народа Москва осталась попрежнему національнымъ центромъ, и такому значенію ея соотвѣтствовалъ вполнѣ и характеръ ея внѣшняго облика въ XVIII вѣкѣ. Вдали отъ властной руки, въ новой столицѣ втискивавшей русскую жизнь въ иноземныя формы, предоставленная самой себѣ, Москва была тогда типичнымъ великорусскимъ городомъ, въ которомъ рѣшительно преобладали черты сельскаго быта, «большою деревней»,—эпитетъ, оправдывавшійся ея внѣшностью даже въ прошломъ столѣтіи.

Въ концѣ XVII вѣка только ближайшія къ Кремлю части московскаго посада носили опредѣленно выраженный городской характеръ. Это ядро городского поселенія со всѣхъ сторонъ облегали слободы, жившія въ условіяхъ вполнѣ сельскаго быта, и подлинныя села со всякими угодьями. Исключеніе составляло лишь мѣстопребываніе иноземной колоніи, — Нѣмецкая слобода на Яузѣ, имѣвшая видъ небольшого европейскаго городка. Эти характерныя, такъ сказать, основныя черты своей наружности Москва сумѣла удержать почти въ полной неприкосновенности въ теченіе всего XVIII вѣка. Ихъ не могли изгладить ни заботы Петра I, правда, очень кратковременныя, о насажденіи въ древней столицѣ новаго «регулярства», ни позднѣйшія, всегда болѣе или менѣе экстренныя и безсвязныя, мѣропріятія, направленныя къ измѣненію ея традиціонной внѣшности. Куль-

тивируемый правительствомъ европеизмъ плохо прививался къ Москвѣ, и всѣ его завоеванія составляли только отдѣльные, разрозненные штрихи въ общей картинѣ, рѣзко выдѣлявшіеся на основномъ фонѣ, который вовсе не гармонировалъ съ ними.

До самаго конца XVIII вѣка предмѣстья, опоясывавшія Москву со всѣхъ сторонъ въ видѣ широкаго кольца неправильной формы, сохраняли почти на всемъ своемъ протяженіи характеръ сельской мѣстности. Ихъ территорія еще считалась, по старой памяти, «градскою выгонною землею въ округѣ столичнаго города Москвы». Отъ города въ собственномъ смыслѣ она отдѣлялась Земляным валомъ, отъ уѣздной территоріи—устроеннымъ при Екатеринѣ II валомъ Камеръ-коллежскимъ, сохранившимся мѣстами до нашего времени. На пространствѣ, заключенномъ между этими границами, насчитывалось въ 70-хъ годахъ до тридцати слободъ, изъ которыхъ только четыре возникли въ Петровское время (солдатскія слободы Преображенская, Семеновская и Лефортовская и слобода парусной фабрики въ Преображенскомъ), всѣ же остальныя были болѣе древняго происхожденія. Кромѣ слободъ въ чертѣ выгона были и села: Красное и Покровское-Рубцово дворцовыя и Васильевское, на правомъ берегу Москвы-рѣки близъ Воробьевыхъ горъ (впослѣдствіи—т. наз. Мамоновская дача), принадлежавшее кн. Долгорукову-Крымскому. Болѣе или менѣе компактныя поселенія чередовались съ обширными незастроенными участками,—пустырями, укосными лугами, пашнями, огородами, рощами. О томъ, что должны были представлять изъ себя нѣкоторыя предмѣстья въ XVIII вѣкѣ, можно судить по описаніямъ ихъ, относящимся уже въ 30-мъ годамъ XIX-го. Въ изданной въ 1827—1831 гг. книгѣ «Москва или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ Государства Россійскаго» о Мѣщанской части (въ XVIII в.—Мѣщанскія слободы) говорится: «большая половина сей части еще только назначена подъ застройку, а въ сущности составляетъ поле, кое-гдѣ застроенное». Красное село въ предѣлахъ той же части (другая половина его находилась въ сосѣдней Покровской части) было «точное изображеніе бѣднаго уѣзднаго города». Прѣсненская часть изображается такъ: «Часть сія представляетъ точно какъ бы загородное гульбище. Самая Садовая улица, идущая по направленію Земляного вала и отличающаяся огромными и прекрасными зданіями, представляетъ нѣкоторымъ образомъ сельскія дачи, расположенныя въ рядъ... Остальное же (кромѣ небольшого уголка отъ улицы Кудринской до проулка Девятинскаго) представляетъ еще болѣе сельское мѣстоположеніе, чѣмъ особенно отличаются Грузины и все пространство за Прѣснею».

Прогрессъ городского благоустройства на окраинахъ Москвы въ XIX в. свелся, какъ извѣстно, главнымъ образомъ къ безжалостному уничтоженію цѣлыхъ системъ рѣчекъ и прудовъ, служившихъ главнымъ украшеніемъ этихъ мѣстностей въ XVIII в. Эстетика русскаго городского быта требуетъ превращенія проточныхъ водъ въ клоаки, которыя приходится засыпать, когда загрязненіе ихъ становится небезопаснымъ въ санитарномъ отношеніи. Въ XVIII в. воды занимали порядочную площадь въ предѣлахъ выгонной земли. Въ западной ея части, орошаемой рѣчкою Прѣсней и

двумя безыменными ручьями, были четыре прѣсненскіе пруда съ двумя деревянными плотинами. Сущевская слобода, по которой протекали Неглинная и Самотека, обладала нѣсколькими крупными прудами, — Сущевскими, Самотечными, Вышеславцевыми. Отъ всѣхъ этихъ прудовъ сохранились до нашего времени лишь самые незначительные остатки. Въ районѣ смежныхъ съ Сущевымъ и Напрудной слободою Мѣщанскихъ слободъ были два Троицкихъ пруда и прудъ Балканъ. Красный или Красносельскій прудъ, теперь почти засыпанный, былъ мѣрою въ 22 десятины съ лишкомъ. Въ сѣверо-восточной части Москвы яузская рѣчная система еще включала въ себя рѣчки Синичку, Чечорку и Золотой рожокъ.

Загрязненіе нѣкоторыхъ, если не всѣхъ, ручьевъ и прудовъ должно было давать себя чувствовать уже тогда. У насъ имѣются опредѣленныя свѣдѣнія о безобразномъ состояніи рѣки Неглинной, и притомъ въ ближайшихъ къ центру частяхъ города. На всемъ протяженіи ея отъ Земляного вала до устья берега ея, сами по себѣ болотистые и грязные, служили мѣстами свалокъ. На мѣстѣ Трубной площади Неглинная образовала небольшое болотное озеро, иногда затоплявшее окрестныя постройки. Свалки и овраги тянулись вдоль береговъ рѣки тамъ, гдѣ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія была устроена Театральная площадь. Подъ стѣнами Кремля Неглинная превращалась въ сплошную клоаку,—такъ были загрязнены ея вода и берега всевозможными отбросами.

Грязь на улицахъ, грязь во дворахъ — неизбѣжная принадлежность русскаго деревенскаго быта. Москва и въ этомъ отношеніи была большой деревней. Въ центральныхъ частяхъ города, гдѣ дворы были наиболѣе скучены, воздухъ былъ насыщенъ міазмами, особенно во время оттепелей. При Екатеринѣ I петербургскій генералъ Волковъ, застигнутый въ Москвѣ февральскою оттепелью, писалъ, что опасается занемочь въ этомъ «пропастномъ мѣстѣ»: «только два дни, какъ началась оттепель, но отъ здѣшней извѣстной вамъ чистоты такой столь бальзамовый духъ и такая мгла, что изъ избы выйти нельзя». Опустѣвшіе и заброшенные по разнымъ причинамъ дворы и лавки превращались, по русскому обыкновенію, въ мѣста свалокъ. Въ 1748 г. московская полиція доносила сенату, что въ Москвѣ послѣ пожара 1737 г., опустошившаго городъ на громадномъ пространствѣ, стоятъ ветхія каменныя строенія, запустѣвшія и безобразныя, и что въ нихъ «множество помету и всякаго скаредства, отъ чего сосѣдямъ и проѣзжающимъ людямъ, особенно въ лѣтнее время, можетъ быть поврежденіе здоровью». Въ 1752 г. по случаю пріѣзда двора въ Москву властямъ пришлось обратить вниманіе на состояніе московскихъ проѣздовъ и строеній. У Пречистенскихъ воротъ были усмотрѣны ветхія каменныя лавки, въ которыхъ была набросана «всякая нечистота и мерзость». Подобныя же лавки, наполненныя навозомъ и грязью, объявились въ иконномъ ряду на Никольской. Въ самомъ Кремлѣ центральная Ивановская площадь оказалась заваленною всякими отбросами. Были приняты экстренныя мѣры для приведенія города въ благообразный видъ, но съ московской грязью было не такъ то легко сладить. При Екатеринѣ II комиссія, учрежденная для борьбы съ чумою 1770—1772 гг., въ своемъ отчетѣ («Описаніе моровой

язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 г.») объясняла быстрое распространеніе въ Москвѣ заразы отсутствіемъ санитарнаго надзора и неупорядоченностью городского быта. Загрязненію города способствовали въ значительной степени многочисленыя кладбища при приходскихъ церквахъ.

Отъ XVII вѣка Москва унаслѣдовала постоянную грязь на незамощенныхъ улицахъ и примитивныхъ бревенчатыхъ мостовыхъ. Петръ I принялъ энергическія мѣры для упорядоченія городскихъ проѣздовъ: въ 1705 г. онъ велѣлъ мостить улицы камнемъ и для этого вмѣнилъ въ обязанность пріѣзжающимъ въ Москву крестьянамъ и торговымъ людямъ доставлять дикій камень и песокъ въ опредѣленномъ количествѣ. Тогда же на домовладѣльцевъ было возложено поддержаніе въ порядкѣ деревянныхъ мостовыхъ. Сначала въ Кремлѣ, потомъ въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ появились мостовыя изъ дикаго камня. Въ 20-хъ годахъ замащивались и въ Земляномъ городѣ не только улицы, но и переулки. Но дѣло велось не систематически, а послѣ Петра стало подвигаться совсѣмъ туго, встрѣчая помѣху въ консерватизмѣ деревенскаго уклада московской жизни. Въ концѣ вѣка еще оставались незамощенными крупные участки городской территоріи, и не только на окраинахъ, но и въ ближайшихъ къ центру мѣстностяхъ. Даже въ XIX в., какъ извѣстно, число такихъ участковъ убывало очень медленно, и городскіе проѣзды постоянно были больнымъ мѣстомъ муниципальнаго хозяйства.

Та же косность сказывалась въ типѣ городскихъ построекъ. Грандіозные пожары были хроническимъ зломъ въ городѣ, но эти тяжкіе уроки не могли искоренить пристрастія москвичей къ деревяннымъ жилищамъ. Московская хроника за XVIII в. не менѣе богата такими пожарами, чѣмъ за предыдущее время. Именно къ этому вѣку относится вошедшій въ пословицу случай, когда Москва сгорѣла буквально «отъ копеечной свѣчки»: это былъ памятный «троицкій» пожаръ 1737 г., опустошившій въ самый Троицынъ день, 29 мая, Кремль, Китай, Бѣлый городъ, слободы Басманныя, Нѣмецкую и Лефортовскую и начавшійся въ чуланѣ, загорѣвшемся отъ свѣчки передъ иконою.

Преобразовательная дѣятельность Петра I поставила впервые на очередь регламентацію московскаго строительства въ цѣляхъ борьбы съ разорявшимъ городъ «Вулканусомъ». Въ 1704 г. былъ изданъ указъ о строеніи каменныхъ домовъ въ Кремлѣ и Китаѣ по новому образцу,—не внутри дворовъ, а вдоль улицъ и переулковъ; тѣмъ, кто не въ состояніи былъ выполнить это предписаніе, грозила принудительная продажа дворовыхъ мѣстъ. Въ 1722 г. указъ былъ вновь подтвержденъ. Но вниманіе Петра отъ Москвы отвлекалось Петербургомъ, ради котораго онъ даже затормазилъ каменное строительство въ старой столицѣ, пріостановивъ на время во всемъ государствѣ строеніе каменныхъ домовъ, чтобы стянуть всѣ матеріалы и рабочихъ въ новую резиденцію. Впослѣдствіи дѣло пошло еще хуже, и указы Петра о строеніи каменныхъ домовъ въ Москвѣ были совсѣмъ отмѣнены при его внукѣ, Петрѣ II. Вновь этотъ вопросъ выдвинулся уже при Екатеринѣ II въ связи съ проектированною

Бесѣдка въ имѣніи кн. Щербатова, Братцево.

по ея иниціативѣ планировкою города. Въ «прожектѣ» новаго городского плана, конфирмованномъ въ 1775 г., былъ намѣченъ рядъ преобразованій, измѣнявшихъ до извѣстной степени традиціонную внѣшность Москвы. Строеніе деревянныхъ домовъ и мазанокъ было допущено только въ Земляномъ городѣ, а въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ предписывалось строить дома только каменные.

Успѣхи каменнаго строительства въ Москвѣ за XVIII в. характеризуются статистическими данными о городскихъ постройкахъ, относящимися къ послѣдней четверти этого вѣка. Въ теченіе его онѣ нѣсколько разъ были переписаны, и первыя обстоятельныя свѣдѣнія объ ихъ числѣ и распредѣленіи по частямъ Москвы мы находимъ въ запискѣ Земскаго приказа, составленной въ 1701 г. по писцовымъ и переписнымъ книгамъ 1679, 1680 и 1701 гг. Записка эта подводила въ точныхъ цифрахъ итоги росту города за XVII вѣкъ, поскольку онъ выразился въ числѣ обывательскихъ дворовъ. Въ Москвѣ было насчитано 16358 такихъ дворовъ,— въ чертѣ Земляного вала 10241, внѣ ея—6117. По отдѣльнымъ частямъ города они распредѣлялись такъ: въ Кремлѣ было 43 двора (38 дворовъ духовныхъ лицъ, 5 боярскихъ), въ Китаѣ—272, въ Бѣломъ городѣ—2532, въ Земляномъ—7394. Къ 1732 г. число дворовъ нѣсколько повысилось,— ихъ было насчитано 19417 съ 39047 покоями, т. е. квартирами (цифра, по мнѣнію Забѣлина, невѣроятная), но за послѣдующее время оно постоянно шло на убыль. Въ 1734 г. обывательскихъ дворовъ числилось 15655, въ 1770 г.—12538, въ 1785 г.—8680, въ 1796 г.—9042. Забѣлинъ полагаетъ («Опыты изученія русскихъ древностей» ч. II, стр. 355), что въ началѣ вѣка цифра дворовъ «увеличивалась отъ мелкихъ деревянныхъ построекъ, избъ и клѣтей, потому что пустыхъ, незастроенныхъ мѣстъ въ послѣднее время было еще меньше, нежели въ началѣ XVIII ст.»

Отъ 1785 г. дошли до насъ довольно подробныя свѣдѣнія о числѣ каменныхъ и деревянныхъ строеній въ Москвѣ. Они относятся не только къ обывательскимъ дворамъ, но и ко всѣмъ прочимъ постройкамъ,—дворцамъ, казеннымъ домамъ, монастырскимъ и архіерейскимъ подворьямъ, аптекамъ, гербергамъ, питейнымъ домамъ, постоялымъ дворамъ, банямъ, цирюльнямъ, кузницамъ; опущены въ нихъ почему то только лавки и промышленныя заведенія. Общее число строеній было 10296, каменныхъ строеній числилось 1981, деревянныхъ—8315, т. е. первыя составляли менѣе $^1/_5$ общаго числа (19,2%). Относительная численность каменныхъ обывательскихъ дворовъ была еще ниже и выражалась всего 16,7% (ихъ было 1449, а деревянныхъ дворовъ—7231).

Чрезвычайно любопытныя и обстоятельныя статистическія данныя о московскихъ постройкахъ содержитъ въ себѣ «Историческое и топографическое описаніе первопрестольнаго града Москвы», изданное въ 1796 г. Т. Полежаевымъ и составленное, видимо, по оффиціальнымъ источникамъ. Оно даетъ подробный перечень каменныхъ и деревянныхъ построекъ во всѣхъ двадцати частяхъ, на которыя тогда раздѣлялся городъ, и точными цифрами характеризуетъ состояніе его застроенныхъ районовъ въ самомъ концѣ вѣка. Къ разрядамъ построекъ, охватываемыхъ статистикою 1785 г.,

у Полежаева прибавлены промышленныя заведенія («фабрики и заводы»), богадѣльни и лавки,—какъ отдѣльныя, такъ и сосредоточенныя въ рядахъ,—что значительно повышаетъ итоги (торговыхъ рядовъ показано 106, лавокъ—6803). Группировка построекъ для всего города выражается, по Полежаеву, въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Кремль и Китай	Бѣлый городъ	Земляной городъ	Предмѣстья за Земл. г.
Кам. постр.	3877—92,4%	1085—63,9%	1505—30,7%	1419—19,7%
Дерев. »	322— 7,6%	613—36,1%	3400—69,3%	5795—80,3%
Тѣхъ и друг.	4199	1698	4905	7214

Въ городѣ насчитывалось, слѣд., 18016 построекъ, изъ нихъ каменныхъ 7886, т. е. 43,8%, деревянныхъ 10130, т. е. 56,2%. Что касается въ частности обывательскихъ дворовъ, то число каменныхъ строеній повысилось и абсолютно, и относительно за десять лѣтъ съ 1785 года: ихъ насчитывалось уже 2000,—22,1%,—тогда какъ деревянныхъ было всего 7042. Правда, по отдѣльнымъ городскимъ районамъ указанное %-ное отношеніе подвергалось очень значительнымъ колебаніямъ въ предѣлахъ отъ 98,6% въ Кремлѣ и Китаѣ, составлявшихъ вмѣстѣ 1-ую часть города, до 4,9% въ 20-й части, къ которой были приписаны большое дворцовое село Покровское и слободы Преображенская и Семеновская. Въ Бѣломъ городѣ каменные дворы составляли 56,7% общаго числа дворовъ, въ Земляномъ—24,7%, а въ предмѣстьяхъ за Землянымъ валомъ—уже только 11,8%.

Преобладающій типъ жилья былъ, по старинѣ, чисто деревенскаго склада. Если и въ наше время еще сохранились кое-гдѣ на окраинахъ Москвы, мѣстами наряду съ многоэтажными ящиками, представляющими «послѣднее слово» московскаго зодчества на службѣ у доморощеннаго капитала, небольшіе деревянные домики съ садами и палисадниками, то въ XVIII в. такіе домики составляли громадное большинство среди городскихъ построекъ. Не только мелкій городской людъ, но и обыватели средняго достатка оставались вѣрны исконному архитектурному типу, тождественному въ общихъ чертахъ съ деревенскою избою. Такіе дома-избы можно видѣть на гравюрахъ того времени, да и теперь они не окончательно исчезли и попадаются, правда, въ видѣ рѣдкаго исключенія, въ захолустныхъ уголкахъ Москвы. Крупное дворянство, конечно, уже въ XVIII в. сдѣлало существенныя уступки импортированнымъ изъ Европы архитектурнымъ вкусамъ и постаралось европеизировать, по крайней мѣрѣ, внѣшность своихъ жилищъ, но далѣе этого не шла модернизація его быта: новыя архитектурныя формы служили только наружнымъ украшеніемъ исконнаго склада боярскаго двора, представлявшаго точное подобіе деревенской усадьбы. Касаясь условій, способствовавшихъ распространенію чумы въ Москвѣ, авторы «Описанія моровой язвы» замѣчаютъ: «Много (въ Москвѣ) такихъ господскихъ дворовъ, кои своимъ расположеніемъ, обширностію, великимъ и лишнимъ числомъ служителей составляютъ не домъ въ городѣ приличный, но цѣлое селеніе, по разному ремеслу и званію людей собственное мѣщанское общество составляющее, или такой домъ, который только въ однихъ деревняхъ обширностію своею и многолюдствомъ общей тягости не дѣлаетъ».

На этомъ традиціонномъ общемъ фонѣ картины, впрочемъ, уже тогда явственно проступили черты, которыя предвѣщали наступленіе новой эры въ жизни Москвы. Въ графѣ «фабрики и заводы» у Полежаева значится 533 заведенія. Эту цифру можно, пожалуй, признать преувеличенной, потому что въ счетъ вошли, повидимому, и мелкія предпріятія типа ремесленныхъ мастерскихъ, но все же она свидѣтельствуетъ о значительномъ оживленіи промышленной жизни, подготовлявшемъ превращеніе Москвы въ крупный индустріальный центръ.

Статистикѣ XVIII вѣка мы обязаны также точными свѣдѣніями о количествѣ московскихъ церквей. Въ бумагахъ исторіографа Г. Ф. Миллера сохранилось составленное въ 1732 г. въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія «вѣдѣніе, сколько въ Москвѣ соборовъ, монастырей и церквей и въ нихъ придѣловъ». Церквей разныхъ наименованій показано въ этомъ документѣ 425: 16 соборныхъ, 18 верховыхъ (при кремлевскомъ дворцѣ) и ружныхъ, 255 приходскихъ, 22 домовыхъ, 89 монастырскихъ, — 57 въ 17 мужскихъ монастыряхъ и 32 въ 11 женскихъ,—и 25 въ синодальныхъ и архіерейскихъ домахъ и монастырскихъ подворьяхъ. У Полежаева также имѣется перечень церквей, но онъ менѣе полонъ, чѣмъ перечень «вѣдѣнія»,— въ немъ опущены церкви монастырскія и церкви въ домахъ духовныхъ властей и подворьяхъ. Въ прочихъ графахъ цифры 1796 г. немного разнятся отъ цифръ 1732 г. Соборовъ Полежаевъ насчитываетъ 10 (9 въ Кремлѣ и Китаѣ и одинъ въ Покровскомъ), церквей ружныхъ—19, домовыхъ—45, приходскихъ—248; изъ послѣднихъ пять, за Земляянымъ валомъ, были деревянныя. Монастырей было 24. Разница въ числѣ соборовъ объясняется тѣмъ, что въ Москвѣ были приходскія церкви, считавшіяся на положеніи соборовъ и потому иногда причислявшіяся въ послѣднимъ. Число монастырей сократилось при Екатеринѣ II, когда были упразднены мужскіе монастыри Новинскій и Андреевскій въ Плѣницахъ и женскіе Варсонофьевскій и Моисеевскій *).

Выше мы упомянули о составленномъ въ 1775 г. проектѣ новаго плана Москвы. Намѣченныя въ немъ преобразованія имѣли важное значеніе для городского благоустройства, и его наряду съ проектомъ московскаго водопровода, составленнымъ также при Екатеринѣ II, слѣдуетъ признать однимъ изъ серьезнѣйшихъ начинаній правительства въ этой области въ XVIII вѣкѣ. Осуществленіе плана затянулось на много лѣтъ, шло вяло и не закончилось къ XIX вѣку.

Помимо регламентаціи городского строительства, въ проектъ вошли такія крупныя предпріятія, какъ устройство Водоотводнаго канала, имѣвшаго цѣлью защиту Замоскворѣчья отъ наводненій, и урегулированіе рѣки Неглинной. Каналъ (извѣстный въ просторѣчіи подъ именемъ Канавы) былъ прорытъ въ 80-хъ годахъ, а работы по урегулированію Неглинной начались не ранѣе второй половины послѣдняго десятилѣтія XVIII в., и

*) Новинскій монастырь находился въ Новинскомъ переулкѣ, гдѣ теперь приходская церковь Казанской Богородицы, Андреевскій—на правомъ берегу Москвы-рѣки на мѣстѣ Андреевской богадѣльни. Варсонофьевскій—въ переулкѣ того же имени между Рождественкою и Лубянкой, Моисеевскій—близъ Охотнаго ряда, на мѣстѣ Моисеевской площади.

притомъ въ связи съ сооруженіемъ городского участка водопроводнаго канала, который долженъ былъ доставлять воду въ Москву изъ Мытищъ. Постройка этого канала, начатая въ сентябрѣ 1779 г., подвигалась очень медленно, и въ 90-хъ годахъ, когда онъ уже былъ доведенъ до границы Бѣлаго города, даже вопросъ о его дальнѣйшемъ направленіи еще не былъ окончательно разрѣшенъ. У Трубы предполагалось тогда заложить шлюзъ и устроить прудъ на Неглинной, которую строители водопровода хотѣли сохранить въ видѣ открытаго канала съ улицами и гульбищами по обѣимъ сторонамъ ея. Близъ Кузнецкаго моста на Неглинной задумано было устроить водопадъ и водоемъ съ монументомъ въ память «преславной созидательницы канала». Относительно направленія послѣдняго отъ Воскресенскихъ воротъ строители еще не пришли къ опредѣленному рѣшенію и колебались между тремя варіантами: предлагалось или пустить его въ Москву-рѣку, или провести по улицамъ до Прѣсненскихъ прудовъ для «исправленія тамошней воды», или, наконецъ, направить такъ, чтобы онъ доставлялъ воду Покровкѣ, нижней части Бѣлаго города, Китаю и Кремлю *).

Впослѣдствіи первоначальный планъ былъ значительно измѣненъ, и Неглинная была введена постепенно въ подземный каналъ. Сооруженіе водопровода закончилось только въ 1804 г.

Планировка, проектированная въ 1775 г., должна была значительно измѣнить видъ Китая-города. Въ немъ предположено было снести много лавокъ и расчистить такимъ образомъ мѣсто для новыхъ рядовъ и Гостинаго двора. Зданія европейской архитектуры постепенно явились на смѣну запутаннаго лабиринта крайне скученныхъ торговыхъ помѣщеній, придававшихъ центральному московскому торгу характеръ восточнаго базара. При этомъ не были пощажены и такіе памятники московской старины XVII вѣка, какъ два старыя зданія Гостинаго двора, сломанныя въ 90-хъ годахъ, и Посольскій дворъ, превращенный уже при Петрѣ I въ фабрику. Такой же расчисткѣ подверглась длинная площадь «у Троицы подъ горою», расположенная на скатѣ холма вдоль кремлевской стѣны между Василіемъ Блаженнымъ, съ одной стороны, и рѣкою, съ другой: на ней было снесено множество загромождавшихъ ее обывательскихъ дворовъ и лавокъ. По сосѣдству съ этой площадью однако не только уцѣлѣли каменныя лавки на мосту передъ Спасскими воротами, но сохранился и яблочный рядъ у Лобнаго мѣста, заслонявшій соборъ Василія Блаженнаго.

Въ планѣ 1775 г. было удержано старое дѣленіе Москвы на «города» Кремль, Китай, Бѣлый и Земляной, хотя тогда уже существовало и другое дѣленіе ея — на 14 полицейскихъ частей. Рѣшено было только уничтожить обветшавшую стѣну Бѣлаго города, а на ея мѣстѣ проложить улицу, «къ знанію границъ и ко украшенію города» обсаженную деревьями.

Въ самый годъ утвержденія новаго городского плана землемѣръ-поручикъ Охтенскій составилъ «Описаніе Москвы» (оно сохранилось въ бума-

*) Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ московскимъ, руководствующій любопытствующаго по четыремъ частямъ сея столицы. 1792—1793 г.г.

Подмосковная кн. Щербатова.

Братцево.

гахъ Г. Ф. Миллера), въ которомъ сообщаются любопытныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи стѣнъ и укрѣпленій, отмѣчавшихъ границы древнихъ частей ея.

У Кремля съ восточной стороны, т. е. со стороны Красной площади, былъ глубокій и широкій сухой ровъ, выстланный кирпичомъ и плитою, на немъ—каменный мостъ у Спасскихъ воротъ и деревянный—у Никольскихъ; на мостахъ помѣщались «живописныя емблематическія картины». На Неглинной былъ каменный мостъ у Троицкихъ воротъ, деревянный—у Боровицкихъ.

Вдоль китайгородской стѣны шелъ съ восточной стороны также глубокій сухой ровъ, а передъ нимъ, подлѣ самой стѣны, былъ насыпной земляной валъ съ подѣланными въ пристойныхъ мѣстахъ бастіонами. У Ильинскихъ и Никольскихъ воротъ—деревянные мосты, у Воскресенскихъ, украшенныхъ съ обѣихъ сторонъ эмблематическими картинами,—каменный мостъ. Противъ Москворѣцкихъ воротъ, замыкавшихъ улицу того же имени, наводился лѣтомъ на Москвѣ-рѣкѣ деревянный мостъ на сваяхъ, называвшійся «живымъ».

Бѣлый городъ «составлялъ третію каменную крѣпость», у которой «съ одной стороны, подлѣ каменной стѣны, сдѣланъ небольшой земляной валъ, съ другой—выкопанъ глубокій сухой ровъ». Стѣна, въ XVII в. служившая украшеніемъ города, была въ крайне ветхомъ состояніи и частію уже разобрана,—именно на томъ участкѣ, который отошелъ подъ Воспитательный домъ, построенный въ 60-хъ годахъ XVIII в. Ворота, впрочемъ, еще оставались въ цѣлости, Тверскія даже украшались эмблематическими картинами.

Земляной городъ опоясывался валомъ «нарочитой высоты» и широкимъ и довольно глубокимъ рвомъ, выложеннымъ деревянными бревнами на сваяхъ. На валу были ворота: Тріумфальныя деревянныя (на мѣстѣ пересѣченія Садовой улицы съ Тверскою, называемомъ и теперь, по старой памяти, старыми Тріумфальными воротами) съ живописными картинами, Срѣтенскія — Сухарева башня, Красныя деревянныя, Серпуховскія каменныя и Калужскія.

При Екатеринѣ II стѣна Бѣлаго города была постепенно разобрана, при чемъ послѣдними, по преданію, подверглись сломкѣ въ 1792 г. Арбатскія ворота; валъ заровняли и стали сажать на мѣстѣ его «проспектомъ» березы. Устройство аллей шло, впрочемъ, медленно, и бульвары на границѣ Бѣлаго города возникли далеко не сразу,—Страстной бульваръ, напр., былъ устроенъ только въ концѣ второго десятилѣтія прошлаго вѣка, и деревца на немъ были тогда только что посажены.

Земляной валъ не поддерживался и къ концу столѣтія мѣстами совершенно сравнялся съ землею, но память о немъ сохранилась до нашего времени въ топографической номенклатурѣ,—заяузская часть Садовой все еще называется Земляным валомъ. Изъ его воротъ уцѣлѣли только Срѣтенскія въ видѣ Сухаревой башни и Красныя (каменныя теперь).

Что касается Камеръ-коллежскаго вала, то онъ былъ устроенъ московскимъ главнокомандующимъ Чернышевымъ и имѣлъ не ворота, а заставы, которыхъ насчитывалось болѣе двадцати.

Проектированныя въ 1775 г. реформы не коснулись Кремля,—но не потому, чтобы правительство XVIII в. бережно относилось къ этому палладіуму московской старины. Напротивъ, ни въ одной части города презрѣніе къ ней не проявилось въ такихъ характерныхъ формахъ, какъ именно въ Кремлѣ. Правительство не рѣшалось наложить руку на памятники церковной старины, но тѣмъ менѣе церемонилось оно съ вещественными остатками прежняго государственнаго быта. XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ постепенной ликвидаціи ихъ, и на помощь правительству въ его разрушительной работѣ, принимавшей порою характеръ настоящаго вандализма, пришли и время, и стихійное явленіе, всегда Москвѣ «много способствовавшее къ украшенью»,—пожары.

Разрушеніе кремлевской старины началось съ того времени, когда Петръ I перенесъ московскую царскую резиденцію на берега Яузы, куда влекло его общество Нѣмецкой слободы, бывшее первою школой его преобразовательной дѣятельности. Преображенское, съ которымъ царь сжился съ дѣтства, и, позднѣе, Лефортово были его любимыми резиденціями. Опустѣвшій кремлевскій дворецъ остался безъ призора и сталъ быстро ветшать. Сильный толчокъ его разрушенію далъ пожаръ 1701 г., на самомъ рубежѣ новаго столѣтія очистившій Кремль отъ многихъ остатковъ старины. Дворецъ частію выгорѣлъ, но еще болѣе пострадалъ сѣверовосточный уголъ Кремля, у Никольскихъ воротъ, весь густо застроенный. Петръ не позаботился о реставраціи дворца, но на расчищенной пожаромъ площади подлѣ Никольскихъ воротъ заложилъ зданіе цейхгауза или арсенала (оно было достроено уже при Аннѣ Ивановнѣ). Дворецъ былъ окончательно заброшенъ и превратился понемногу въ строеніе, непригодное для жилья. Къ коронаціи Екатерины I Петръ счелъ возможнымъ обновить для придворныхъ торжествъ, которыя по традиціи должны были происходить непремѣнно въ Кремлѣ, только нѣкоторыя части дворца (палаты грановитую и столовую и жилой корпусъ теремнаго дворца). Тѣ же части поновлялись и къ слѣдующимъ коронаціямъ, а остальныя, предоставленныя своей участи, разрушались постепенно отъ ветхости. Нѣкоторыя дворцовыя постройки были истреблены пожаромъ 1737 г. При Елизаветѣ началась разборка обветшавшихъ частей дворца, продолжавшаяся и при Екатеринѣ II, въ царствованіе которой ликвидація кремлевской старины получила даже болѣе планомѣрный характеръ: тогда были снесены почти всѣ находившіяся въ Кремлѣ монастырскія подворья, зданіе приказовъ, поповская слободка у церкви св. Константина и Елены и единственный, уцѣлѣвшій къ тому времени, боярскій дворъ,—хоромы кн. Трубецкихъ, стоявшія на мѣстѣ, занятомъ теперь зданіемъ судебныхъ установленій.

Наряду съ ветхими памятниками изжитого быта и на очищенныхъ отъ нихъ площадяхъ выростали одно за другимъ зданія, рѣзко нарушавшія своимъ видомъ гармонію архитектурнаго ensemble'я Кремля. Первой новинкой такого рода было арсенальное зданіе. Подлѣ него Растрелли построилъ для Анны Ивановны деревянный дворецъ, прозванный Анненгофомъ. При Елизаветѣ имъ же былъ выстроенъ каменный дворецъ болѣе

крупнаго размѣра близъ Благовѣщенскаго собора, на мѣстѣ снесенной тогда же части старыхъ царскихъ палатъ. Екатерина II расширила этотъ дворецъ нѣсколькими новыми пристройками за счетъ опять таки остатковъ прежняго царскаго двора. Но мало того,—есть основаніе думать, что екатерининское царствованіе могло оказаться роковымъ для историческаго Кремля въ цѣломъ.

Чтобы дать Европѣ убѣдительное доказательство прочности русскихъ финансовъ, которые считались расшатанными продолжительною войной съ Турціей, Екатерина объявила, что будетъ сооруженъ колоссальный дворецъ въ Кремлѣ. По проекту, составленному архитекторомъ Баженовымъ, этотъ дворецъ-реклама долженъ былъ, такъ сказать, поглотить весь Кремль: громадное зданіе казарменнаго типа, созданное фантазіей зодчаго, заполняло весь кремлевскій холмъ, вытѣсняло массу старыхъ построекъ и заслоняло своими стѣнами соборы,—на ихъ цѣлость проектъ не посягалъ. Осуществленіе послѣдняго казалось обезпеченнымъ. Было приступлено къ расчисткѣ мѣста подъ новый дворецъ, и стали исчезать одна за другой постройки, назначенныя Баженовымъ къ сломкѣ; разобрана была уже и часть кремлевской стѣны, обращенной къ Москвѣ-рѣкѣ. 1 іюня 1773 г., на мѣстѣ сломанной Тайницкой башни совершилась съ большой помпой закладка дворца. Но, — сочла ли Екатерина эффектъ, произведенный шумными приготовленіями, достаточнымъ для поддержанія репутаціи русскихъ финансовъ, или, — что менѣе вѣроятно, —неожиданно для нея обнаружилось, что состояніе ихъ не допускало осуществленія ея затѣи, или, наконецъ,—что еще менѣе вѣроятно,—кто-нибудь открылъ ей глаза на вандализмъ баженовскаго проекта,—только дѣло не пошло дальше торжества закладки и уничтоженія нѣсколькихъ остатковъ старины. Тайницкая башня и стѣна были возстановлены вскорѣ въ прежнемъ видѣ.

Кремль, впрочемъ, не былъ пощаженъ строительною маніей Екатерины. Кромѣ дворцовыхъ помѣщеній, при ней были выстроены «въ новѣйшемъ вкусѣ великолѣпныя зданія»,—домъ для московскаго архіерея Платона (позже, послѣ перестройки, превратившійся въ Николаевскій дворецъ) и домъ московскихъ департаментовъ сената, занятый теперь судебными учрежденіями. При ней же былъ устроенъ подлѣ Вознесенскаго монастыря каменный шатеръ, подъ которымъ помѣстились старыя пушки,—въ ихъ числѣ царь-пушка,—стоявшія до того времени на Красной площади передъ рядами.

Несмотря однако на всѣ усилія правительства, опальная старина не была окончательно вытѣснена изъ Кремля, и внутренность его въ концѣ XVIII в. все еще представляла картину причудливаго смѣшенія ветхаго съ новымъ, старыхъ архитектурныхъ формъ съ образцами болѣе или менѣе европейскаго стиля. Надъ модернизаціей Кремля пришлось немало поработать въ слѣдующемъ столѣтіи, и въ самомъ началѣ его много было сдѣлано въ этомъ направленіи начальникомъ дворцоваго вѣдомства, большимъ ревнителемъ казеннаго благообразія П. Валуевымъ, при которомъ были сломаны всѣ зданія задняго государева двора, Троицкое подворье, Цареборисовскій дворецъ и Срѣтенскій соборъ.

Параллельно съ разрушеніемъ стараго царскаго двора въ Кремлѣ шло созиданіе новой резиденціи въ отдаленномъ концѣ Москвы, на берегахъ Яузы. Петръ I уже въ XVII в. перенесъ въ Преображенское всю обстановку царскаго быта, до застѣнковъ государственной инквизиціи (Преображенскаго приказа) включительно. Потомъ онъ устроилъ себѣ резиденцію въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Нѣмецкой слободою, на лѣвомъ берегу Яузы, гдѣ онъ купилъ домъ Головина, стоявшій противъ слободы и Лефортова дома, также перешедшаго въ казну послѣ смерти фаворита. Здѣсь онъ останавливался во время своихъ наѣздовъ въ Москву, а по близости, въ самой Нѣмецкой слободѣ, появились дома царскихъ вельможъ. Меншиковъ въ послѣдніе годы петровскаго царствованія жилъ въ бывшемъ Лефортовомъ домѣ. Въ Нѣмецкой же слободѣ было построено при Петрѣ зданіе для сената.

Преемники Петра, какъ и онъ, видимо, чувствовали себя неловко въ старыхъ кремлевскихъ хоромахъ и предпочитали имъ новую резиденцію на Яузѣ. Петръ II проживалъ въ Лефортовомъ дворцѣ, который тогда назывался также Слободскимъ. Анна Ивановна, выстроивъ для себя Анненгофъ въ Кремлѣ, вскорѣ перенесла его на лѣвый берегъ Яузы, гдѣ у нея уже былъ другой Анненгофъ, построенный на мѣстѣ Головинскаго дома. Оба Анненгофа составили одинъ дворецъ, съ тѣхъ поръ до времени Павла I неизмѣнно служившій пріютомъ для императорской фамиліи въ бытность ея въ Москвѣ. Дворецъ былъ деревянный и нѣсколько разъ горѣлъ, пока, наконецъ, Екатерина II не замѣнила его въ 70-хъ годахъ каменнымъ, гораздо большимъ, который она велѣла называть Екатерининскимъ. Павелъ I превратилъ дворецъ своей матери въ казармы московскаго гарнизоннаго полка (теперь въ немъ помѣщается кадетскій корпусъ).

Мѣстность, въ которой возникла новая резиденція, была полна воспоминаніями о Лефортѣ. Дворцовый паркъ примыкалъ къ слободѣ бывшаго Лефортова полка,—Лефортовской; отъ дома Лефорта отдѣляла Головинскую дачу только узкая Яуза. Отсюда—названіе «Лефортово», утвердившееся за этой московской окраиной. Потребности сложнаго дворцоваго обихода вскорѣ вызвали появленіе цѣлаго поселка около царскаго жилья. Дворецъ окружили разныя службы, помѣщенія для придворныхъ чиновъ, небольшіе второстепенные дворцы, — Марлинскій и Желтый, оба на другомъ берегу Яузы. Лефортово оказалось тѣснымъ для этой императорской колоніи, и нѣкоторыя службы пришлось перенести въ сосѣднее Семеновское. Въ селѣ Покровскомъ былъ реставрированъ старый дворецъ; Елизавета построила уже на самой границѣ Земляного города, у Красныхъ воротъ, огромный домъ для дворцовыхъ запасовъ (Запасный дворецъ).

Вслѣдъ за дворомъ потянулись къ берегамъ Яузы всѣ тяготѣвшіе къ нему элементы московскаго общества, и началась своего рода аристократическая колонизація восточной московской окраины, значительно измѣнившая ея характеръ. Въ ближайшихъ къ Нѣмецкой слободѣ и Лефортову мѣстностяхъ появились огромные особняки московской знати. Басман-

М. Демьяновъ. Въ Старомъ паркѣ.

ныя слободы, еще въ 70-хъ годахъ XVII в. слывшія «слободами перекрестовъ», населенныя тогда бѣдными литовскими полоняниками, превратились въ аристократическій уголокъ Москвы и такъ обстроились, что стали по внѣшности рѣзко выдѣляться среди поселеній за Земляным валомъ. Въ концѣ XVIII в. % каменныхъ построекъ былъ въ Басманной части выше, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ изъ этихъ поселеній и почти равнялся %-у Земляного города (24%—24,7%). Нѣмецкая слобода съ своими магазинами, въ которыхъ можно было найти всякіе европейскіе товары и предметы роскоши, получила для фешенебельной Москвы то значеніе, какое въ XIX вѣкѣ имѣлъ Кузнецкій мостъ.

Въ настоящее время о былом расцвѣтѣ восточной окраины напоминаютъ только монументальныя постройки, тамъ и сямъ еще сохранившіяся въ ней. Аристократическое населеніе отхлынуло оттуда, уступая свое мѣсто буржуазіи, когда Лефортово перестало быть императорскою резиденціей. Въ XIX в. городская жизнь создала новые центры, уже не имѣвшіе никакого отношенія къ царскому двору.

Москва при Петрѣ Великомъ.

М. В. Клочкова.

I.

Вторая половина XVII вѣка была тревожной порой въ исторіи Москвы. Народныя волненія, религіозныя распри колебали ее отъ верху до низу. Въ послѣднюю же четверть вѣка Москва, кромѣ того, становится ареной жестокой борьбы придворныхъ партій, столкнувшихся изъ-за власти въ государствѣ. Виднѣйшее участіе въ этой борьбѣ принимаютъ московскіе стрѣльцы.

Къ моменту смерти царя Ѳеодора при дворѣ были двѣ враждующія партіи: партія Милославскихъ съ царевной Софьей, Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ, княземъ В. В. Голицынымъ и кн. Хованскимъ во главѣ (она дѣйствовала именемъ слабоумнаго царевича Ивана Алексѣевича), и партія Нарышкиныхъ, дѣйствовавшая именемъ Петра, группировавшаяся вокругъ царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной и ея братьевъ; дѣятельнымъ помощникомъ этой партіи былъ патріархъ Іоакимъ.

Ходъ борьбы между Нарышкиными и Милославскими и ея результаты извѣстны. Петръ, одержавши верхъ, расправился съ своими недругами: царевну Софью заточилъ въ монастырь, изъ ея сообщниковъ однихъ казнилъ, другихъ отправилъ въ ссылку, а затѣмъ поспѣшилъ уничтожить и стрѣльцовъ, столь безпокойный элементъ, къ тому же теперь, съ появленіемъ новой арміи, излишній. Въ іюнѣ 1699 г. велѣно было всѣхъ московскихъ стрѣльцовъ распустить по городамъ, позволивъ записаться въ посады, кто куда захочетъ, съ ними же выслать ихъ женъ и дѣтей; московскіе дворы ихъ, лавки и земли отдать съ торговъ другимъ стороннимъ людямъ на оброкъ. Строго было запрещено жить подъ какимъ бы то ни было видомъ въ Москвѣ стрѣльцамъ и стрѣльчихамъ, также запрещено было принимать стрѣльцовъ въ солдатскую службу. Такимъ путемъ московскіе стрѣльцы, царскіе тѣлохранители, «надворная пѣхота», избалованная ласками прежнихъ правителей, были раскассированы и обращены въ тяглыхъ посадскихъ людей.

На глазахъ Москвы разыгралась кровавая драматическая борьба царевны Софьи и Петра. Одновременно Москва была свидѣтельницей и

того, какъ Петръ забавлялся «потѣхами» и какъ около него вырастала потѣшная армія.

Послѣ событій 1682 года десятилѣтній Петръ вмѣстѣ съ матерью скромно поселился на окраинѣ города въ селѣ Преображенскомъ. Здѣсь онъ принялся за свое любимое ратное дѣло. Изъ Оружейной Палаты, изъ Стрѣлецкаго и другихъ приказовъ, по его требованію, постоянно доставляли карабины, пищали, копья, стрѣлы, порохъ и свинецъ и даже пушки. Потѣшные во главѣ съ Петромъ цѣлые дни проводили въ воинскихъ забавахъ, изъ небольшой группы выросли въ значительный отрядъ; съ 1685 года одѣтые въ иноземные кафтаны, они съ барабаннымъ боемъ маршируютъ уже по улицамъ Москвы. А вскорѣ потѣшные превращаются въ настоящій полкъ солдатъ, вооруженный и обмундированный по иностранному образцу, названный по мѣсту своего расквартированія Преображенскимъ; вслѣдъ за нимъ выросъ и второй полкъ потѣшныхъ, Семеновскій.

Потѣхи Петра съ годами пріобрѣтаютъ серьезный характеръ: онъ уже не удовлетворялся барабаннымъ боемъ, экзерциціями, маршировкой, стрѣльбой. Онъ желаетъ участвовать въ примѣрныхъ сраженіяхъ, появляются «потѣшные походы».

Не останавливаясь подробно на примѣрныхъ бояхъ, въ качествѣ иллюстраціи отмѣтимъ только одинъ моментъ — такъ называемый «Кожуховскій походъ», всполошившій Москву своими грандіозными размѣрами.

Для военныхъ дѣйствій «похода» назначена была обширная равнина на правомъ берегу рѣки Москвы за деревней Кожухово, въ двухъ верстахъ отъ Симонова монастыря. На ней противъ Кожухова было сооружено земляное укрѣпленіе, «безыменный городокъ», со рвомъ до 4-хъ аршинъ и валомъ въ 5 аршинъ.

Войска были раздѣлены на двѣ арміи, примѣрно, около семи съ половиной тысячъ каждая.

Въ составъ первой (русской) арміи вошли оба потѣшные полка, Преображенскій и Семеновскій, два полка солдатскіе, Лефортовъ и Бутырскій, 3 роты гранатчиковъ, 8 рейтарскихъ, 2 роты даточныхъ людей боярскихъ и 20 ротъ, сформированныхъ изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, жившихъ въ Московскомъ уѣздѣ и 20-ти близъ лежавшихъ городахъ, откуда они были вызваны царскимъ указомъ «для ученья ратному строю, на добрыхъ коняхъ, съ пистали».

Вторая армія состояла изъ 6 стрѣлецкихъ полковъ, 2 конныхъ ротъ дьяковъ и 11 ротъ подъячихъ московскихъ приказовъ. У каждой былъ свой обозъ въ 260 подводъ для перевозки орудій, военныхъ снарядовъ, припасовъ и провіанта. Наша армія находилась подъ начальствомъ кн. Ѳ. Ромодановскаго, а непріятельская—И. Бутурлина, который былъ именованъ «польскимъ королемъ». У каждаго изъ нихъ была значительная свита изъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, дьяковъ и стольниковъ.

По изготовленіи мѣста потѣшнаго боя, обѣ арміи съ середины сентября начали собираться и подготовляться къ походу. Сборнымъ пунктомъ нашей арміи было село Воскресенское за Прѣсней. 23 сентября «польскій король» выступилъ изъ сборнаго пункта къ новопостроенной крѣ-

пости. Свою армію въ парадныхъ костюмахъ и воинскихъ доспѣхахъ «король», окруженный свитой, провелъ торжественно черезъ всю Москву, пройдя Тверской улицей, Кремлемъ, черезъ Каменный мостъ, Замоскворѣчье и выйдя черезъ Серпуховскія ворота. Занявъ городокъ, разставивъ войска и укрѣпивъ лагерь, «король» далъ знать, что онъ готовъ къ оборонѣ.

Тогда русскій генералиссимусъ кн. Ромодановскій выступилъ изъ Семеновскаго 26-го сентября; онъ такъ же провелъ свою армію черезъ всю Москву, по Мясницкой черезъ Кремль, Замоскворѣчье и тѣ же Серпуховскія ворота, съ музыкой, барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами. Затѣмъ русское войско перешло у Даниловскаго монастыря по мосту черезъ Москву-рѣку на лѣвый ея берегъ и заняло деревню Кожухово.

Такъ какъ мостъ непріятелемъ былъ разведенъ, то предстояло переправиться къ крѣпости на судахъ. Ночью передъ разсвѣтомъ на 28 сентября, несмотря на сильный дождь, нѣсколько ротъ русскихъ подошли къ берегу, сѣли на боты и другія мелкія суда, а нѣкоторыя и въ шлюпки и переѣхали рѣку. Непріятельская конница, поставленная для стражи, напала было на переправляющихся гренадеръ, едва не опрокинула ихъ въ воду, и подъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ должна была отступить; этимъ воспользовались русскіе, овладѣли мостомъ, навели его, и свободный проходъ остальной арміи былъ обезпеченъ. Тогда непріятель, прозѣвавъ самый опасный моментъ переправы, высыпалъ было для атаки, но безуспѣшно. Послѣ переправы наши войска укрѣпились на правомъ берегу Москвы по всѣмъ правиламъ инженерной науки рвомъ и валомъ, на которомъ были поставлены рогатки, въ лагерѣ же размѣщены были пушки.

Затѣмъ съ 1-го октября началась правильная осада непріятельской крѣпости. Строили редуты, вели апроши и подкопы, при помощи которыхъ рѣшено было на военномъ совѣтѣ взять крѣпость. Но 4-го октября, не дождавшись конца земляныхъ работъ, послѣ веселаго обѣда по случаю именинъ генерала Лефорта, въ празднествѣ которыхъ принималъ участіе весь русскій лагерь, было рѣшено немедленно же начать штурмъ непріятельской крѣпости.

Полки Преображенскій, Семеновскій и Бутырскій смѣло пошли на приступъ, дошли до вала, гдѣ и завязался жаркій бой. Осажденные защищались изо всѣхъ силъ: бросали гранаты и горшки съ горючими матеріалами, лили изъ мѣдныхъ трубъ воду, отбивались палками и длинными шестами, на концахъ которыхъ горѣли пучки смоленой пеньки; такимъ же оружіемъ пользовались и нападавшіе, въ особенности примѣняя взрывчатыя вещества. Послѣ 2-хъ часового боя стрѣльцы принуждены были валъ очистить, а затѣмъ и вся крѣпость перешла въ руки нашего войска, польскій же король ушелъ въ свой укрѣпленный лагерь. Генералиссимусъ кн. Ромодановскій былъ доволенъ побѣдой, благодарилъ своихъ солдатъ и выдалъ имъ угощеніе.

Но такой скорой побѣдой не былъ доволенъ царь, который въ особенности сердился на стрѣльцовъ, слишкомъ легко отдавшихъ крѣпость и спасшихся бѣгствомъ въ свой лагерь. Польскому королю велѣно было снова занять крѣпость и защищать ее до послѣдней степени, а русскимъ велѣно вести правильную осаду при помощи подкоповъ.

Въ Подмосковной Голицыныхъ. Кузьминки.

Началась снова работа, вылазки со стороны «поляковъ», отдѣльныя стычки, орудійная бомбардировка крѣпости, сооруженіе подкоповъ. 15-го октября назначенъ былъ новый штурмъ, во время котораго стрѣльцы уже сражались съ несравненно большимъ упорствомъ; такъ, они отбили атаки Семеновскаго и Бутырскаго полка, и только Преображенскому удалось войти въ укрѣпленіе, послѣ того какъ взрывомъ подкопа, устроеннаго самимъ Петромъ, часть вала была уничтожена. Упорный послѣдующій штурмъ заставилъ короля очистить крѣпость, но его войска, ожесточенныя нападеніями, рѣшили защищаться, въ лагерѣ, и весь слѣдующій день упорно отбивали всѣ атаки; пользуясь рвомъ, палисадомъ и рогатками, они и 17-го октября яростно защищались, и только, когда Преображенскій полкъ, опьяненный удачами предшествовавшихъ дней, ворвался въ лагерь, осажденные положили оружіе. Польскаго короля со связанными назадъ руками отвели въ шатеръ генералиссимуса кн. Ромодановскаго, а полкамъ, какъ побѣдившимъ, такъ и побѣжденнымъ, былъ сдѣланъ смотръ. На слѣдующій день Кожуховскій походъ закончился большимъ пиромъ въ шатрѣ генералиссимуса, въ которомъ принимала участіе вся армія.

Кожуховскій походъ былъ послѣднимъ среди военныхъ потѣхъ Петра. Въ слѣдующемъ году Петръ уже предпринимаетъ настоящій походъ на Азовъ.

Потѣхи Петра, начавшись дѣтскими забавами, съ годами пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе серьезный характеръ, изъ потѣшныхъ создаются настоящіе полки, изъ упражненій съ десяткомъ потѣшныхъ вырастаютъ «походы», примѣрные бои и штурмы настоящихъ крѣпостей, плаванье по Яузѣ на англійскомъ ботѣ ведетъ за собой учрежденіе флота.

Такъ, на окраинѣ Москвы изъ потѣхи вырастаетъ серьезное дѣло, формируется новая армія, зараждается русскій флотъ. Въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ живетъ царь Петръ со своими друзьями, создаются и укрѣпляются особые порядки, непохожіе на старый московскій укладъ.

II.

Послѣ паденія царевны Софьи, Петръ, ставъ единодержавнымъ правителемъ, начинаетъ въ Москвѣ заводить свои порядки. Во время его походовъ на Азовъ и въ годы Сѣверной войны Москва, по приказу царя, часто становится сборнымъ пунктомъ рекрутъ, складочнымъ мѣстомъ воинскихъ припасовъ и провіанта; здѣсь нерѣдко происходятъ смотры новыхъ полковъ, ихъ обмундированіе и обученіе, а затѣмъ они направляются на театръ военныхъ дѣйствій или въ пограничныя крѣпости. Даже работы по сооруженію флота и тѣ иногда происходятъ въ Москвѣ: такъ, послѣ неудачъ перваго азовскаго похода зимой близъ Преображенскаго застучали топоры, заскрипѣли пилы, плотниками и солдатами сооружались суда; весной въ разобранномъ видѣ они были перевезены къ Воронежу, а отсюда спущены къ Азову. Москва превратилась въ громадную мастерскую, въ которой всѣ рабочія силы направлены были преимущественно на удовлетвореніе нуждъ арміи и флота.

Хотя Москва и далека была отъ театра военныхъ дѣйствій, однако, и въ ней были приняты мѣры предосторожности противъ неожиданнаго

нашествія враговъ. Узнавъ о томъ, что Карлъ XII собирается напасть даже на самую Москву, Петръ въ 1707 году приказалъ укрѣпить Кремль и Китай-городъ по всѣмъ правиламъ инженерной науки. Съ 1-го іюня начали сооружать земляные бастіоны или болверки. Населеніе Москвы, увидя работы, встревожилось. Но Петръ, узнавъ о томъ, успокаивалъ Москву; 9-го іюня, находясь въ походѣ, онъ писалъ: «Извѣстно намъ здѣсь учинилось, что у васъ на Москвѣ немалый страхъ произошелъ, оттого что стали крѣпить Московскіе городы; и то намъ зѣло дивно и смѣху достойно, что мы часъ отъ часу отъ Москвы далѣ, а вы въ страхъ приходите». Петръ, успокаивая, напоминалъ, что по пословицѣ осторожнаго коня и звѣрь не вредитъ, и наказывалъ забыть страхи, веселиться попрежнему и его не забывать.

Бастіоны готовились спѣшно. Осенью (20-го окт.) ихъ осматривалъ пріѣхавшій въ Москву царевичъ Алексѣй Петровичъ; осмотръ сопровождался пушечной пальбой. Бастіоны вполнѣ еще не были готовы, и царевичъ распорядился, чтобы ихъ скорѣе заканчивали. А въ началѣ зимы (5-го декабря) самъ государь, по прибытіи въ Москву, осмотрѣлъ укрѣпленія при пушечной пальбѣ съ нихъ.

Вокругъ Кремля были возведены со стороны Неглинной слѣдующіе бастіоны: Боровицкій, Неглинный, Троицкій, Никольскій и Воскресенскій; были устроены болверки и со стороны Москвы-рѣки между Тайницкими воротами и Водовзводной башней. Китай-городъ тоже былъ укрѣпленъ бастіонами.

Еще болѣе значительныя перемѣны ожидали Москву со стороны зданій. Побывавъ за границей, гдѣ онъ видѣлъ лучшіе города Европы, какъ Парижъ, Лондонъ, Амстердамъ и Вѣну, съ прямыми улицами, каменными зданіями и мостовыми, Петръ, по возвращеніи въ Россію, съ свойственной ему энергіей принялся за насажденіе европейскихъ порядковъ и въ Москвѣ, стремясь къ тому, чтобы Москва прежде всего по внѣшности походила на благоустроенный европейскій городъ.

Чтобы привести въ наличность городскіе дворы и постройки, въ 1701 г., по приказу царя, въ Москвѣ впервые была произведена точная перепись всѣхъ дворовъ, зданій, стѣнъ съ башнями и воротами и измѣрена площадь земли, занятой каждой частью города. По этой переписи оказалось, что въ Кремлѣ кромѣ дворцовыхъ зданій числилось 43 обывательскихъ двора, изъ которыхъ 38 принадлежали духовенству. Въ Китай-городѣ было насчитано 272 двора, изъ которыхъ большая половина опять таки принадлежала духовенству; въ Бѣломъ-городѣ было 2532 двора, большей частью которыхъ владѣли люди служилаго и приказнаго чина, за ними шли духовные; въ Земляномъ городѣ — 7394 двора, изъ которыхъ свыше 3000 принадлежало посадскимъ людямъ и свыше 2000 среднимъ служилымъ людямъ и приказнымъ; наконецъ, за Землянымъ валомъ было 6117 дворовъ, изъ которыхъ 2670 дворовъ принадлежало посадскимъ, остальные находились во владѣніи главнымъ образомъ служилыхъ людей, приказныхъ, дворцовыхъ служителей, боярскихъ людей и крестьянъ; здѣсь же два двора числились за «нищими».

Такимъ образомъ, всего въ Москвѣ насчитано было 16. 358 дворовъ, изъ которыхъ духовенству принадлежало 1.499 дворовъ, дворянству 3.234, дьячеству—1.397, дворцовымъ чиновникамъ и служителямъ—1.704, посадскимъ 6.568, мастеровымъ, ремесленникамъ—335, военнымъ людямъ—660, иноземцамъ — 129, городовымъ служителямъ — 161, крѣпостнымъ — 669, нищимъ — 2, при чемъ духовенство преобладало среди владѣльцевъ въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ, бояре, дворяне и приказные жили преимущественно въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ, посадскіе же, мастеровые, крестьяне и боярскіе люди преобладали въ Земляномъ городѣ и внѣ его черты. Короче говоря, центръ города занимали царскія палаты, правительственныя учрежденія и дворы и подворья чернаго и бѣлаго духовенства, средній поясъ города принадлежалъ преимущественно боярамъ, дворянамъ и приказнымъ, а на окраинахъ города раскинулись дворы посадскихъ, крестьянъ и мастеровыхъ.

Относительно же дворовъ, многочисленныхъ построекъ и вида ихъ слѣдуетъ сказать, что только Кремль съ каменными церквами и зданіями, съ каменной же зубчатой стѣной и башнями выдѣлялся среди всего города своей особенной красотой, весь же остальной городъ, красивый издали, терялъ свою привлекательность при проѣздѣ по его улицамъ, такъ какъ въ массѣ дома въ немъ были деревянные, незатѣйливой постройки, скорѣе похожіе на крестьянскую избу, чѣмъ на городской домъ. Благодаря этому Москва представляла собой какъ бы громадную деревню. Деревенскій характеръ города еще болѣе подчеркивался тѣмъ, что почти у каждаго двора были сады, и огороды, то небольшіе, то громадные, въ нѣсколько десятинъ, обнесенные или заборомъ, а иногда просто плетнемъ.

Благочестивые нѣмцы, подъѣзжая къ Москвѣ, восторгались ея красотой и говорили, что это Іерусалимъ, но когда въѣзжали въ самый городъ, то ихъ ждало разочарованіе: простыя деревянныя избы, огороды, заборы и плетни, грязная мостовая убѣждали ихъ, что Москва не величественный Іерусалимъ, а скромный Виѳлеемъ.

Капитанъ Джонъ Перри, прибывшій въ Россію въ 1698 году, такъ описываетъ свои первыя впечатлѣнія отъ Москвы: «Когда путешественникъ подъѣзжаетъ къ городу, то этотъ послѣдній представляется ему со множествомъ церквей, монастырей, боярскихъ и дворянскихъ домовъ, колоколенъ, куполовъ, крестовъ надъ церквами, позолоченными и раскрашенными, и все это заставляетъ думать, что это самый богатый и красивый городъ въ мірѣ. Такъ казалось и мнѣ съ перваго взгляда, когда я подъѣзжалъ по Новгородской дорогѣ, съ которой видъ всего красивѣе. Но когда разглядишь все это поближе, то являются разочарованіе и обманутыя ожиданія. Проѣзжая по улицамъ, замѣчаешь, что дома, за исключеніемъ домовъ боярскихъ, принадлежащихъ немногимъ богатымъ людямъ, всѣ построены изъ дерева, преимущественно же лицевая сторона, выходящая на улицу, и очень непредставительны съ виду. Стѣны и изгороди между улицами и домами также деревянныя, а сами улицы вмѣсто того, чтобы быть вымощены камнемъ, выложены деревомъ, сосновыми балками».

Господство деревянныхъ построекъ объясняется дешевизной строительнаго матеріала, такъ какъ въ то время вблизи Москвы еще достаточно

было лѣса, и быстротой, съ которой можно было выстроить домъ. Готовые срубы цѣлаго дома или одной клѣти (избы въ одну комнату) продавались на торгу; ихъ можно было въ очень короткое время разобрать, перевезти, поставить на другомъ мѣстѣ и оборудовать подъ жилой домъ; цѣна сруба цѣлаго дома, по словамъ голландца де-Бруина, доходила отъ 100 до 200 руб., клѣти же продавались гораздо дешевле.

Но деревянныя постройки, представляя удобства въ одномъ отношеніи, были весьма неудобны въ другомъ: благодаря имъ въ Москвѣ свирѣпствовали частые пожары. По свидѣтельству современниковъ-очевидцевъ, въ Москвѣ пожаръ, разъ начавшись, въ особенности въ сухое лѣто, распространялся съ такой яростью, что не было никакихъ силъ и возможности его остановить. Жители нерѣдко при началѣ пожара ломали сосѣдніе дома и изгороди, не давая тѣмъ пищи огню; если же огонь перебрасывался, то тогда приходилось надѣяться на счастливый случай, дождь, перемѣну вѣтра и т. п., иначе при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ огонь уничтожалъ значительную часть города. Одинъ иностранецъ (Перри) былъ свидѣтелемъ того, какъ менѣе, чѣмъ въ полдня, было уничтожено нѣсколько тысячъ домовъ, при чемъ жители имѣли возможность спасти едва ли десятую часть своего имущества.

Во время пожара 13-го мая 1712 года, по сообщенію изъ Московской губерніи въ кабинетъ Петра, въ Бѣломъ, въ Земляномъ городѣ и за Земляянымъ сгорѣло: 9 монастырей, 86 церквей, 32 государевыхъ двора, 3491 дворъ «разныхъ чиновъ людей», а всего съ кельями, богадѣльнями, часовнями, лавками, харчевнями и кузницами—4543 мѣста; «людей сгорѣло и отъ гранатнаго двора побито» было 136 человѣкъ.

Одна современная лѣтопись такъ описываетъ большой Кремлевскій пожаръ 1701 года. 19-го іюня въ 11-мъ часу волею Божіею учинился пожаръ, загорѣлись кельи въ Новоспасскомъ подворьѣ; и разошелся огонь по всему Кремлю, и выгорѣлъ царевъ дворъ весь безъ остатку, деревянныя хоромы и въ каменныхъ всѣ нутры, въ подклѣтяхъ и въ погребахъ запасы и въ ледникахъ питья и льду много растаяло отъ великаго пожара, ни въ единомъ ледникѣ человѣку стоять было невозможно. Ружейная и мастерская палаты, святыя церкви на государевомъ дворѣ, кресты и кровли, иконостасы и всякое деревянное строеніе сгорѣло безъ остатку; также и домъ святѣйшаго патріарха, монастыри, и на Иванѣ Великомъ колокола многіе отъ того пожара разсѣлись, и всѣ государевы приказы, многія дѣла и всякая казна погорѣла; дворы духовенства и бояръ всѣ погорѣли безъ остатка. Во время пожара монаховъ и монахинь, священниковъ и мірскихъ людей погибло много въ пламени. Огонь былъ такъ великъ, что имъ уничтожены были Садовническая слобода, государевы палаты въ саду, даже струги и плоты на Москвѣ-рѣкѣ погорѣли безъ остатка. Во время пожара въ Кремлѣ невозможно было ни проѣхать на конѣ, ни пѣшкомъ пробѣжать отъ великаго вѣтра и вихря: «съ площади, поднявъ, да ударитъ о землю и несетъ далеко, справиться не дастъ долго; и сырая земля горѣла на ладонь толщиною».

Подобные пожары были губительны и для жителей и для государевой казны. Такъ, однажды около Москвы-рѣки сгорѣлъ казенный магазинъ,

Яузская больница. Вестибюль.

въ которомъ хранилось на 100.000 руб. табаку: на наши деньги это милліонный убытокъ.

Въ виду разрушительнаго дѣйствія пожаровъ Петръ, желавшій обновленія столицы, перестройки ея по западно-европейскимъ образцамъ, годъ спустя послѣ великаго пожара 1699 г., издаетъ въ 1700 г. (9-го авг.) строгій указъ, чтобы вновь на погорѣлыхъ мѣстахъ въ Китай и Бѣломъ-городѣ деревянныхъ построекъ не возводили, а строили бы дома каменные или же въ крайности мазанки глиняныя по образцамъ, сдѣланнымъ въ с. Покровскомъ. Въ 1701 г. этотъ указъ былъ подтвержденъ снова, а послѣ Кремлевскаго пожара вскорѣ же о томъ объявлено было съ предупрежденіемъ, что если кто станетъ строить попрежнему строеніе деревянное, то будетъ въ наказаньи и въ великой пенѣ.

Съ того времени этотъ указъ о постройкѣ каменнаго строенія въ Кремлѣ и Китай-городѣ подтверждался много разъ, указы объявлялись въ Москвѣ на улицахъ при барабанномъ боѣ и копіи ихъ прибивались по городскимъ воротамъ къ свѣдѣнію всѣхъ жителей. Въ указахъ объяснялось, что слѣдуетъ «строить то каменное строеніе по большимъ улицамъ и по переулкамъ» «линейно», «по линіи», какъ сообщалось въ другомъ указѣ, а не среди двора, какъ было въ старину,—строить «добрымъ мастерствомъ». Всѣ постройки должны были производиться съ разрѣшенія полиціи и по чертежу архитектора. Въ указахъ внушалось, что все то предпринимается «для высокаго Его Царскаго Величества интереса и лучшаго въ томъ способа и противъ строеніи другихъ европейскихъ государствъ».

Если же кто не могъ самъ справиться съ постройкой каменныхъ зданій, то указъ предписывалъ такимъ людямъ продавать дворовыя мѣста тѣмъ, кто въ силахъ выполнить государевъ указъ. Позднѣе мѣстнымъ властямъ предписывалось, если богатые люди, жители Бѣлаго города и Земляного, которымъ запрещено было возводить каменное строеніе до тѣхъ поръ, пока не обстроится Кремль и Китай, а рекомендовалось лишь строить мазанки, пожелаютъ построить себѣ каменные дома, то имъ отдавать дворовыя мѣста въ Китаѣ, отбирая ихъ отъ «убогихъ», и вознаграждать послѣднихъ мѣстами тѣхъ обывателей въ Бѣломъ и Земляномъ-городахъ; властямъ при этомъ внушалось: «когда станутъ мѣстами мѣняться, то надобно смотрѣть того, дабы убогіе не были обижены».

Въ 1712 году указами именными и сенатскими предписывалось каменное строеніе и мазанки строить не только въ Китаѣ, но и въ Бѣломъ-городѣ и «крыть черепицею или дерномъ»; за неисполненіе указа грозили, по жестокомъ наказаніи, лишеніемъ двора.

Однако, несмотря на многочисленные указы и строгія предупрежденія, въ Москвѣ каменныя строенія, а въ особенности мазанки, распространялись туго, мѣста дворовыя въ большинствѣ случаевъ оставалась или незастроенными, или же на нихъ воздвигались деревянныя постройки. Распространенію каменныхъ зданій препятствовали дороговизна строительнаго матеріала и недостатокъ рабочихъ рукъ. Въ особенности все это стало замѣтно ощущаться съ начала 10-хъ годовъ, когда и строительный ма-

теріалъ, и каменщики въ большомъ числѣ потребовались для постройки г. Петербурга; въ концѣ концовъ Петръ I указомъ 9 октября 1714 г. запретилъ во всемъ государствѣ производить каменныя работы. Указъ гласилъ слѣдующее: «понеже здѣсь (въ С.-Петербургѣ) каменное строеніе зѣло медленно строится оттого, что каменщиковъ и прочихъ художниковъ того дѣла трудно и за довольную цѣну (сыскать), того ради запрещается во всемъ государствѣ на нѣсколько лѣтъ, пока здѣсь удовольствуются строеніемъ, всякое каменное строеніе, какого бы имени ни было, подъ разореніемъ всего имѣнія и ссылкою». Запрещеніе это продержалось до 1728 года.

Среди построекъ каменныхъ зданій слѣдуетъ отмѣтить закладку огромнаго зданія «Оружейнаго дома» или цейхауза въ Кремлѣ, предпринятаго по указу царя 12 ноября 1701 г. Постройка началась на Кремлевской площади, очищенной отъ строеній пожаромъ 1701 г., возлѣ самой стѣны отъ Никольскихъ до Троицкихъ воротъ. Воздвигаемый цейхаузъ (нынѣшній арсеналъ) Петръ предполагалъ сдѣлать не только складомъ всякаго рода оружія, но и музеемъ воинскихъ трофеевъ, для чего разосланы были (въ 1702 г.) указы по городамъ о томъ, чтобы «мазжеры и пушки мѣдныя и желѣзныя и всякіе воинскіе сенжаки (знаки)» были осмотрѣны и описаны, и еслибы оказалась такіе, что взяты у турецкихъ султановъ и королей польскаго и шведскаго въ бояхъ, то всѣ такіе трофеи слѣдуетъ собрать и прислать къ Москвѣ, и «въ новопостроенномъ цейхаузѣ для памяти на вѣчную славу поставить».

Заботясь объ увеличеніи каменныхъ зданій, Петръ предпринимаетъ мѣры къ тому, чтобы по московскимъ улицамъ деревянныя мостовыя были замѣнены каменными. Указъ о томъ, чтобы по большимъ дорогамъ «мосты» (мостовыя) были построены изъ дикаго камня, былъ изданъ впервые еще въ 1692 году, но въ виду его безуспѣшности онъ былъ подтвержденъ въ 1705 году (25 мая и 15 сент.), при чемъ къ этому дѣлу было привлечено все государство: съ каждыхъ 400 крестьянскихъ дворовъ требовалось доставить въ Москву 4 сажени камней разной величины, одну сажень аршиннаго камня, другую—трехъ-четвертного, третью—полуаршиннаго и четвертного, чтобы каждый камень былъ въ длину, ширину и высоту указаннаго размѣра, четвертая же сажень должна быть изъ мелкихъ камней, «въ гусиное яицо и больше», затѣмъ песку тоже 4 кубическихъ сажени. Гости, торговые люди, за которыми дворовъ не было, привлечены были къ этой повинности, «смотря по торговымъ ихъ промысламъ». Кромѣ того, всѣмъ пріѣзжающимъ въ Москву было вмѣнено въ обязанность привозить съ собой «по три камня дикихъ ручныхъ, а чтобъ тѣ камни меньше гусинаго яица не были», и отдавали при въѣздѣ въ городскія ворота цѣловальникамъ и караульнымъ солдатамъ.

Позднѣе натуральная повинность по постановкѣ камня и песку, обременительная для отдаленныхъ мѣстностей, была замѣнена денежными взносами. Взносы, однако, не были одинаковы для всѣхъ крестьянъ: подмосковные крестьяне, напр., должны были платить по 33 алтына съ двора, крестьяне же Ростовской вотчины (с. Вощажникова) Б. П. Шереметева, какъ то видно изъ его приказа 1719 г., должны были «для мостового

дѣла собрать съ наличнаго дворового числа по алтыну 3 двора на дачу подрядчикамъ, которые тотъ камень возятъ и которые будутъ строить мосты».

Но это дѣло расширялось медленно, такъ какъ до самой средины XVIII в. только по самымъ большимъ проѣзжимъ улицамъ были устроены каменныя мостовыя, преобладали же деревянныя, построенныя старымъ способомъ изъ деревянныхъ балокъ.

Приказывая строить каменные «мосты» по большимъ улицамъ и содержать въ исправности мостовыя деревянныя, Петръ особымъ указомъ (1709 г.) требовалъ, чтобы на всѣхъ улицахъ и переулкахъ соблюдалась чистота; велѣно было объявить къ всеобщему свѣдѣнію, чтобы московскіе обыватели «съ дворовъ своихъ навозу и мертвечины и всякаго помету въ улицахъ и въ переулкахъ не метали», а все бы очистили и возили бъ за Земляной городъ, отъ слободъ въ дальнія мѣста и засыпали землей; для наблюденія за исправностью мостовой и за чистотой улицъ требовалось выбрать во всѣхъ улицахъ десятскихъ и установить крѣпкіе караулы, которые наблюдали бы за порядкомъ и смотрѣли, чтобы другіе сторонніе люди бревенъ изъ мостовой не крали и помету не подбрасывали. За нарушеніе этого указа было установлено строгое наказаніе—битье батогами, а за вторичное ослушанье, сверхъ того, денежная пеня.

Требуя «линейной» постройки зданій и ровныхъ мостовыхъ, Петръ въ 1722 году дѣлаетъ распоряженіе о томъ, чтобы надгробные камни, лежавшіе на кладбищахъ, у приходскихъ церквей и монастырей, находившихся внутри города, были врыты въ землю и сравнены съ землей. Поводомъ къ этому распоряженію послужило слѣдующее обстоятельство. Въ Георгіевскомъ монастырѣ происходило (въ 1722 году) церемоніальное погребеніе ближняго стольника Ѳеодора Ромодановскаго. Сопровождавшій его воинскій отрядъ передъ могилой «едва съ великой трудностью возмогъ регулярно установиться на приличномъ мѣстѣ» «посреди неуборно, неприлично и безобразно лежавшихъ на кладбищѣ надгробныхъ камней».

Узнавъ о такомъ происшествіи, Петръ черезъ Синодъ издаетъ распоряженіе, чтобы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ надгробные камни были опущены въ землю, «дабы съ положеніемъ мѣста лежали ровно», тѣ же камни, которые окажутся «къ подлежащему уровненію неудобовмѣстны», должны быть взяты къ церковному строенію; а впредь повелѣвалось подобныхъ камней, святымъ церквамъ «безобразіе наносящихъ» и регулярному строю въ церемоніальномъ погребеніи препятствующихъ, отнюдь надъ могилами не ставить.

Въ связи съ этимъ слѣдуетъ упомянуть объ указѣ 1723 года, которымъ было запрещено въ Москвѣ, какъ и во всѣхъ городахъ, погребать умершихъ внутри города, а разрѣшалось хоронить покойниковъ при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ внѣ городской черты; исключеніе допускалось лишь для «знатныхъ персонъ». Св. Синодъ, разсылая этотъ указъ для исполненія, въ объясненіе его, «дабы о томъ никто сумнѣнія не имѣлъ», приказывалъ «объявить такое разсужденіе, что отъ такихъ внутрь градовъ погребенныхъ мертвыхъ тѣлесъ приключатся воздуху

поврежденье, отчего бываютъ иногда тяжкія болѣзни и прочіе тому подобные злые припадки, человѣческому здоровью вредные». Если же кто хотѣлъ быть погребеннымъ внутри города, то предписывалось могилу копать въ 3 аршина глубиною, выкладывать ее кирпичомъ и заканчивать сводомъ, а сверху насыпать землю, сравнивая ее съ поверхностью такъ, чтобы надъ могилой не было ни кургановъ или насыпей, ни крестовъ, ни памятниковъ.

Заботясь о внѣшности столицы, Петръ обратилъ вниманіе на праздношатающихся, увѣчныхъ, больныхъ и нищихъ, которые во множествѣ ходили по улицамъ, рынкамъ и площадямъ, цѣлыми группами сидѣли около церквей, ожидая себѣ милостыни. Московскіе цари и бояре, вся Москва издавна были извѣстны своею благотворительностью: любовь къ нищимъ, раздача милостыни были необходимыми чертами древне-русскаго благочестія. Благодаря этому въ Москвѣ въ сильнѣйшей степени развилось нищенство, которое для многихъ стало промысломъ. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву, поражались тѣмъ количествомъ нищихъ, которые попадались всюду, и той беззастѣнчивости, съ какой они просили милостыни. Одинъ изъ нихъ (де-Бруинъ) сообщаетъ, что «нельзя было выйти изъ церкви безъ того, чтобы толпы нищихъ не преслѣдовали васъ съ одного конца (улицы) до другого»; что стоитъ только остановиться около лавочки и купить какую-нибудь вещь, какъ тотчасъ же васъ окружаетъ толпа нищихъ, назойливо просящихъ милостыни.

Петръ предпринимаетъ рядъ мѣръ къ тому, чтобы искоренить нищенство. Первыя мѣры направлены были противъ «нищихъ притворныхъ», которые, «подвязавъ руки, такожъ и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они — всѣ здоровы». 30 ноября 1791 года былъ изданъ указъ, которымъ велѣно всѣхъ такихъ «гулящихъ людей», какъ только они объявятся въ Москвѣ въ описанномъ «нищенскомъ образѣ», хватать и «за то притворное лукавство чинить жестокое наказанье, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ дальніе сибирскіе города».

Но этотъ строгій указъ значительныхъ послѣдствій не имѣлъ. Болѣе раціональные способы борьбы съ нищенствомъ вводятся съ 1701 г. Указомъ этого года наряду съ запрещеніемъ нищенства было велѣно построить на Москвѣ около приходскихъ церквей 60 богадѣленъ, въ которыхъ могли бы находить себѣ пріютъ убогіе, слѣпые, престарѣлые и дряхлые, не имѣющіе крова. Богадѣльни вскорѣ и были построены; въ 1717 году ихъ насчитывалось уже 90 (мужскихъ—31, женскихъ 59) съ 3402 чел. призрѣваемыхъ, въ 1729-мъ 94 (31 мужская, 63 женскихъ); въ нихъ находили себѣ пріютъ 3727 человѣкъ. Затѣмъ въ Москвѣ учреждаются госпитали, въ которыхъ бѣдные больные получали безплатное пѣченіе. Указомъ 1714 года велѣно было устроить при церквахъ особые госпитали для призрѣнія «зазорныхъ младенцевъ, которыхъ жены и дѣвки раждаютъ беззаконно и стыда ради отметываютъ въ разныя мѣста». Въ первый же годъ такихъ младенцевъ было собрано 90, въ 1719 г. ихъ было 125, въ 1723-мъ—934; при нихъ кормилицъ было 218.

Этими мѣропріятіями Петръ хотѣлъ людямъ дѣйствительно бѣднымъ и безпризорнымъ дать кровъ и пропитаніе, другимъ же нищимъ готовилъ кары. Указъ 1718 г. предписывалъ, чтобы «неистовыхъ монаховъ и нищихъ», которые «являются въ Москвѣ и ходятъ по гостямъ, и по рядамъ, и по улицамъ и сидятъ по перекресткамъ» и «просятъ милостыни по дворамъ и подъ окны», брать и приводить въ Монастырскій приказъ для наказанія, за первый приводъ нищаго бить батогами, а за слѣдующій бить кнутомъ и посылать въ каторжныя работы, съ помѣщиковъ и хозяевъ же ихъ за несмотрѣніе брать штрафу по 5 руб.; также запрещено было обывателямъ Москвы подавать милостыню подъ угрозой штрафа въ 5 руб.

Кромѣ внѣшности въ отношеніи построекъ, улицъ, мостовыхъ и площадей, Петръ вводитъ много новшествъ въ развлеченіяхъ, преимущественно заимствуя ихъ отъ голландцевъ и нѣмцевъ. Здѣсь слѣдуетъ припомнить «всепьянѣйшій соборъ», «асамблеи», театральныя представленія, тріумфальныя шествія и другія празднества.

Въ пиршествахъ «всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора» была откинута чиновность московская, всѣ участники пирушки разсматривались, какъ друзья, равные члены одного сообщества Ивашки Хмѣльницкаго. То же начало положено было въ основу знаменитыхъ петровскихъ «асамблей», которыя Петръ сталъ вводить въ Москвѣ по возвращеніи изъ-за границы. Присутствіе женщинъ въ обществѣ было самой значительной новостью.

Наряду съ введеніемъ баловъ и маскарадовъ Петръ не мало усилій употребляетъ къ тому, чтобы ввести въ Москвѣ театральныя представленія и привить москвичамъ вкусъ къ нимъ. Въ 1701 году онъ послалъ за границу Ягана Спловскаго, поручивъ ему набрать тамъ труппу актеровъ для Москвы. Въ слѣдующемъ году нѣмецкая труппа уже давала представленія въ Москвѣ; для нея была спеціально построена «комедіальная храмина», «театрумъ». Представленія давались два раза въ недѣлю. По этому случаю былъ изданъ къ свѣдѣнію посѣтителей указъ такого рода: «въ тѣ назначенные дни городовыя ворота въ Кремлѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ въ ночное время до 9-го часа будутъ не заперты, и съ пріѣзжихъ всякаго чина людей, съ русскихъ и иноземцевъ, проѣздная указная пошлина брана не будетъ, чтобъ смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно». Подобными мѣрами Петръ хотѣлъ привлечь общество къ театру.

Съ этого времени театръ упрочился въ Москвѣ, появились и русскіе актеры. Репертуаръ былъ довольно разнообразенъ: онъ состоялъ изъ переводныхъ нѣмецкихъ и французскихъ комедій, изъ мистерій и піесъ русскаго происхожденія. Возникли и домашніе придворные театры; такъ, извѣстенъ былъ театръ въ Преображенскомъ, находившійся подъ управленіемъ царевны Наталіи Алексѣевны, и театръ въ Измайловѣ, которомъ завѣдывала царевна Екатерина Ивановна.

Кромѣ того, существовалъ народный театръ на Красной площади. Объ этомъ театрѣ голштинецъ Бассевичъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ слѣдующее: «Въ Москвѣ существовалъ театръ, но театръ варварскій, какой только можно было себѣ вообразить, и посѣщаемый поэтому только

простымъ народомъ и вообще людьми низкаго званія. Драму обыкновенно раздѣляли на 12 дѣйствій, которыя еще подраздѣлялись на столько же явленій или сценъ, а въ антрактахъ представляли шутовскія интермедіи, въ которыхъ не скупились на пощечины и палочные удары. Такая піеса могла длиться въ продолженіе цѣлой недѣли, такъ какъ въ день разыгрывали не болѣе третьей или четвертой ея части».

Въ числѣ общественныхъ увеселеній слѣдуетъ поставить тріумфальныя шествія и торжества по случаю побѣдъ надъ врагами и увеселенія, устраиваемыя царемъ по другимъ поводамъ. Скромный въ частной жизни, Петръ не жалѣлъ денегъ на устройство увеселительныхъ зрѣлищъ. Однимъ изъ первыхъ (въ XVIII в.) было тріумфальное торжество въ январѣ 1703 года по случаю взятія «свейскаго города Нотебурга, проименованнаго Шлиссельбургомъ». Въ слѣдующіе годы подобное же торжество справлялось всякій разъ въ Новый годъ 1-го января, но счастливая Полтавская баталія дала поводъ шумно отпраздновать его въ Москвѣ и лѣтомъ.

При этихъ торжествахъ Кремлевскія башни и стѣны и многіе дома украшались флагами, а вечеромъ разноцвѣтными фонарями; во многихъ мѣстахъ развѣшивались картины, то небольшого размѣра, то громадныя; на нихъ изображались баталія или отдѣльные ея эпизоды. Народъ воочію могъ созерцать картины боя и гордиться храбростью и удачами своего войска.

Такія торжества сопровождались смотрами войскъ, пальбой изъ пушекъ, народными зрѣлищами, а вечеромъ иллюминаціей и фейерверками.

III.

Хотя Петръ вводилъ разныя новшества въ Москвѣ и готовъ былъ силой своей власти измѣнить ея обликъ, привить новые обычаи и нравы, но онъ видѣлъ, что одними указами сдѣлать многаго нельзя, что московскіе люди привыкли къ старому укладу жизни, при которомъ жили отцы ихъ и дѣды, и что здѣсь старина чувствуется на каждомъ шагу.

Къ тому же самъ Петръ совсѣмъ не питалъ нѣжныхъ чувствъ къ Москвѣ въ противоположность большинству тогдашняго русскаго общества. Петру живо памятны были его дѣтскіе годы, когда въ московскомъ Кремлѣ на его глазахъ убивали близкихъ ему людей, а затѣмъ и выдворили его вмѣстѣ съ матерью изъ дворцовыхъ палатъ; въ Москвѣ господами положенья были ненавистная Софья съ сообщниками и стрѣльцы. Весь ужасъ передъ послѣдними, вся горечь дѣтскихъ лѣтъ переплелись у него съ именемъ Москвы и вытравили любовь къ этому городу, которую обычно питали къ нему цари и царевичи. Преувеличенно, но характерно изображаетъ иностранецъ Фокеродтъ эту нелюбовь Петра къ Москвѣ, возводя ее даже въ степень ненависти. Онъ пишетъ: «Ненависть (Петра) къ Москвѣ за случаи его молодости, доходившая до того, что онъ сравнялъ бы Москву съ землей, еслибы только это можно было сдѣлать благовиднымъ образомъ и безъ большого раздраженія народа». Конечно, у Петра намѣренія уничтожить Москву не было, но что онъ ее не любилъ, это несомнѣнно.

При такомъ положеніи Петръ приходилъ къ мысли объ основаніи новаго города, который онъ могъ бы построить по-своему, придавъ ему внѣшность европейскаго города. Здѣсь Петръ руководился своей любимой поговоркой: лучше новое создать, чѣмъ перемѣнять старое. Слѣдуя этому принципу, онъ основываетъ въ 1703 году С.-Петербургъ.

Неудивительно, что Петръ, заложивъ С.-Петербургъ, принимаетъ энергичныя мѣры къ тому, чтобы новый городъ былъ укрѣпленъ, застроенъ красивыми каменными зданіями и оживился промышленными и торговыми заведеніями.

Вскорѣ послѣ Полтавской побѣды Петербургъ начинаетъ играть роль столицы. Въ 1710 году сюда пріѣзжала погостить царская семья, а съ 1712 года живетъ здѣсь постоянно. Съ того времени, по приказу царя, велѣно было въ церквахъ на ектеньяхъ возглашать моленія «о царствующемъ градѣ С.-Петербургѣ». Въ 1714 году сюда переведенъ былъ изъ Москвы Сенатъ; тогда же былъ отданъ указъ строить зданія для приказовъ, впослѣдствіи коллегій. Такимъ образомъ, черезъ 15 лѣтъ послѣ основанія Петербурга, дворъ, высшія государственныя учрежденія, сановники покинули Москву.

Затѣмъ цѣлымъ рядомъ указовъ Петръ потребовалъ, чтобы царедворцы, имѣющіе за собой по 100 дворовъ крестьянскихъ и больше, строили себѣ дома въ Петербургѣ, несмотря на то, что у нихъ могли быть дома въ Москвѣ. Послѣ такого распоряженія не только главные сановники, но и столичные дворяне средняго положенія должны были переѣхать въ Петербургъ. «Въ Москвѣ, по словамъ одного наблюдательнаго иностранца, всѣ господа и почетные люди имѣли для жилищъ своихъ не только огромныя зданія въ самомъ городѣ, но также дачи и деревни (подъ Москвой), гдѣ у нихъ устроены рыбные пруды и сады, со множествомъ разнородныхъ плодовитыхъ деревьевъ и всякія увеселительныя мѣста». И всѣ эти дома, дворы и загородныя дачи, съ переѣздомъ господъ, должны были въ значительной мѣрѣ опустѣть.

Запустѣнію Москвы содѣйствовало и то обстоятельство, что Петръ, увлеченный войной и постройкой Петербурга, въ 1714 году распорядился временно прекратить не только сооруженіе новыхъ зданій въ Москвѣ, но и возобновленіе и исправленіе старыхъ. Такъ цейхаузъ, энергично начатый постройкой и доведенный (въ 1706 г.) до второго этажа, такъ и оставался недостроеннымъ до самой смерти Петра. Старый каменный дворецъ въ Кремлѣ, выгорѣвшій въ 1701 году, оставался запустѣлымъ до 1722 года, когда онъ былъ возобновленъ и ремонтированъ для предстоящей коронаціи Екатерины I, послѣ чего снова былъ заброшенъ. Церкви, казенныя зданія, послѣ запрещенія каменныхъ работъ во всемъ государствѣ, не исправлялись, ветшали, и всякій разъ нужно былъ употребить много хлопотъ, чтобы добиться разрѣшенія на ремонтъ ихъ.

Такъ, ремонтъ Архангельскаго собора въ Кремлѣ былъ разрѣшенъ въ 1722 году послѣ того, какъ чрезъ Синодъ Сенату ключаремъ того собора было сообщено, что «Архангельскаго собора церковныя кровли весьма обветшали и отъ той ветхости отъ дождя бываетъ теча сквозь своды въ

церковь и на царскіе гробы, и отъ той превеликой мокроты изъ сводовъ кирпичъ съ известью валится». Московскій вице-губернаторъ Воейковъ въ 1719 г., прежде чѣмъ получить разрѣшеніе на ремонтъ церквей и приказныхъ палатъ, не разъ сообщалъ Сенату: «въ Москвѣ на соборныхъ церквахъ черниговскихъ и Александра Невскаго, на губернской канцеляріи, на Помѣстномъ, на Провіантскомъ приказахъ кровли погнили и обвалились и отъ многой дождевой течи у приказныхъ палатъ и своды со стѣпами разсѣлись и бываетъ великая течь, чего ради весьма опасно, чтобы и палаты не обвалились; а безъ указу царскаго величества оныхъ кровель и палатъ строить не смѣю».

Невнимательное отношеніе Петра къ Москвѣ выражалось и въ томъ, что управленіе ею поручалось обыкновенно лицамъ изъ чиновнаго міра далеко не перваго ранга. Такъ, передъ Воейковымъ Москвой вѣдалъ скромный «управитель», потомъ вице-губернаторъ Василій Ершовъ, по происхожденію боярскій «человѣкъ» кн. М. Черкасскаго. Сенаторы обращались съ нимъ свысока, «наказывали его бранью и окриками, грозили ему то правежемъ, то тюрьмой, то отнятіемъ имѣнья». Ершовъ, жалуясь на нихъ, писалъ: «гдѣ мнѣ, паутинѣ, противъ толь великія бури устояти».

Москва не могла не чувствовать всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя влекло за собой перенесеніе столицы. Князь Щербатовъ уже въ царствованіе Екатерины II въ запискѣ «Прошеніе Москвы о забвеніи ея» въ такихъ чертахъ отъ имени Москвы изображаетъ чувства осиротѣлой столицы.

«Я сперва малолѣтняго, остроумнаго Петра, а потомъ, по возмущеніи стрѣлецкомъ, брата (его) Іоанна на престолъ возвела. Сопротивляясь всѣмъ бунтамъ стрѣлецкимъ, среди его опасностей покрывала его моимъ щитомъ и тѣлесами любезныхъ чадъ моихъ, была первая свидѣтельница его младенческимъ, но ироическимъ забавамъ, въ отсутствіи его хранила ему вѣрность. Увы, сей самый мя оставилъ. Сей, по нуждѣ ли, для учрежденія флота и торговли и для близкаго надзиранія производящейся войны, или гнушаясь старыхъ моихъ обычаевъ, перенесъ столицу во вновь построенный во имя его городъ.

Источники слезъ, яко у вдовицы, потекли изъ глазъ моихъ, умолкли лики въ моихъ стѣнахъ и гусли молчащія на сухихъ древесахъ повѣшены зрѣлись. Колико часто звучныя побѣды и полезныя отечеству установленія ни возвеселяли сердце мое, но мгновенное и рѣдкое видѣніе моего монарха пронзало душу мою.

Лучшіе мои граждане, отвлеченные отъ стѣнъ моихъ, въ чужую землю пошли утвердить жилище свое, толпы поселянъ посланы были обрабатывать болотистую и неплодородную землю, зданія мои, за неповелѣніемъ ихъ возобновлять, сокрушались и новые запрещено было строить», и Москва, сердце Россіи, находясь въ забвеніи, ветшала, запустѣвала.

Перенесеніе столицы для Москвы знаменовало новый періодъ ея жизни. Разумѣется, правъ былъ И. Е. Забѣлинъ, когда говорилъ, что «время Петра I въ исторіи Москвы есть время окончательнаго счета съ ея стариной; отсюда начинается ея новая исторія».

Московская школа Петровской эпохи [1]).

М. А. Голубцовой.

2-го января 1703 года вышла въ Москвѣ первая русская газета «Вѣдомости», редактированная самимъ царемъ Петромъ. Среди разныхъ извѣстій о вновь вылитыхъ пушкахъ и мортирахъ, о слонѣ, присланномъ въ даръ государю отъ Индійскаго шаха, о нефти и рудѣ изрядной, прибыльной для государства,—среди подобныхъ извѣстій, столь характерныхъ для редактора, любопытны для насъ теперь двѣ небольшія замѣтки «Повелѣніемъ Его Величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію и уже діалектику окончили. Въ математической штюрманской школѣ болѣе 300 человѣкъ учатся и добре науку пріемлютъ». Петръ Великій, желая заинтересовать читателя, выдавалъ себя: здѣсь, на небольшомъ листкѣ первой газеты, вылились многія изъ его завѣтныхъ думъ и заботъ. Одною изъ нихъ была школа.

Въ Полномъ Собраніи Законовъ, въ томахъ, относящихся къ царствованію Петра В., сохранилось болѣе 50 именныхъ указовъ касательно школы; уже одно это достаточно ясно свидѣтельствуетъ, какъ упорно работала мысль царя въ данномъ направленіи. Эта энергія вызывалась и поддерживалась какъ личнымъ убѣжденіемъ его въ необходимости школы, такъ и настойчивыми требованіями жизни, шедшей ускореннымъ, прямо таки лихорадочнымъ темпомъ. Работа была тѣмъ труднѣе, что вездѣ почти приходилось начинать сначала, поднимать цѣлину: XVII в. сдѣлалъ слишкомъ мало въ области свѣтской школы, а духовная, хотя и существовала, но нуждалась въ коренной реформѣ. Организація школы была проведена при Петрѣ самостоятельно, но принципы, на которыхъ покоилась она, органически вытекали изъ общихъ воззрѣній XVII в. на задачи школы. Чисто практическій, утилитарный взглядъ на науку, присущій XVII столѣтію, весьма характеренъ и для Петровской эпохи. Школа должна была не воспитывать человѣка, но учить его тому, что нужно было для его

[1]) Мы не даемъ особой статьи о московской школѣ и образованіи XVI—XVII в.в., потому что вопросъ о нихъ былъ достаточно освѣщенъ въ предшествующихъ выпускахъ въ статьяхъ М. Н. Сперанскаго, В. Я. Уланова и др. *Ред.*

дальнѣйшей службы: дѣти духовенства учили, кромѣ грамоты, псалтирь и часословъ, дѣти посадскихъ проходили начала ариѳметики, насколько требовали того ихъ занятія. При Петрѣ В. жизнь выдвинула новыя области знанія, и центръ тяжести перемѣстился въ сторону математическихъ и военно-морскихъ училищъ, но и здѣсь на первый планъ рѣзко выдвинулась профессіональная выучка. Государство требовало отъ школы инженера, артиллериста, подъячаго, священника; школа часто становилась не только подготовкой къ службѣ, но въ виду своей принудительности—самою службой.

Въ первую половину царствованія Петра В. Москва—главный и единственный центръ Петровской школы со всѣми ея характерными особенностями. Здѣсь существовали, помимо низшихъ цифирныхъ и дьяческихъ школъ, «Нѣмецкая» на Покровкѣ, «Навигацкая» на Сухаревой башнѣ, Инженерная и Артиллерійская, Медицинскій факультетъ доктора Бидлоо и, наконецъ, Славяно-греко-латинская Академія. При Петрѣ В. не существовало учрежденія, которое бы объединяло и направляло дѣятельность школъ, и, поэтому, каждая имѣла свои задачи и держалась особнякомъ.

Остановимся, прежде всего, на исторіи «*нѣмецкой*» школы. Эта первая московская «гимназія» интересна для насъ по новизнѣ матеріала, недавно только опубликованнаго, и по поучительности своей исторіи.

Идея «нѣмецкой школы» не была совершенно новой при Петрѣ В. Школы Нѣмецкой слободы, существовавшія еще при Борисѣ Годуновѣ, впервые стали играть нѣкоторую роль еще при царѣ Алексѣѣ. Въ 70-ыхъ годахъ XVII в. у пастора Грегори уже обучалось сценическому искусству 26 русскихъ мальчиковъ; при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ къ иноземцамъ были посланы два ученика «для обученія латинскому и цесарскому языкамъ», чтобы потомъ учиться «аптекарскому и алхимисткому дѣлу». Бывали случаи и частнаго обученія языкамъ у иностранцевъ-гувернеровъ. Такова была практика въ концѣ XVII в.

Въ XVIII в. эта потребность въ знающихъ языки возросла и уже не могла удовлетворяться, какъ прежде, случайными элементами. Правительство, въ лицѣ Посольскаго приказа, очень скоро должно было почувствовать острую нужду въ людяхъ, знающихъ языки. Начинаются посылки за границу молодыхъ людей для изученія послѣднихъ; такъ, въ 1700—1702 гг. были отправлены: сыновья дьяка Волкова, Ив. Толстовъ, М. Шафировъ, Матвѣй Виніусъ, Петръ Ларіоновъ, Петръ Постниковъ, Василій Ртищевъ и много другихъ.

Въ это же время была организована, по иниціативѣ Посольскаго приказа, школа иностранныхъ языковъ или, по тогдашней терминологіи, «Нѣмецкая школа».

Въ іюлѣ 1701 г. взятъ былъ въ Посольскій приказъ «ректоръ» Новонѣмецкой школы Николай Швимеръ въ качествѣ переводчика; сверхъ того, ему было еще поручено учить нѣмецкому и латинскому языкамъ «русскихъ всякихъ чиновъ людей и дѣтей, хто къ тому ученію будутъ ему даны». Въ ноябрѣ того же года ему, дѣйствительно, были отданы въ науку 7 человѣкъ, положено государево жалованье 120 руб. въ годъ, и

отведено помѣщеніе подъ школу. Всѣ ученики Швимера, кромѣ одного, были подъяческія дѣти и учились «разнымъ европскимъ языкамъ» исключительно для нуждъ Посольскаго приказа.

Средства на школу шли изъ Посольскаго приказа, который и завѣдывалъ всѣмъ ея несложнымъ хозяйствомъ; управленіе тоже сосредоточивалось здѣсь. Школу Швимера можно назвать въ извѣстной степени профессіональной, подъяческой школой: въ ней учились почти исключительно дѣти подъячихъ для нуждъ Посольскаго приказа. Возникновеніе школы и ея скромные размѣры обусловливались исключительно нуждами этого Приказа. Такова исходная точка Нѣмецкой школы Петровскаго времени. Швимеръ недолго преподавалъ въ этой школѣ; въ началѣ 1703 года онъ уже былъ удаленъ, «вѣроятно», замѣчаетъ С. А. Бѣлокуровъ, «вслѣдствіе незнанія или плохого знанія русскаго языка». Послѣ него нѣмецкая школа перешла въ руки пастора Эрнеста Глюка, съ именемъ котораго связывается самый цвѣтущій періодъ ея существованія (1703—1705 гг.).

«Препозитъ Гликъ» — очень интересная личность. Это былъ человѣкъ образованный, интересовавшійся школьнымъ дѣломъ. Поселившись въ Лифляндіи въ 1680 г., онъ былъ сперва пасторомъ, а затѣмъ пробстомъ и усердно заботился объ умноженіи школъ, въ томъ числѣ и среди русскихъ раскольниковъ восточной части Лифляндіи. Однако его проекты по школьному вопросу не осуществились въ виду смерти короля. Но Глюкъ не переставалъ заниматься этимъ дѣломъ и составлялъ школьные учебники на русскомъ языкѣ, переводилъ Библію. Послѣднее время Глюкъ жилъ въ Маріенбургѣ; при осадѣ этого города русскими войсками онъ вмѣстѣ съ семьей попалъ въ плѣнъ и былъ привезенъ въ Москву. Весьма вѣроятно, что «препозитъ Гликъ» былъ лично извѣстенъ царю, такъ какъ въ его домѣ долго жила вторая супруга Петра В., впослѣдствіи императрица Екатерина I, «schönes Mädchen von Marienburg». По прибытіи Глюка въ Москву, его, какъ полоняника, вѣдалъ Разрядный приказъ, и его держали подъ карауломъ. Вскорѣ, однако, онъ былъ переданъ въ вѣдѣніе Посольскаго приказа и сданъ на поруки пастору Нѣмецкой слободы Фагеціусу. Съ 20 января 1703 года Глюкъ уже числился на службѣ и получалъ «государево жалованье». Въ февралѣ ему были переданы всѣ 7 учениковъ Швимера, да въ мартѣ поступило еще три брата Веселовскихъ, такъ что онъ началъ занятія съ десяткомъ учениковъ.

Глюкъ продолжалъ учить «европскимъ языкамъ»; у него, повидимому, уже были и помощники по-французскому и латинскому языкамъ, съ дозволенія непосредственнаго начальника школы Ѳ. А. Головина. Въ іюлѣ 1703 г. бояринъ Головинъ писалъ дьякамъ Посольскаго приказа: «...Маріенбургскому апту .....скажите, чтобы онъ того учителя французскаго языка, котораго принялъ, держалъ и велѣлъ ему при иныхъ наукахъ учениковъ учить французскому языку, а при пріѣздѣ моемъ къ Москвѣ я школу ту учрежду и жалованье, какъ тому апту и французу опредѣлю».

Занятія, судя по дачамъ кормовыхъ денегъ, не прекращались и лѣтомъ 1703 г. и шли настолько успѣшно, что уже въ декабрѣ Глюкъ, увѣ-

ренный въ успѣхахъ своихъ учениковъ, просилъ Ѳ. А. Головина» учительную работу нашу пересмотрѣти и учениковъ испытати, понеже, что очима узримъ, извѣстнѣйше вѣруемъ, и отъ сихъ начненныхъ дѣлъ легко будетъ о будущихъ разсуждати». Послѣдняя фраза этого прошенія ясно указываетъ на то, что Глюкъ вовсе не желалъ останавливаться на полдорогѣ и думалъ расширить школу и развить ея программу. Изъ общаго тона прошенія замѣтно, что сущность его намѣреній и раньше была извѣстна правительству, такъ что въ разрѣшеніи онъ и не сомнѣвался. Между прочимъ онъ писалъ, что, «въ ожиданіи милости», перевелъ на русскій языкъ грамматику французскую, что «стоятъ уже 5 учителей на то дѣло готови», и просилъ дальнѣйшихъ распоряженій, «чтобы я и оны вѣдали, о чемъ впредь надѣятися». Дальше Глюкъ набрасываетъ цѣлую программу преподаванія, далеко оставлявшую позади первоначальную программу Швимера. Препозитъ думалъ «служить его царскому величеству въ наукѣ дѣтей различнымъ хитростямъ». «Хитрости» эти были слѣдующія: классическіе и древне-восточные языки, «европскіе» языки, затѣмъ—реторика, философія, геометрія, географія и «иныя математическія части», дальше—политика, исторія и даже медицина. Глюкъ просилъ дать ему домъ въ Нѣмецкой слободѣ, увеличить количество учениковъ и обѣщалъ «себѣ на вспоможеніе набрать иныхъ учителей во всякихъ вѣдѣніяхъ и языкахъ, надъ ними надзирать и самъ учить». Такъ хотѣлъ Эрнстъ Глюкъ чисто-спеціальную школу Швимера преобразовать въ гимназію съ довольно широкой программой преподаванія.

До насъ не дошло указа, который бы утверждалъ всю эту программу цѣликомъ, но, на основаніи различныхъ позднѣйшихъ и косвенныхъ документовъ, можно опредѣленно сказать, что главныя ея части и общеобразовательный характеръ уцѣлѣли и при практическомъ осуществленіи.

Въ февралѣ 1704 года, т. е. черезъ 3 мѣсяца послѣ вышеприведеннаго прошенія, школа Глюка была переведена на Покровку въ палаты боярина В. Ѳ. Нарышкина, гдѣ жила его вдова, которой было оставлено двѣ горницы. Скоро помѣщеніе стало тѣсно, и Посольскій приказъ, уже начиная съ весны 1704 г., то и дѣло посылаетъ къ боярынѣ «добрыхъ подъячихъ» съ просьбой, «чтобы она изволила съ двора того убиратца», а та отвѣчала, что «она государевой волѣ непротивна, но что вскорѣ ей тѣхъ полатъ очистить не мочно». Эта милая, для того времени очень характерная переписка продолжалась чуть ли не цѣлый годъ, когда, наконецъ, упрямая боярыня очистила требуемыя горницы, переѣхавъ въ построенный для нея домикъ на отмежеванной землѣ. Владѣнія школы, перешедшія къ ней вмѣстѣ съ домомъ, были довольно обширны: по Покровкѣ 30 саженъ и по переулку отъ Покровки къ церкви св. Николая, что у Столпа, около 60 саженъ. Палаты занимали 30 саженъ въ длину и 5 саженъ 1 аршинъ въ ширину. На дворѣ помѣщались всякія хозяйственныя постройки. Впослѣдствіи устроены были даже «особыя избы» для живущихъ учениковъ. Въ настоящее время на мѣстѣ палатъ боярина Нарышкина, что на Покровкѣ, стоитъ Елизаветинская гимназія. Именной указъ отъ 18 февраля 1705 года объ учрежденіи на дворѣ боярина Нарыш-

кина школы «для всеобщія всенародныя пользы» уже засталъ ее, вѣроятно, вполнѣ организованной и только оффиціально закрѣпилъ ея положеніе. Съ этихъ поръ она получаетъ названіе «гимназіи», гдѣ учили «языкамъ и философской мудрости», т. е. тѣмъ общеобразовательнымъ предметамъ, о которыхъ говорилъ Глюкъ. Устроенная «для всеобщей, всенародной пользы» и снабженная такой широкой программой, нѣмецкая школа быстро потеряла свой прежній узко-профессіональный характеръ: она была открыта для всѣхъ желающихъ учиться, кромѣ состоящихъ на государственной службѣ. Каждый, вновь пришедшій, долженъ былъ только записаться въ ту или иную группу и принимался часто даже безъ челобитья. Окончившимъ курсъ обѣщались «царская милость и взысканіе», а учащимся—кормовыя деньги. Можетъ быть, вслѣдствіе этого указа, въ нее въ 1705 году поступило еще вновь 18 чел., такъ что первая московская гимназія насчитывала у себя около 30 учениковъ.

Желая привлечь еще больше молодежи, Глюкъ составилъ очень оригинальное «приглашеніе къ Россійскимъ юношамъ, аки мягкой и ко всякому изображенію угодной глинѣ», которое начинается такимъ обращеніемъ: «Здравствуйте, плодовитые да токмо подпоръ и тычинъ требующіе дидивины!» Глюкъ приглашаетъ молодежь идти въ школу и убѣждаетъ ее «покорно внимати, послушно остроуміе свое приклонити и, что полезно вліется, пріимати». Указывая на мягкость и воспріимчивость дѣтской души онъ высказываетъ новыя воззрѣнія на задачи школы: школа не только учитъ, но и воспитываетъ, даже исправляетъ недостатки человѣка. «Благо одумайте, яко благочестіе не прирождается, но пристязается. Нива бо не дѣлана не носитъ пшеницу, но волчецъ и осоты. Подобаетъ разумъ вашъ очищати и соху прозорливаго наказанія прилагати, сѣмена же благихъ наукъ разсѣяти. Сей чинъ есть и сей путь къ жатвѣ обильнѣйшей».

Сравненія юношества съ неокрѣпшими «дидивинами», требующими подпоръ и тычинъ, съ мягкой глиной, удобной «ко всякому изображенію», съ нивой, которую нужно воздѣлать, чтобы получить пшеницу,—всѣ эти сравненія и метафоры скрывали за собой цѣлую педагогическую теорію, откуда не далеко было и до знаменитой «tabula rasa». Но среди чисто практической Петровской школы этотъ призывъ къ воспитанію юношества прозвучалъ одиноко, непонятый и неоцѣненный по достоинству. И сама гимназія, построенная на широкихъ общеобразовательныхъ началахъ, могла держаться только энергіей и трудомъ самого пастора.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ планами Глюка; о дѣйствительной постановкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ его гимназіи мы знаемъ немного.

Къ «приглашенію» Глюка былъ приложенъ «каталогъ учителей и наукъ», чтобы поступающіе знали, что то «не пыльные черви, но полезныя науки, сколько ихъ вамъ въ пользу и красоту пригодятся». Судя по этому каталогу, которому безусловно довѣрять трудно, такъ какъ это тоже только программа, въ гимназіи, кромѣ Глюка, должны были преподавать еще 7 учителей:

1) Іоаннъ Рейхмутъ — учитъ по географіи и философіи;

2) Христіанъ Глюкъ, сынъ препозита, преподаетъ греческій и древневосточные языки;

3) Іоаннъ Мерла (Lambert)—французскій языкъ;

4) Іоганъ Густавъ Вурмъ—нѣмецкій яз. и латынь;

5) Отто Бирканъ учитъ младшихъ по-латыни и ариѳметикѣ;

6) Стефанъ Рамбуръ—танцовальный учитель;

7) Іоаннъ Штурмевель—«конскій учитель».

Какъ видимъ изъ этой программы, главное вниманіе было по-прежнему сосредоточено на изученіи языковъ—древнихъ и новыхъ; общеобразовательныхъ предметовъ тоже довольно много, и они обязательны для всѣхъ, независимо отъ спеціальности ученика. И хотя въ челобитьяхъ не упоминается «о философской мудрости», а только объ языкѣ, но это еще не значитъ, что этой мудрости не было. Повидимому, судя по позднѣйшему расписанію, уроки шли цѣлый день, отъ 8 ч. утра и до 8 ч. вечера. Передъ уроками, по свидѣтельству Фокеродта, подтверждаемому и позднѣйшимъ свидѣтельствомъ Пауса, было положено пѣніе псалмовъ и чтеніе Евангелія. Всѣ ученики дѣлились по возрасту на три группы: младшихъ, среднихъ и высшихъ, т. е. старшихъ. Помимо спеціально избраннаго языка, младшая группа изучала грамоту, начала ариѳметики; средняя группа продолжала, повидимому, ариѳметическую науку и учила географію, а старшіе ученики, совершенствуясь въ языкахъ, слушали «исъ философіи дѣлательныя Ітіку и Політику», философію Картезіанскую и высшія степени математики. Всѣ должны были учиться танцамъ и «комплиментамъ» у Рамбура и конской ѣздѣ у «конскаго учителя».

Пастору Глюку очень недолго пришлось заниматься въ своей гимназіи: въ маѣ 1705 года онъ умеръ.

Вмѣстѣ съ его смертію началась медленная атрофія общеобразовательныхъ предметовъ программы. Такая тенденція замѣтна уже при первомъ преемникѣ его и особенно усилилась въ послѣднее пятилѣтіе существованія «Нѣмецкой школы» (1710—1715 гг.).

По смерти Глюка, завѣдываніе школой было передано Іоанну Вернеру Паусу, который состоялъ до тѣхъ поръ учителемъ гимназіи. Это былъ человѣкъ свѣдущій, удостоенный въ городѣ Галлѣ профессорской степени, но очень неспокойнаго нрава. Назначеніемъ его были недовольны учителя, особенно молодой Глюкъ, самъ мѣтившій на мѣсто отца. Паусъ очень недолго пробылъ ректоромъ школы; въ іюлѣ 1706 г., «по челобитью тоя школы учителей и по доносительному Павла Веселовскаго письму (куратора школы) и по ученическимъ допросамъ, учителю Паусу за многое его неистовство и развращеніе отъ тоя школы отказано». У него отобрали по распискѣ всѣ школьныя вещи, при чемъ не досчитались многихъ книгъ изъ ученической библіотеки, особенно учебниковъ.

Послѣ увольненія Пауса, мѣсто его занялъ «Иванъ Хрестьянъ Битнеръ», тоже изъ учителей гимназіи; онъ занималъ эту должность 4 года, до января 1711 г. Послѣ него уже не было оффиціальныхъ ректоровъ въ Московской гимназіи, а фактически ею управлялъ Ѳ. Ѳ. Поликарповъ, справщикъ Синодальной типографіи, очень образованный человѣкъ, одинъ изъ пер-

выхъ и лучшихъ учениковъ братьевъ Лихудовъ въ Славяно-греко-латинской Академіи.

Общая постановка учебнаго дѣла при преемникахъ Глюка характеризуется сокращеніемъ, а затѣмъ и полнымъ устраненіемъ общеобразовательныхъ предметовъ программы и преобладаніемъ изученія языковъ. Послѣднее пятилѣтіе 1710-1715 гг. гимназія представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ «курсовъ иностранныхъ языковъ», конечно, съ очень несложной программой.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется два расписанія занятій гимназіи въ 1706 году: одно дневное, распредѣляющее время учениковъ; другое опредѣляетъ количество занятыхъ часовъ каждаго учителя. Изъ сопоставленія этихъ двухъ программъ мы и попробуемъ ознакомиться съ положеніемъ учебнаго дѣла. Приводимъ первое расписаніе со словъ С. А. Бѣлокурова.

«Зимою ученики встаютъ въ 6 час. или раньше, если пожелаютъ. Послѣ, когда уже всѣ были готовы, читались отрывки изъ Св. Писанія Новаго Завѣта. Въ 9 ч. начинаются уроки. До 10 ч. въ разныхъ классахъ изучаются: «Orbis Pictus» А. Коменскаго, Dicta SS. Съ 10—11 изучалась грамматика, Корнелій Непотъ, formulae loquendi, vocabula. Съ 11—12 lingua gallica, grammatica germanica. Въ 12 ч. ученики освобождались на часъ для завтрака. Слѣдующій часъ посвящался правописанію и приготовленію къ слѣдующимъ урокамъ. Съ 2—3 epistolae germanicae, exercitia latina, imitationes, каллиграфія. Съ 3 до 4 читался Виргилій и Корнелій Непотъ, преподавалась ариѳметика, переводились пословицы, а старшіе упражнялись въ реторикѣ и фразеологіи (formulae loquendi). Съ 4 до 5 младшимъ преподавали французскій языкъ; съ 5—6 были урокъ исторіи и приготовленіе домашнихъ работъ. Часть учениковъ отпускалась домой, а часть слушала реторику, ариѳметику, философію или готовила уроки. Въ 7 ч. всѣ шли къ обѣду, въ 8 ч. писаніе писемъ». Учебный день продолжался 12 ч.—отъ 8 ч. утра и до 8 ч. вечера. Программа, если даже она и вся исполнялась, значительно сужена сравнительно съ прежней: нѣтъ восточныхъ языковъ, нѣтъ этики, политики, географіи, танцевъ. На общеобразовательные предметы удѣлено очень мало времени, около 2—3 ч., а остальные 9—10 шли на языки. Другая программа еще больше удѣляетъ мѣста языкамъ, а ей, въ виду ея оффиціальности, приходится вѣрить. «Отто Бирканъ учитъ читать и писать по-нѣмецки, учитъ въ день 6 час.; Вурмъ середнихъ въ нѣмецкомъ учитъ 6 час.; Бретшнейдеръ учитъ верхнихъ въ нѣмецкомъ 5 час.; Мерлотъ учитъ французскому языку 4 ч.; Іосифъ Гагенъ учитъ итальянскому языку 4 ч., Нордгренъ шведскому и исторіи; Гликъ верхнюю латинскому 4 ч.; Битнеръ имѣетъ (Sic?) среднюю латинскому; Паусъ учитъ три часа (латинскому?) и надзираетъ». Если судить по этому расписанію, то изъ общеобразовательныхъ предметовъ осталась только одна исторія, языки же сохранились всѣ, да появились еще шведскій и итальянскій.

Принимая во вниманіе, что многіе ученики изучали иногда одновременно 2 языка, мы увидимъ, что это и составляло около 10 час. занятій, т. е. приблизительно столько, сколько требуетъ первая программа. Отзывы, которые иногда дѣлались объ успѣхахъ учениковъ при выдачѣ имъ кор-

мовыхъ денегъ, опредѣляютъ только степень знанія того или другого языка. Наконецъ, преобладаніе въ ученической библіотекѣ иностранныхъ учебниковъ и книгъ свидѣтельствуетъ о томъ, что главное вниманіе обращено было въ эту сторону. Такъ обстояло дѣло въ 1706 г., черезъ годъ послѣ смерти Глюка.

Въ 1710 г. гимназія уже окончательно потеряла свой общеобразовательный характеръ и распалась на 4 отдѣльныя «школы»: цесарскую (нѣмецкую), французскую, латинскую и шведскую. Эти «4 разноязычныя школы» помѣщались съ 1707 г. уже не на Покровкѣ, т. к. зданіе гимназіи сгорѣло; онѣ переведены были на Ильинку, на Новгородское подворье, почти напротивъ Посольскаго двора.

Путемъ постепенныхъ «разборовъ» количество школъ все сокращалось; въ 1712 г. ихъ было уже 3—цесарская, французская и шведская; въ 1715 г., въ послѣдній годъ, только двѣ—нѣмецкая и французская.

Такой же процессъ таянія замѣтенъ и въ составѣ учениковъ и учителей нѣмецкихъ школъ. Въ первый годъ ея существованія при Швимерѣ въ ней учились почти исключительно подъяческія дѣти; въ гимназію Глюка, учрежденную «для всеобщія всенародныя пользы», поступали дѣти разныхъ сословій—приказныхъ, служилыхъ, дворянъ и князей, купцовъ и даже священниковъ, противъ чего возставали духовныя власти. Такой безсословный характеръ присущъ этой школѣ за все время ея существованія. Количество учениковъ бывало различно; оно колебалось между 6 и 100. Повидимому, число ихъ никогда не превышало сотни, хотя учителя и выражали готовность принять до 300 человѣкъ. Самый большой наплывъ былъ въ 1706—1708 годахъ; затѣмъ количество учениковъ все убываетъ и доходитъ въ 1715 году до 6 человѣкъ. Первое время всѣ ученики были приходящіе, но при Паусѣ и Битнерѣ были и живущіе; въ 1706 г. Паусъ просилъ построить для нихъ особыя избы, такъ какъ въ палатахъ было тѣсно.

Ученики дѣлились на двѣ неравныя группы—кормовыхъ и некормовыхъ, своекоштныхъ. Кормъ давался по челобитью бѣднымъ ученикамъ или за успѣхи, или «за многіе труды отца». Обычно при поступленіи ученикъ подавалъ челобитье: «Вели, государь, мнѣ, рабу твоему, учинить жалованье, чѣмъ бы мнѣ, будучи у того школьнаго наученія, пропитаніе имѣть и одеженкою и обувью не обноситца». Дача корма возрастала по мѣрѣ успѣховъ; на одномъ изъ списковъ кормовыхъ учениковъ встрѣчается такая помѣта: «Подписать учителямъ, кто въ коемъ градусѣ наукъ и кто лѣнивъ и тупъ». Учившіеся «съ великою нуждою и малымъ плодомъ» получали кормъ рѣдко и только тогда, если имъ, дѣйствительно, было «одѣться не во что, ѣсть и пить нечево». Кормъ давался только за дни ученія, сдѣльно; у «нѣтниковъ», т. е. у отсутствовавшихъ за «прогульные дни» кормъ вычитался. Въ случаѣ болѣзни, «скорби», деньги шли. Оклады были различны—отъ 2 алтынъ до 2 денегъ.—Въ виду того, что ученики всегда дѣлились на нѣсколько «школъ» и возрастныхъ группъ, педагогическій персоналъ былъ довольно значителенъ. Въ гимназіи при Глюкѣ на 28 чел. учениковъ полагалось 8 учителей. Всѣ учителя были иностранцы; нѣкоторые изъ нихъ случайно попали въ Россію, другіе были

Церковь Екатерининскаго Института въ Москвѣ.

нарочно вызваны «для науки молодыхъ ребятокъ», напр., Бретшнейдеръ, Паусъ, Битнеръ и др. Составъ учителей, ихъ количество постоянно мѣнялись; въ теченіе 15-лѣтняго существованія школы въ ней учили 18 человѣкъ, и только одинъ Вурмъ-нѣмецъ преподавалъ за все время ея существованія. Учительскій персоналъ, обычно состоявшій изъ 7 — 8 человѣкъ, началъ быстро таять послѣ 1711 года, когда школой сталъ завѣдывать гр. Мусинъ-Пушкинъ. Пять учителей велѣно «за малолюдствомъ отъ школьныхъ трудовъ успокоить», но двое, несмотря на указъ, остались и учили до 1712 г. Послѣдніе два года учили только Вурмъ по-нѣмецки да І. Гагенъ по-французски, и было у нихъ 6 учениковъ.

Первое время учителя получали небольшое жалованье и полное содержаніе, но затѣмъ, по ихъ челобитьямъ, оклады ихъ были увеличены, и вмѣсто 20—90 руб. въ годъ они стали получать отъ 50 до 120 рубл., что составитъ на наши деньги 400—1000 руб.

Средства на содержаніе школы шли первоначально изъ Посольскаго приказа, какъ мы уже знаемъ. По указу 1705 г., когда гимназія перестала быть только подъяческой школой и существовала для «всеобщей и всенародной пользы», на нее шли деньги въ размѣрѣ 3000 руб. (около 25.000 р.) изъ Петербургской Ингерманландской канцеляріи; но и въ это время продолжали существовать стипендіи Посольскаго приказа, которыя распредѣлялись между дѣтьми его служащихъ. Самый значительный расходъ были кормовыя деньги ученикамъ, которыхъ иногда было до 50 чел., а затѣмъ жалованье учителямъ. Денегъ однако вполнѣ хватало.

Всѣмъ хозяйствомъ школы послѣдовательно завѣдывали нѣсколько учрежденій: до 1705 г. Посольскій приказъ; съ 1705 по 1710 г. СПБ. Ижорская канцелярія. Заглазно управлять школой было неудобно; поэтому, непосредственный надзоръ былъ переданъ стольнику Павлу Веселовскому, куратору школы, и переводчику Посольскаго приказа Петру Коэту. Въ учебную часть они почти не входили, а вѣдали только хозяйство: дѣлали закупки, производили ремонтъ, раздавали кормовыя деньги и жалованье. По важнымъ дѣламъ сносились съ Петербургомъ и представляли туда отчетныя вѣдомости «за руками».

Съ 1-го янв. 1711 г. управленіе школой перешло къ гр. Мусину-Пушкину, начальнику Монастырскаго приказа въ Москвѣ, а черезъ два мѣсяца передано было Приказу книгъ печатнаго дѣла. За это послѣднее пятилѣтіе всѣми дѣлами школы завѣдывалъ, какъ уже было сказано, Ѳеодоръ Поликарповъ, замѣнившій и ректора и куратора.

Такъ, въ теченіе 15 лѣтъ Нѣмецкая школа смѣнила 4 «ректоровъ», и ею завѣдывали 4 учрежденія. Смѣна ректоровъ вліяла на академическую жизнь, измѣняя ея сущность и формы, а смѣна вѣдомства несомнѣнно усложняла и задерживала дѣлопроизводство; поэтому-то, Нѣмецкую школу трудно характеризовать какими-нибудь опредѣленными чертами. Въ ея исторіи можно отмѣтить три момента: 1. въ 1701—1703 г. это была профессіональная подъяческая школа Посольскаго приказа; 2. въ 1704-1710 гг.— гимназія съ широкой программой при Глюкѣ, постепенно сокращающейся

при его преемникахъ; 3. 1710—1715 г.—«разноязычныя школы» съ чисто практическими задачами.

Исторія Нѣмецкой школы очень поучительна: она показываетъ, насколько силенъ былъ при Петрѣ В. чисто практическій взглядъ на задачи школы. Гимназія Глюка съ общеобразовательнымъ курсомъ и воспитательными тенденціями держалась только имъ однимъ и стала падать тотчасъ послѣ его смерти. Учрежденія, завѣдывавшія школою, слишкомъ мало были заинтересованы въ поддержкѣ ея широкой программы, и практическая точка зрѣнія взяла верхъ. Школа сдѣлала свое дѣло: она выпустила около 250 чел., болѣе или менѣе знающихъ языки, а это очень много значило въ то время, когда шла борьба между учрежденіями изъ-за знающихъ языки людей.

Одновременно съ «Нѣмецкой школой» существовала въ Москвѣ цѣлая категорія *математическихъ* и *морскихъ училищъ*, на которыя Петръ I обращалъ особенное вниманіе, такъ какъ до 1715 г. они были главнымъ и единственнымъ средоточіемъ спеціальнаго образованія, въ которомъ такъ нуждалось государство. Въ этой области практиковалась въ обширныхъ размѣрахъ посылка молодыхъ людей за границу «для науки мореходства». Въ 1700 году былъ посланъ сынъ Никиты Зотова, въ 1706 г. было отправлено 30 чел., въ 1708 г.—25 дворянъ. Въ П. Собраніи Законовъ и въ приказныхъ дѣлахъ мы найдемъ не мало указовъ о посылкѣ дворянъ за границу и о наблюденіи тамъ за молодыми «гардемаринами», «чтобы не гуляли».

Одновременно шла энергичная организація математической и морской школы въ Москвѣ. Мысль о морскомъ училищѣ въ Россіи занимала Петра I еще во время его перваго путешествія по Европѣ. Въ 1698 году, во время его пребыванія въ Англіи, ему порекомендовали въ учителя математики профессора Эбердинскаго университета Андрея Ѳарварсона, котораго царь вмѣстѣ съ двумя другими учителями - англичанами взялъ съ собою. Въ 1699 году они пріѣхали въ Москву и нѣкоторое время очень бѣдствовали, помѣстившись въ небольшой горницѣ у Андрея Кревета. Скоро они были переданы въ вѣдѣніе Оружейной палаты, которая позаботилась о нихъ и стала выдавать имъ деньги на прожитье.

Распоряженій насчетъ школы долго никакихъ не было, такъ что они въ декабрѣ 1700 г. подали челобитье, чтобы имъ отвели помѣщеніе подъ школу на Мясницкой или на Покровкѣ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого напоминанія дѣло ускорилось: по указу 14 января 1701 года было предписано открыть математико-навигацкую школу въ Замоскворѣчьѣ, на полотняномъ дворѣ Кадашевской слободы, но, повидимому, тамъ было неудобно, и навигацкая школа была помѣщена въ Сухаревой башнѣ, гдѣ и оставалась во все время своего существованія.

Сухарева башня была построена не задолго до этого времени (1692—95 гг.). Названа она была Сухаревой въ честь стольника Лаврентія Сухарева, полкъ котораго остался вѣренъ Петру I во время стрѣлецкаго бунта 1689 года.

Для нуждъ школы производились въ 1701, 1702 и 1703 годахъ нѣкоторыя пристройки: въ 1701 г. были построены на башнѣ «4 верхнія

палаты», гдѣ, вѣроятно, и производилось ученіе. Эта постройка и всякаго рода ремонтъ потребовали очень значительной по тому времени суммы— около 4385 рублей.

По указу 14 января 1701 года въ школу велѣно было принимать дѣтей всѣхъ сословій, «кто похочетъ, а иныхъ паче и съ принужденіемъ», отъ 12 до 17 лѣтъ. Сперва комплектъ учениковъ былъ установленъ въ 200 чел., но уже въ началѣ 1703 г. ихъ было больше 300, а въ 1706 г. до 500. Хотя школа предназначалась главнымъ образомъ для дворянъ, однако, охотнѣе поступали въ нее дѣти низшихъ чиновъ. Завѣдывавшій школой дьякъ Оружейной палаты Алексѣй Курбатовъ пишетъ своему начальнику Ѳ. А. Головину 16 іюня 1702 года: «А нынѣ, государь, многія изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а іныя и сами недоросли, и рейтарскія дѣти, и молодыя изъ приказовъ подъячія приходятъ съ охотою не малою».

Дворяне поступали неохотно, и ихъ приходилось брать «съ принужденіемъ». Составлялись списки съ именами неявившихся молодыхъ дворянъ и прибивались къ городскимъ воротамъ Бѣлаго города.

Для этой же цѣли устраивались генеральные смотры дворянскимъ дѣтямъ, которыхъ царь самъ распредѣлялъ по разнымъ категоріямъ службы: однихъ назначалъ въ гвардію, другихъ помоложе разсылалъ по спеціальнымъ училищамъ и, между прочимъ, по указанію г. Веселаго, многіе попадали въ навигацкую школу на Сухаревой башнѣ.

Ученики побогаче должны были содержаться на свои средства; бѣдные же получали изъ школьныхъ суммъ не только кормовыя деньги, но часто и одежду. Въ 1703 году кормовыя деньги шли 200 ученикамъ. Ученикамъ полагалось носить камзолы французскіе. Трудно сказать, была ли это форма или же просто послѣдствіе указовъ Петра I отъ 4 янв. 1700 и 30 дек. 1701 гг., строго запрещавшихъ носить русское платье. Для контроля повелѣвалось въ Москвѣ при городскихъ воротахъ стоять особымъ цѣловальникамъ, которымъ поручалось съ ослушниковъ «имать пошлина — съ пѣшихъ по 15 алт. 2 деньги, съ конныхъ по 2 рубли съ человѣка». У многихъ бѣдныхъ навигаторовъ не было французскаго платья, и они ходили въ русскомъ, такъ что въ воротахъ у нихъ то и дѣло выходили непріятности съ цѣловальниками; такъ какъ взять съ нихъ было нечего, то оставляли въ залогъ ихъ «неуказное платье». «Школъ, государь, математико-навигацкихъ учениковъ, по приказу князя И. Б. Троекурова, часто задерживаютъ въ градскихъ воротѣхъ, у которыхъ нѣтъ платья французскаго», пишетъ Головину Ал. Курбатовъ 7 августа 1702 г. «А кому выкупить нечѣмъ, у тѣхъ лежатъ на караулѣхъ кафтаны многія дни, и мы о томъ князя Ивана Борисовича просили, чтобы тѣмъ ученикамъ платье отдать и впередъ ихъ не задерживать, доколѣ отпишемся къ тебѣ, государю. И противъ прошенія нашего онъ отказалъ и безъ денегъ платья отдать и впредь въ русскомъ и въ венгерскомъ платьѣ пропущать ихъ не велѣлъ въ ворота. Благоволи, государь, о томъ къ намъ отписать, что чинить. А имъ, ученикамъ, многимъ кафтановъ дѣлать нечѣмъ, развѣ милостію государевою будутъ имъ сдѣланы изъ казны».

Что отвѣтилъ боярин Головинъ, неизвѣстно, но въ концѣ 1702 г. среди расходныхъ статей помѣчено: «Ученикамъ 200 чел. разными въ дачахъ опредѣленіями 2187 руб. 10 ал. 1 д. Имъ же да писцу одному на кафтаны 240 рублей».

Всѣ ученики, получая кормовыя, жили на квартирахъ. Вѣроятно, жилось имъ не сладко, такъ что многіе числились въ бѣгахъ, да въ школу страшно было и показаться, такъ какъ «нѣтчиковъ» учили розгами.

Учителей при школѣ было 4—три иноземца, привезенные изъ Англіи: А. Ѳарварсонъ, Степанъ Гвинъ, Рыцерь Грейсъ и одинъ русскій—Леонтій Магницкій, авторъ извѣстной «Ариѳметики».

Всѣ учителя жили въ нижнемъ этажѣ Сухаревой башни. Профессоръ Ѳарварсонъ считалъ себя старшимъ, но никакихъ оффиціальныхъ полномочій онъ не имѣлъ. Всѣ учителя одинаково подлежали вѣдѣнію Оружейной палаты, и дьякъ Ал. Курбатовъ наблюдалъ за ними. Отсюда шло имъ жалованье; профессоръ Ѳарварсонъ получалъ 250 рубл., два другіе—по 150 руб., а Леонтій Магницкій—получалъ только 90 руб. 1 ал. 4 деньги, несмотря на то, что школой онъ занимался больше, такъ какъ на немъ лежали инспекторскія обязанности. На наши деньги они получали въ годъ отъ 2000 до 7000 руб.

О постановкѣ учебнаго дѣла и вообще о школьной атмосферѣ очень интересныя замѣтки содержатся въ перепискѣ дьяка Курбатова съ боярином Головинымъ, которая хранится въ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Въ іюлѣ 1702 г. Курбатовъ пишетъ: «...признаться, что агличаня учатъ ихъ чиновно, а когда временемъ и загуляются или по своему обыкновенію почасту и долго проспятъ, имѣемъ, по указу милости твоея..., Леонтія Магницкаго, который непрестанно при той школѣ бываетъ і всегда имѣетъ тщаніе не только къ единому ученикамъ въ наукѣ радѣнію, но и ко инымъ къ добру поведеніямъ». Въ этихъ письмахъ часто проскальзываетъ нѣкоторая нелюбовь и недовѣріе къ иноземцамъ. «И тѣ агличаня, видя въ школахъ его управленіе не послѣднее, обязали себѣ къ нему, Леонтію, ненавидѣньемъ, такъ что уже просилъ онъ, Леонтій, отъ частаго ихъ на него гнѣвоимѣнія отъ школы себѣ свободности». Онъ былъ не только оставленъ, но ему даже былъ порученъ негласный надзоръ за ходомъ учебныхъ занятій и поведеніемъ учителей: русскому довѣряли больше.

Программа школы была составлена, по словамъ г. Веселаго, спеціально изучавшаго исторію нашей морской школы, самимъ Петромъ I вмѣстѣ съ Ѳарварсономъ. Въ ней предполагалось преподавать чисто спеціальный курсъ математическихъ и морскихъ наукъ. «Сюда входили: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, съ ихъ практическими приложеніями къ геодезіи и, главное, къ мореплаванію, для котораго проходили навигацію и астрономію». Математикѣ училъ Ѳарварсонъ, «цыфири»—Магницкій, Грейсъ и Гвинъ—навигаторскимъ наукамъ.

Въ виду громаднаго процента неграмотныхъ дѣтей, пришлось нѣсколько измѣнить первоначальный планъ и ввести элементарное обученіе. Училище раздѣлилось на три отдѣленія или школы: 1) русская школа

ИЛОСТИ ХОЩУ, А НЕ ЖЕРТВЫ

учила грамотѣ, 2) цыфирная – ариѳметикѣ, 3) навигацкая проходила высшія ступени математики и морскія науки.

Практика установила, что дѣти низшихъ чиновъ, не-дворяне, проходили только двѣ первыя ступени, то есть программу обычной позднѣйшей цыфирной школы и затѣмъ уходили на службу въ подьячіе, въ учителя. Дѣти дворянъ шли дальше, изучали спеціальныя морскія науки и часто потомъ посылались для практики за море или въ Петербургъ: вѣдь не легко было въ сухопутной Москвѣ научиться морскимъ наукамъ, не видавши моря!

Опредѣленнаго срока для окончанія курса не было: кончали курсъ по мѣрѣ выучки и чѣмъ скорѣе, тѣмъ пріятнѣе было правительству. Время было очень горячее — Сѣверная война, и многіе навигаторы прямо со скамьи брались на корабли, въ дѣло.

Въ августѣ 1702 года Магницкій доносилъ въ Оружейную палату, что «если имѣть совершенное ко ученикамъ во ученіи радѣніе, то возможно быть шести человѣкамъ къ весеннему времени на корабли, въ чемъ имѣю тщаніе безлѣностное». Слѣдовательно, эти 6 человѣкъ, наиболѣе способные, «остропонятные» ученики проучились всего $2^1/_2$ года и даже меньше—съ января 1701 г. по мартъ 1703 г. Есть извѣстіе, что ученики еще до окончанія курса посылались въ качествѣ учителей въ матросскія портовыя школы, тогда только что заводимыя. Въ апрѣлѣ 1703 г. начальникъ адмиралтейскаго управленія велѣлъ прислать изъ Сухаревой школы въ Воронежъ «ради ученія матросовъ ариѳметикѣ изъ числа лучшихъ учениковъ двухъ человѣкъ», и по этому требованію, «по освидѣтельствованію Леонтія Магницкаго, двухъ человѣкъ съ нимъ отпустили, опредѣля жить имъ на Воронежѣ по два мѣсяца, перемѣняясь съ иными, чтобы отъ ученія отъ прочихъ не отстали».

Окончаніе курса замедлялось и затруднялось нѣкоторыми несовершенствами въ постановкѣ учебнаго дѣла. Прежде всего, приходится отмѣтить нѣкоторые недостатки преподаванія. Про учителей Ал. Курбатовъ пишетъ: «А дѣло, государь, призналъ я совершенное въ одномъ Андреѣ Ѳарварсонѣ, а тѣ два (Гвинъ и Грейсъ) хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтія наукою не дошли». Нѣсколько позднѣе онъ пишетъ еще рѣшительнѣе: «Меньшой, государь, учитель Рыцарь Грейсъ ни къ чему негодной, въ непостоянствѣ всякомъ и плутовствѣ учениковъ потворствуетъ, и самъ большой учитель ево не любитъ».

«Проходимый въ школѣ курсъ», пишетъ г. Веселаго, «весьма нетрудный и необъемистый при нынѣшнихъ способахъ ученія, въ то время былъ тяжелымъ бременемъ для головы ученика и требовалъ большихъ усилій, терпѣнія и прилежанія». Первое время, повидимому, учителя думали вести совмѣстную работу всего класса, поддерживая слабыхъ и не давая забѣгать впередъ способнымъ, но это шло въ разрѣзъ съ тогдашней школьной русской практикой, которая предоставляла каждому ученику идти такъ, какъ онъ могъ. Дьякъ недовольно замѣчаетъ въ своемъ письмѣ отъ 28 авг. 1702 г., что «учителя учатъ нерадѣтельно..., которыя учатца остропонятно, тѣхъ бранятъ и велятъ дожидаться меньшихъ».

Варварскій языкъ первыхъ учебниковъ часто ставилъ ученика совершенно втупикъ, а учителя, плохо знавшіе русскій языкъ, иногда не могли объяснить лучше. Чтобы дать хотя небольшое представленіе о тогдашнихъ учебникахъ, приведемъ оттуда нѣсколько выдержекъ. Опредѣленіе ариѳметики: «Ариѳметика или числительница есть художество честное и независтное, всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнихъ и отъ новѣйшихъ въ разныя времена явившихся философовъ изобрѣтенная и изложенная». Словъ много, а самаго существеннаго нѣтъ. Бываетъ и такъ, что совсѣмъ трудно понять, какъ, напр., такое опредѣленіе корня: «Радиксъ есть число яковыя либо четверобочныя или равномѣрныя фигуры или вещи, единъ бокъ содержащее. И того ради корень или радиксъ именуется, зане отъ него вся препорціи всея алгебры начинаются или рождаются». «Географія есть математическое смѣщенное, изъясняетъ фигура или корпусъ и фикція, свойство земноводнаго корпуса, купно съ ѳеноминами, со явленіями небесныхъ свѣтилъ». Мы уже не говоримъ о наивностяхъ, которыя постоянно встрѣчаются въ этихъ первыхъ учебникахъ: напр., «Москва-рѣка паче всѣхъ рѣкъ прославися зѣло и именемъ Мосоха, праотца Россійскаго, и пресвѣтлѣйшимъ престоломъ»... «Вода есть стихъ мокрій, студеный.» Опредѣленіе времени: «Время или бытіе вещей, еже небеснымъ подвигомъ берется, исходитъ же отъ круга солнца и луны».

Для учениковъ математико-навигацкихъ школъ издано было нѣсколько учебниковъ; многіе изъ нихъ были составлены «тщаніемъ» учителей этой школы или подъ ихъ редакціей. Въ 1703 г. появились «Таблицы lg, sn и tg», подъ редакціей Ѳарварсона; въ этомъ же году вышла первая русская «Ариѳметика» Л. Магницкаго. Въ 1708 г. вышла «Геометрія»; многія книги появились только въ 20-хъ годахъ, а до тѣхъ поръ приходилось пользоваться или иностранными учебниками, или же вести записки.

Школа навигацкая просуществовала въ теченіе всего царствованія Петра, но главный періодъ ея дѣятельности слѣдуетъ считать только до 1715 г., когда съ основаніемъ Морской Академіи въ Петербургѣ тамъ сосредоточилось мореходное образованіе. Изъ Московской школы взяты были Ѳарварсонъ и его два младшіе коллеги, а въ Москвѣ остался только одинъ Магницкій, который бралъ себѣ помощниковъ изъ своихъ же учениковъ. Здѣсь учили только грамотѣ, ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи, а для окончанія курса ученики ежегодно пересылались въ Петербургъ. Ученикамъ, видно, за этотъ періодъ жилось плохо, да и надзоръ за ними ослабѣлъ. Въ 1721 г. оказалось, что въ бѣгахъ числилось 127 человѣкъ.

Навигацкая школа для своего времени сослужила большую службу: ея воспитанники были не только моряками, но многіе изъ нихъ работали и на другихъ поприщахъ. Мы видимъ среди нихъ и инженеровъ, и геодезистовъ, и артиллеристовъ, и первыхъ учителей низшей свѣтской школы. Даже самъ Петръ I не могъ не замѣтить, что «не токмо къ морскому ходу нужна сія наука».

Остальныя двѣ московскія спеціальныя школы—Инженерная и Артиллерійская возникли въ 1712 году. Мы очень мало знаемъ о нихъ; по

дошедшимъ до насъ немногимъ документамъ видно, что онѣ были организованы по образцу математико-навигацкой школы.

Инженерная школа, учрежденная указомъ 16 янв. 1712 г. въ Ново-Нѣмецкой слободѣ, учила математическимъ и инженернымъ наукамъ. Есть упоминаніе въ «Матеріалахъ о нѣмецкихъ школахъ», что туда изъ Синодальной типографіи требовали по 15 экз. Orbis Pictus и «цесарскихъ» грамматикъ,—возможно, что тамъ проходили латынь и нѣмецкій. Здѣсь опредѣлено быть 100 чел. учениковъ, и отпускалось на эту школу 3037 руб. съ денежныхъ дворовъ.

Объ Артиллерійской школѣ знаемъ еще меньше: по указамъ 6 и 9 марта 1712 г. велѣно было барону Гинтеру обучать артиллеріи 20 чел. молодыхъ дворянъ. Обѣ эти школы были по своему составу такими же смѣшанными, какъ и Навигацкая. Въ 20-ыхъ годахъ обѣ онѣ были переведены въ Петербургъ, а въ Москвѣ остались только элементарные классы.

Существовалъ еще въ Москвѣ, на р. Яузѣ, медицинскій факультетъ доктора Бидлоо. Первоначально онъ набралъ себѣ «въ разныхъ годахъ и числахъ до 50 чел. до науки хирургической». Съ ними докторъ занимался практически при военномъ госпиталѣ и училъ ихъ лѣтъ 5 анатоміи, хирургіи и «искусству травъ». Нѣкоторые изъ нихъ такъ «обыкли» этимъ наукамъ, что «я, пишетъ Бидлоо въ своемъ прошеніи объ учрежденіи хирургической Академіи, «лучшихъ изъ сихъ студентовъ В. И. В. освященной особѣ или лучшимъ господамъ рекомендовать не стыжусь». Академія была основана и наполнялась главнымъ образомъ учениками Славяно-греко-латинской школы и вообще семинарій. Духовная школа напрасно протестовала. Первые московскіе доктора изъ русскихъ—воспитанники духовной школы.

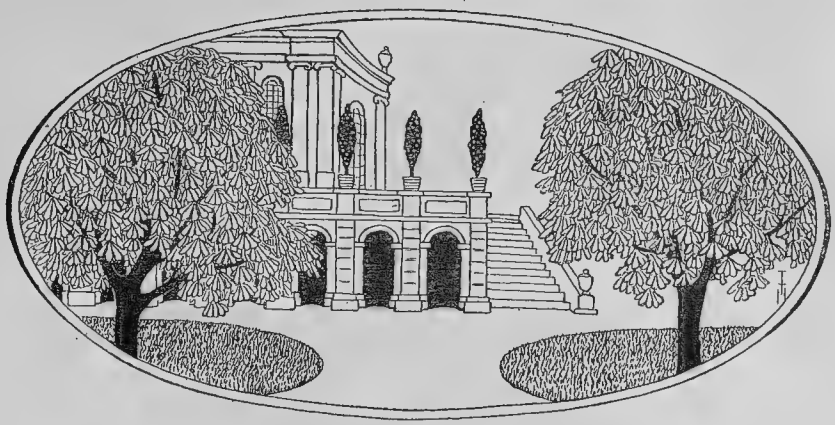
Говоря о Московской школѣ Петровской эпохи, нельзя забыть о Московской Духовной Академіи. Петровское время застало Академію въ полномъ упадкѣ. Старо-московская партія была недовольна братьями Лихудами, которые стали вводить въ Академіи пріемы латинскихъ школъ; ученые братья были удалены, ученики разбѣжались. Такъ печально окончились нескончаемые споры 70 и 80 годовъ о томъ, какую школу нужно имѣть въ Москвѣ—латинскую или греческую.

Съ первыхъ же лѣтъ царствованія Петра I стало ясно, по какому пути пойдетъ высшая духовная школа. Вскорѣ послѣ возвращенія царя изъ-за границы въ 1699 г. у него произошелъ очень любопытный разговоръ съ патріархомъ Адріаномъ объ Академіи, въ которомъ ясно была высказана мысль, что нужно послать нѣсколько человѣкъ въ Кіевскую Академію для подготовки изъ нихъ учителей для Московской духовной школы. Куратором Московской Академіи былъ поставленъ Стефанъ Яворскій, который, какъ южанинъ, конечно, стоялъ за введеніе на сѣверѣ кіевскихъ порядковъ. Наконецъ, въ іюлѣ 1701 г. послѣдовалъ указъ Петра, какъ всегда, очень краткій: «Устроить въ Академіи ученія латинскія». Для ускоренія дѣла изъ Кіева вызваны были не только профессора, но и ученики; программа и всѣ порядки цѣликомъ заимствованы оттуда же. Курсъ былъ установленъ восьмигодичный; проходились послѣдовательно слѣдующія ступени: 1) фара или аналогія, 2) инфима, 3) грамматика, 4) син-

таксисъ, 5) піитика, 6) реторика, 7) философія и 8) богословіе. Во всѣхъ классахъ обращалось особенное вниманіе на изученіе языковъ классическихъ, богословія и на развитіе проповѣднической способности. Въ программу входили также и общеобразовательные предметы—ариѳметика, исторія, географія, физика и политика. По своей программѣ Академія была общеобразовательнымъ заведеніемъ и первоначально для всѣхъ сословій: въ ней учились и дѣти дворянъ, и приказныхъ, и дѣти духовенства. Но затѣмъ, когда въ 20-хъ годахъ стали появляться въ нашей школѣ сословныя тенденціи, и Академія стала принимать мѣры къ своему обособленію, желая воспитывать только «въ надежду священства». Но это ей плохо удавалось, и въ ней всегда присутствовали чуждые элементы.—Своими учениками Академія сильно дорожила. Всѣмъ поступающимъ производился экзаменъ, и только въ случаѣ крайней тупости ученики отпускались восвояси; непокорныхъ и шаловливыхъ увѣщевали въ теченіе цѣлаго года и только, если уже оказывался «дѣтина непобѣдимой злобы», увольняли.

Оглядываясь теперь назадъ, мы видимъ передъ собою нѣсколько московскихъ школъ; каждая болѣе или менѣе ясно встаетъ передъ нами со своими индивидуальными особенностями и спеціальными задачами. Трудно выдѣлить какіе-либо принципы, общіе всѣмъ программамъ: каждая руководилась только своими спеціальными задачами, жила особыми средствами, подчинялась своему начальству. При Петрѣ В. не существовало чего-либо подобнаго Министерству Народнаго Просвѣщенія, которое объединяло бы дѣятельность всѣхъ видовъ школъ, проводило бы общіе руководящіе принципы. Школой завѣдывали самыя различныя учрежденія: тутъ и Посольскій приказъ, и Петербургская канцелярія, и Приказъ Книгъ Печатнаго дѣла, Монастырскій приказъ, Оружейная палата, Святѣйшій Синодъ и т. д. Всѣ эти учрежденія смотрѣли на учениковъ, какъ на своихъ будущихъ служащихъ; были заинтересованы почти исключительно въ ихъ практическихъ знаніяхъ и ловкости, но отнюдь не въ ихъ личности, какъ таковой. Личность здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, не принималась въ разсчетъ. Педагогія почти отсутствовала. Государство смотрѣло на ученика, какъ на служащаго: при поступленіи въ школу оно требовало по ученикѣ поручительства «добрыхъ людей», что ему, ученику, «безъ указу великаго государя съ Москвы не съѣхать и отъ школы не отстать»; оно выдавало ему кормовыя деньги за «заученные мѣсяцы»; за проступки наказывало батогами или кошками «по молодости лѣтъ», держало бѣглецовъ «за карауломъ». Мудрено ли, что наши «гимназисты» иногда въ большую перемѣну вмѣсто завтрака вступали въ бой съ торговцами Кисельнаго ряда; что наши «навигаторы» числились въ нѣтѣхъ, а при случаѣ всѣ они — и гимназисты, и техники, и мореходы охотно бѣжали изъ школы.

Московская школа, на-спѣхъ заведенная и постоянно понукаемая сверху, дала все, что могла дать; изъ нея вышли первые русскіе чиновники, учителя, доктора, техники, мореходы, и неуклюжій, неподвижный умъ русскаго недоросля привыкалъ къ мысли о необходимости труда и знанія.



Москва и Петръ Великій.[1])

В. Я. Уланова.

Мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если опредѣлимъ основной тонъ отношеній Москвы къ Петру Великому, какъ отношеніе оппозиціоннаго центра къ преобразовательной дѣятельности Петровскаго времени. Москва была центромъ оппозиціи, потому что здѣсь ярче были преданія «старины-пошлины», сросшіяся не только съ духовными переживаніями, но и съ житейскими интересами лицъ, которыя въ царствованіе Петра, по его словамъ, «не въ авантажѣ обрѣталися». Здѣсь больше было подготовленныхъ защитниковъ попираемаго теперь древле-русскаго, «православнаго» уклада и образа жизни,—защитниковъ, національное сознаніе которыхъ было пробуждено до болѣзненно-чуткихъ проявленій уже въ предшествующія два царствованія.

Отсюда шли «пущіе заводчики бунту» всякаго рода въ Астрахань и на Донъ, въ Архангельскую губ. и въ Зауралье... Здѣсь же выросъ и громко заговорилъ старѣйшій органъ общественной мысли при Петрѣ,—трибуна оппозиціи — Преображенскій Застѣнокъ, руководимый такимъ опытнымъ «заплечныхъ дѣлъ мастеромъ», какъ Ю. Ѳ. Ромодановскій,—«кесарь и звѣрь», по прозванію Петра, дѣлецъ, который, по его собственнымъ словамъ, «всегда въ кровяхъ омывался» настолько, что не имѣлъ даже досуга знаться съ Ивашкою Хмельницкимъ, съ этимъ обрусѣвшимъ Бахусомъ и непремѣннымъ геніемъ торжественныхъ забавъ и страшныхъ дѣлъ Петра и его сотрудниковъ.

---

[1]) Статья составлена по матеріаламъ, находящимся въ трудахъ и сборникахъ: М. И. Семевскій: «Слово и Дѣло»; Н. Новомбергскій: «Слово и дѣло государевы» (Матеріалы, т. II); Г. Есиповъ: «Раскольничьи дѣла», 2 тома; В. И. Веретенниковъ: «Исторія тайной канцеляріи»; С. М. Соловьевъ: «Исторія Р.» тт. 14—18; Записки Юста Юла, Фоккеродта и др.

Сюда въ кровавыя владѣнія «пресбургскаго короля» свозились со всѣхъ концовъ европейской и азіатской Россіи выразители общественнаго мнѣнія, избираемые не шарами, а выкрикомъ «слово и дѣло» на основаніи самой широкой избирательной формулы, какой не знаетъ ни одна самая демократическая страна: безъ различія возраста, пола, національности, вѣроисповѣданія, положенія и судимости. Рѣдко кто добровольно искалъ чести попасть въ это учрежденіе, за исключеніемъ лицъ, возбуждаемыхъ фанатической вѣрою въ свою миссію—словомъ убѣдить преобразователя отказаться отъ его заблужденій,—въ громадномъ же большинствѣ случаевъ это были *жертвы* своеобразныхъ избирателей съ цензомъ воровъ и душегубцевъ, бѣглыхъ солдатъ и шутовъ, пройдохъ и мстителей, искавшихъ въ сообщеніи «государева слова и дѣла» «случая отбыть свои вины и казни», получить награду, избавиться отъ конкурента, отомстить ненавистному помѣщику, судьѣ, учителю и просто сосѣду.

Здѣсь не «лишались слова» самые ярые оппозиціонеры; напротивъ, для возбужденія большей страстности и краснорѣчія здѣсь были въ ходу поощрительныя средства: дыба и виска въ хомутѣ вывернутыхъ надъ головою собственныхъ рукъ, кнутъ и батоги, огонь и спицы, а также духовный способъ чрезъ запугиваніе потусторонними вѣчными муками, о которыхъ можно было получить въ Преображенскомъ Застѣнкѣ реальное понятіе,—«на духу» вывѣдать все, что на вискѣ кнутомъ не удавалось выбить палачу...

Правда, эта своеобразная «свобода слова и совѣсти» была ограничена небольшой аудиторіей, состоявшей изъ главнаго мастера застѣночныхъ дѣлъ и его помощниковъ, вооруженныхъ кнутомъ, духовнымъ правомъ «вязать и рѣшать» и перомъ для запротоколиванія рѣчей, раздававшихся съ висячей трибуны.

Рѣчи эти во всей ихъ полнотѣ загремѣли со страницъ архивныхъ актовъ Преображенскаго Застѣнка только въ ближайшія къ намъ времена; современники же ихъ могли о нихъ догадываться только по краткому оглавленію, начертывавшемуся на мѣдныхъ доскахъ и листахъ, прибиваемыхъ на Лобномъ мѣстѣ съ перечисленіемъ «*вины* и *воровства*» обезглавливаемыхъ, удавливаемыхъ, колесуемыхъ и «инако терпящихъ» за свои «продерзостныя», «скаредныя» и «неистовыя» «слова и дѣла противъ особы великаго Государя»... Самъ Петръ Великій всячески старался, сознательно и безсознательно, питать Москву яркими, потрясающими впечатлѣніями, возбуждать въ ней переживанія, не вкладывавшіяся въ традиціонный кругозоръ москвича. Все замутилось въ вихрѣ Петровскихъ демонстрацій царскаго веселья и гнѣва, педагогическихъ выходокъ и дипломатическихъ «спектакулей», разражавшихся на улицахъ Москвы «предъ всенародными очами всякихъ чиновъ людей». Этимъ мы не хотимъ сказать, что Москва только при Петрѣ узнала уличныя процессіи и зрѣлища, имѣвшія дворцовое происхожденіе: пышныя шествія царственныхъ особъ, торжественные церковные ходы, яркіе въѣзды иноземныхъ пословъ, свадебныя и погребальныя процессіи, какъ и кровавые акты, ра-

зыгрывавшіеся на Красной площади, на Лобномъ мѣстѣ—все это въ свое время оставляло глубокіе слѣды не только въ памяти москвича, но и заѣзжаго иноземца; но все это не выходило изъ «чина», къ которому привыкла исконная Москва. Публичныя же выступленія Петра Великаго носили всегда, съ точки зрѣнія москвича, какой то «безчинный» характеръ, потому что въ большинствѣ случаевъ были проникнуты тенденціозно-педагогическими замыслами Петра, который былъ столь же рѣшительнымъ и нетерпѣливымъ воспитателемъ общества, какъ хирургомъ, зубнымъ врачомъ, костюмеромъ и застѣночныхъ дѣлъ мастеромъ: рубилъ съ плеча, по пословицѣ «однимъ махомъ семерыхъ побивахомъ»...

И въ своихъ красочныхъ выступленіяхъ предъ москвичами онъ не только торжествовалъ побѣды, веселился и каралъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ старался подчеркнуть превосходство вводимыхъ имъ новшествъ, унизить противниковъ, кто бы они ни были, саркастически поиздѣваться надъ ненавистной стариной, забросать ее грязью, не стѣсняясь въ средствахъ и предметахъ осмѣянія, не считаясь съ чувствами участниковъ и зрителей своихъ педагогическихъ экспериментовъ-зрѣлищъ.

Мы набросаемъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ зрѣлищъ, приглашая читателя на минутку проникнуться настроеніемъ москвича, только что перешедшаго изъ Москвы XVII въ Москву XVIII в. со всѣми общественными, политическими и религіозными навыками современниковъ «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича,—войти въ положеніе москвича, который и отъ царя требовалъ извѣстнаго «чина» поведенія, зналъ толкъ въ придворномъ церемоніалѣ и убѣдился въ самозванствѣ Димитрія I, когда воочію увидѣлъ, что царь этотъ не «послѣдуетъ предкамъ» въ спаньѣ послѣ обѣда, запросто гуляетъ, водится съ поляками и проч.

Какимъ отступленіемъ отъ традиціоннаго чина долженъ былъ показаться Москвѣ хотя бы слѣдующій тріумфальный въѣздъ Петра въ Москву послѣ Полтавы, какъ онъ описанъ у одного иностранца (Юста Юла).

«Когда все было готово для въѣзда, съ городскихъ стѣнъ и валовъ выпалили изо всѣхъ орудій, и шествіе тронулось въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди выступалъ хоръ музыки изъ трубачей и литаврщиковъ въ красивомъ убранствѣ. Командиръ Семеновской гвардіи ген.-лейтенантъ князь М. М. Голицынъ велъ одну часть этого полка, посаженную на коней, хотя самый полкъ исключительно пѣхотный. Заводныхъ лошадей Голицына, покрытыхъ великолѣпными попонами, вели впереди».

Далѣе трофеи и плѣнные по чинамъ и отрядамъ...

«Замыкала остальная часть Семеновской гвардіи.

Потомъ, въ саняхъ на сѣверныхъ оленяхъ и съ самоѣдомъ на запяткахъ, ѣхалъ Wimeni (сумасшедшій французъ, поставленный Петромъ въ цари самоѣдовъ); за нимъ слѣдовало 19 самоѣдскихъ саней, запряженныхъ парою или тремя сѣверными оленями. Самоѣды эти, низкорослые, коротконогіе, съ большими головами и широкими лицами, были съ ногъ до головы облечены въ шкуры сѣверныхъ оленей, мѣхомъ наружу; у каждаго къ поясу прикрѣпленъ мѣховой куколь. Понятно, какое производилъ впечатлѣніе и какой хохотъ возбуждалъ ихъ поѣздъ... Безъ сомнѣ-

нія, шведамъ было весьма больно, что въ столь важную трагедію введена была такая смѣшная комедія.

...Самъ царь на красивомъ гнѣдомъ конѣ, бывшемъ подъ нимъ въ Полтавскомъ бою. Справа отъ него ѣхалъ верхомъ ген.-фельдмаршалъ князь А. Д. Меньшиковъ, слѣва—ген.-м. и подполковникъ Преображенскаго полка, кавалеръ св. Андрея, князь Долгорукій. Весь поѣздъ прошелъ подъ семью тріумфальными воротами, нарочно для этого воздвигнутыми въ разныхъ мѣстахъ. Вышину и пышность ихъ невозможно описать. Ихъ покрывало множество красивыхъ аллегорій и своеобразныхъ карикатуръ, писанныхъ красками и имѣвшихъ цѣлью осмѣяніе шведовъ. Ворота стоили большихъ денегъ; но самъ Царь ничего на нихъ не израсходовалъ, такъ какъ по его приказанію ихъ возвели на свой счетъ нѣкоторые богатые бояре. Въ воротахъ играла прекрасная духовая музыка и раздавалось стройное пѣніе. Молодежь, толпами встрѣчавшая Царя на улицахъ и площадяхъ, бросала къ его ногамъ вѣтки и вѣнки. Стеченіе народа и черни было ужасное; всѣ хотѣли видѣть Царя и пышный поѣздъ. Чуть не черезъ домъ, изъ дверей выходили бояре и купцы и подносили Царю напитки... На всѣхъ улицахъ и площадяхъ по всему городу возлѣ дверей домовъ были поставлены сосны и вѣнки изъ сосновыхъ вѣтокъ. У знатныхъ бояръ и важныхъ купцовъ ворота были расписаны красивыми аллегоріями и рисунками разнообразнаго содержанія, по большей части направленными къ осмѣянію шведовъ. Рисунки изображали: Орла, который молніей свергаетъ Льва съ горы; Льва въ темницѣ; Геркулеса въ львиной шкурѣ, убивающаго Льва и т. п. Словомъ, pictores atque poetae соединились вмѣстѣ, чтобы, съ помощью своего искусства, общими силами покрыть шведовъ позоромъ... Какъ Царь, такъ и всѣ окружающіе его лица были пьяны и нагружены какъ нельзя лучше. Затѣмъ,—разсказываетъ авторъ,—я и посланникъ Грунтъ поѣхали къ однимъ изъ тріумфальныхъ воротъ, чтобы на болѣе близкомъ разстояніи увидать подробности... Мы проѣхали порядочный конецъ, какъ вдругъ мимо насъ во весь опоръ проскакалъ Царь. Лицо его было чрезвычайно блѣдно, искажено и уродливо; онъ дѣлалъ различныя страшныя движенія головою, ртомъ, руками, плечами, кистями рукъ и ступнями.

Царь, подъѣхавъ къ одному солдату, несшему шведское знамя, сталъ безжалостно рубить его мечомъ. Далѣе Царь остановилъ свою лошадь, но все продолжалъ дѣлать описанныя страшныя движенія, вертѣлъ головою, кривилъ ротъ, заводилъ глаза, подергивалъ руками и плечами и дрыгалъ взадъ и впередъ ногами. Въ ту минуту его окружали важнѣйшіе его сановники. Всѣ они были испуганы, и никто не смѣлъ къ нему подойти, они видѣли, что Царь чѣмъ то раздосадованъ и сердитъ. Наконецъ, къ нему подъѣхалъ и заговорилъ съ нимъ его поваръ, Іоганъ фонъ-Фельтенъ...» И царь постепенно успокоился...

Развѣ такъ торжествовали предки Петра побѣды надъ врагомъ? Не языческіе геркулесы и марсы встрѣчали ихъ, а честныя иконы, предносимыя столичнымъ духовенствомъ; не водку подносили въѣзжавшимъ въ городъ побѣдителямъ, а святою водой кропили ихъ благоговѣйныя

Подмосковная „Мареино“, принадлежитъ гр. Паниной.

лица; не богомерзкою музыкой иноземныхъ «игрецовъ», а малиновымъ звономъ колоколовъ сопровождалось торжественное шествіе царя и побѣдоносныхъ войскъ по стогнамъ града Москвы...

Такія или приблизительно такія мысли долженъ былъ навѣвать на степеннаго москвича полуязыческій тріумфъ Петра. Все поведенье его обличало въ немъ «не настоящаго» царя. Эта жестокая расправа съ солдатомъ, это странное на глазахъ у всѣхъ подергиванье головы, лица, рукъ и ногъ... И это многіе учли, какъ явный показатель того, что Петръ—царь не настоящій: «Что онъ головой запрометываетъ и ногой запинается, и то, знамо, его нечистый духъ ломаетъ...»

Иного рода сцены разыгрывались предъ москвичами по манію Петра, сцены невиданной жестокости и безчиннаго участія въ нихъ самого государя. При розыскѣ стрѣлецкаго бунта самъ Петръ собственноручно рубилъ головы стрѣльцамъ и требовалъ отъ приближенныхъ того же: «кн. Ромодановскій отсѣкъ четыре головы стрѣлецкихъ; Голицынъ, по неумѣнью рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; любимецъ Петра, Алексашка (Меншиковъ), хвалился, что обезглавилъ 20 человѣкъ; полковникъ Преображенскаго полка Блюмбергъ и Лефортъ отказались отъ упражненій, говоря, что въ ихъ земляхъ этого не водится. Петръ смотрѣлъ на зрѣлище, сидя на лошади, и сердился, что нѣкоторые бояре принимались за дѣло трепетными руками. А у пущихъ воровъ и заводчиковъ ломаны руки и ноги колесами; и тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и тѣ стрѣльцы, за ихъ воровство, ломаны живые, положены были на тѣ колеса и живы были на тѣхъ колесахъ немного не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали; и по указу великаго государя одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузеи... А попы, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкахъ, одинъ передъ тіунскою избою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на колъ, и тѣло его положено на колесо» (С. Соловьевъ). Въ шесть дней было казнено въ Москвѣ 628 человѣкъ; кромѣ того, 195 стрѣльцовъ повѣшено подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, передъ кельею царевны Софьи; трое изъ нихъ, повѣшенные подлѣ самыхъ оконъ, держали въ рукахъ челобитныя съ написаннымъ «противъ ихъ вины». *Цѣлые пять мьсяцевъ трупы не убиралисъ* съ мѣстъ казни, — цѣлые пять мѣсяцевъ стрѣльцы держали свои челобитныя передъ окнами Софьи...—Тоже своеобразный воспитательный пріемъ, которымъ рѣшительный Петръ хотѣлъ подѣйствовать на старую Москву.

Но тщетно... Черезъ 15 лѣтъ дѣло царевича Алексѣя вызвало Петра на повторенье того же педагогическаго эксперимента и съ не менѣе предосудительнымъ личнымъ участіемъ самого Петра въ этомъ страшномъ дѣлѣ. Онъ не стѣснялся давать пинки корчащимся послѣ колесованія жертвамъ, упрекая ихъ въ черной измѣнѣ, выслушивая отъ нихъ предсмертныя проклятія и получая публичные плевки отъ тѣхъ, кто уже не могъ говорить.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ Москвѣ пошли толки о ненормальной кровожадности Петра. Москва забыла про Грознаго, но она по-

мнила «Тишайшаго», который разъ «огрѣшился»: «сомлѣвъ» отъ испугу, ударилъ челобитчика жезломъ такъ, что тотъ Богу душу отдалъ; но «Тишайшій» послѣ этого не хотѣлъ пищи принимать, не выходилъ изъ комнаты, молился и плакалъ; сынъ же его «совсѣмъ обасурманился,—говорили на Москвѣ, — въ среду и пятницу мясо ѣстъ — ожидовѣлъ и безъ того жить не можетъ, чтобъ въ который день крови не пить...» — «Видишь ли,— говорили въ другомъ углу,—роды ихъ... нынѣ пошли неистовые, и мы... за такого Государя Богу за здравіе не молимъ»... Въ Преображенскомъ приказѣ раздавались не единичныя признанія, что у Государя «на ниткѣ голова держится... для того, что московскихъ четырехъ полковъ стрѣльцовъ переказнилъ...» — «И остальныхъ, чаю, людей всѣхъ изведетъ»,— добавляли другіе.

— «Государь съ молодыхъ лѣтъ бараны рубилъ, и нынѣ руку ту натвердилъ надъ стрѣльцами,—говорили женщины.—Котораго дня государь и князь Ѳедоръ Юр. Ромодановскій крови изопьютъ, того дня въ тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ, и того дня и хлѣбъ не ѣстся». Даже вѣсть о смерти Петра ассоціировалась съ его мрачными казнями.— «Вотъ стоитъ Глѣбова кола,—самому ему заперло!—злорадствовалъ инокъ одного изъ московскихъ монастырей, намекая на страшную казнь Глѣбова (черезъ посаженье на колъ).—И чтобъ его тѣлу сквозь землю провалиться. Самъ пропалъ, да и всѣ пропадутъ»,—поминалъ инокъ уходящаго въ лучшій міръ Петра Великаго.

Еще болѣе необычными казались москвичамъ веселыя потѣхи Петра, обращавшія въ концѣ концовъ сановитыхъ и родовитыхъ бояръ въ предметъ народнаго посмѣшища, да еще на глазахъ у иноземцевъ. Такъ, въ дневникѣ датскаго посланника Юста Юла записано подъ 5 февр. 1710 г.: «Царь катался по Нѣмецкой слободѣ. Онъ велѣлъ привязать другъ къ другу 50 слишкомъ саней и въ переднія запречь десять лошадей. Самъ онъ сѣлъ въ переднія; въ остальныхъ размѣстились важнѣйшіе русскіе сановники. Забавно было видѣть,—замѣчаетъ иностранецъ,—какъ на поворотахъ, огибая угловые дома, сани раскатывались, опрокидывались и роняли сѣдоковъ. Едва успѣютъ подобрать упавшихъ, какъ у слѣдующаго поворота опять вывалятся человѣкъ 10—12, а то и больше».

Иностранцу было «забавно видѣть» это зрѣлище; злорадствовали, можетъ быть, нѣкоторые «терситы» изъ москвичей; но каково то было степеннымъ москвичамъ, привыкшимъ видѣть бояръ Государя окруженными ореоломъ важности, горделивой позы и общественнаго преклоненія. Мы уже не говоримъ о самихъ сановникахъ, въ средѣ которыхъ были не одни «Алексашки да Лефортки», пирожники и иноземные мастера, но и родовитые князья и бояре, предки которыхъ даже Грозному не позволяли «наносить поруху роду своему».

Впрочемъ, Петръ «посягалъ» не на одинъ ореолъ своихъ сановниковъ: все искони святое въ глазахъ москвича обращалось Петромъ въ площадное посмѣшище.

Иванъ Голиковъ, собиравшій по свѣжимъ слѣдамъ и на основаніи документовъ разсказы о шутовскихъ затѣяхъ Петра, описываетъ одно

изъ злѣйшихъ публичныхъ издѣвательствъ Петра надъ чувствами москвичей, связанными съ ихъ церковными переживаніями.

Мы не говоримъ о скабрезныхъ и кощунственныхъ дѣяніяхъ «всепьянѣйшаго и сумасброднѣйшаго собора», этой злѣйшей пародіи на обряды католической и молитвословія православной церкви.

Они совершались среди избраннаго общества, при накрѣпко закрытыхъ дверяхъ, рѣдко выливаясь на улицу Москвы въ видѣ шутовской процессіи, и могли считаться даже своеобразнымъ торжествомъ православія надъ осмѣяннымъ папежствомъ. Но Петръ рѣшилъ подвергнуть публичному позорищу и память объ упраздняемомъ патріаршествѣ.

Еще при жизни патріарха учитель Петра дьякъ Зотовъ носилъ кличку «патріарха Кокуйскаго». Въ санѣ князь-папы и «всепьянѣйшаго патріарха» выступалъ онъ въ шутовскихъ процессіяхъ, въ одеждѣ патріарха, и даже разсылалъ москвичамъ свои посланія, пародировавшія не только посланія патріарховъ, но и извѣстныя молитвы. Таковъ обнародованный со словъ Государя указъ всешутѣйшева и всепьянѣйшева князь-папы: «Объявляетъ наша немѣрность (патріархи писали: «наша мѣрность»), что мы иногда такъ утруждены (отъ пьянства) бываемъ, что съ мѣста двинутися не можемъ; отчего случается, что не всѣ домы посѣтить можемъ, которые того дня обѣщали (по примѣру духовныхъ славильщиковъ на святкахъ); а хозяева оттого въ убытокъ входятъ, ради другово пріуготовливанія. Того ради, симъ объявляемъ и накрѣпко заповѣдуемъ, подъ наказаніемъ великаго орла (кубка): дабы ядей никакихъ никто (заранѣе) не готовилъ. А буде у кого соизволимъ трапезу снѣсть, и тому заранѣе будетъ указъ нашъ объявленъ.

«И для вящаго увѣренія, сей указъ нашею рукою подписали и великою Гавріиловскою печатью запечатать повелѣли».

При указѣ приложено объявленіе: «что имѣть въ домѣ, въ оный же входимъ»:

«Хлѣбъ, соль, калачи, икра, сельди, окорока, сухія куры или зайцы, ежели случится; сыръ, масло, колбасы, языки, огурцы, капуста, яйцы и табакъ».

«Надъ всѣми же сими превозлюбленные наши вины, пива и меды, сего что вяще, то намъ угоднѣйшее будетъ, ибо *въ томъ живемъ, и не движемся и, есть мы или нѣтъ, не вѣдаемъ*». (Срав. съ текстомъ: въ немъ же живемъ, движемся и есьмы).

Этотъ же Зотовъ игралъ роль высмѣиваемаго патріарха въ цѣломъ рядѣ комическихъ выступленій, на изобрѣтеніе которыхъ Петръ былъ неистощимъ. Зотовъ въ патріаршихъ одеждахъ садился на гряженую осломъ лошадь, а Петръ «держалъ стремя его коня, по примѣру нѣкоторыхъ царей Россійскихъ, при возсѣданіи патріарха на коня въ назначенные дни» (въ извѣстной процессіи, изображающей «шествіе Христа въ Іерусалимъ на осляти») (Голиковъ). Къ этой же цѣли публичнаго осмѣянія патріарха въ глазахъ москвичей клонилась справленная въ Москвѣ грандіозная свадьба всешутѣйшаго патріарха.

Цѣлый годъ готовился Петръ къ этому шутовскому позорищу. Дѣлалъ не разъ смотръ шутовскимъ костюмамъ, распредѣлялъ мѣста участ-

никовъ въ церемоніальномъ шествіи, сочинялъ пригласительный текстъ. Участниками этого торжества были всѣ сколько-нибудь соприкасавшіяся съ Петромъ лица, начиная отъ императрицы и наслѣдника и кончая послѣднимъ деньщикомъ. Приглашались и другія лица по «позывной грамотѣ», полной саркастическихъ загадочныхъ опредѣленій, направленныхъ противъ тѣхъ, кого хотѣлось высмѣять Петру. Читать эту «позывную грамоту» возложено было на отборныхъ заикъ, которымъ предписывалось, «позвать вѣжливо, особливымъ штилемъ, *не торопясь*, тово, кто фамиліею своею гораздо старѣе чорта».

«Тово, кто всѣхъ обидитъ смѣхами и хохотаньемъ».

«Сумозбродныхъ и *спорливыхъ по именамъ* (намекъ на мѣстничество?) и немного ихъ, и всѣ въ лицахъ».

«Древняго *стариннаго* архимастера; тово, кто немного учился и ничего не вѣдаетъ; тово, кто не любитъ сидѣть, а все похаживаетъ».

«Того, кто съ похмелья гораздо прытокъ... (непечатность) и бѣлая дорогая».

«*Старова оберъ-боярина, старова* князь-дворянина» и т. д.

«Чаятельно (кажется),— добавляетъ Голиковъ, — таковую насмѣшку всѣ тѣ разумѣли, до кого оная касалась».

«Въ день свадьбы (16 янв.),— разсказываетъ далѣе Голиковъ,— весь кортежъ, въ предшествіи жениха, шествовалъ въ домъ канцелярскій съ своею музыкою. Знатные ѣхали въ большихъ линеяхъ, каждая о шести лошадяхъ; такихъ же было 16 линей для поѣзжанъ. Изъ дома съ невѣстою шествовали въ церковь. Четыре престарѣлые человѣка вели обрученную чету, и которые заступали мѣсто церемоніймейстеровъ; предъ ними шли въ скороходскомъ платьѣ четыре же претолстые мужика, которые были столь тучны и тяжелы, что имѣли нужду, чтобъ ихъ самихъ вели, нежели чтобъ бѣжать имъ предъ мнимымъ патріархомъ и его невѣстою. Самъ монархъ между поѣзжанами находился въ матросскомъ платьѣ. Собора Архангельскаго священникъ, вѣнчавшій обрученныхъ, имѣлъ болѣе 90 лѣтъ. Изъ церкви тѣмъ же порядкомъ весь кортежъ сей слѣдовалъ, съ тою же музыкою и тѣмъ же порядкомъ, при пушечной пальбѣ и звонѣ колоколовъ, въ домъ новообвѣнчавшагося мнимаго патріарха, гдѣ имѣли и обѣденный столъ; молодые (изъ коихъ первому полагаютъ около 70-ти лѣтъ) впродолженіе онаго непрестанно подчивали гостей своихъ разными напитками. На другой день по утру тѣмъ же порядкомъ, въ тѣхъ же уборахъ и съ такою же смѣшною музыкою весь кортежъ сей шествовалъ въ домъ сего князь-папы или, какъ на то время называли его, *князь-патріарха*; и съ пресмѣшными обрядами поднявъ ихъ, слѣдовали въ домъ адмирала Апраксина, въ которомъ отобѣдавъ, возили молодыхъ, въ предшествіи всего же кортежа, *по всему городу*.

Въ первый день брака угощенъ былъ и весь народъ, стеченіе котораго было безчисленно; для него выставлены были многія бадьи съ виномъ и пивомъ и разныя яства. *Сей народъ, толико уважавшій достоинство патріаршее, въ сіи дни съ великимъ смѣхомъ забавлялся на счетъ онаго.* Народъ говорилъ тогда съ великимъ смѣхомъ: «Патріархъ женился! Пат-

Боголюбовъ. Въ Кузьминкахъ.

ріархъ женился!» Другіе съ ковшикомъ вина или пива кричали: «да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!» и проч.

Забавы сіи продолжались съ 15 января по самый февраль мѣсяцъ».

Въ 1702 г. совершена была свадьба шута Шанскаго. Весь всепьянѣйшій соборъ былъ налицо. «Свадьба совершена была съ выполненіемъ мельчайшихъ обычаевъ старины; опаивали между прочимъ горячимъ виномъ, пивомъ и медомъ съ неотступными просьбами и поклонами. «Ваши предки,—шутилъ Петръ, обращаясь къ поборникамъ старины,—употребляли эти напитки, а старинные обычаи всегда лучше новыхъ».

Наряду съ Зотовымъ въ патріаршемъ одѣяніи выступалъ *кесарь Ромодановскій въ одеждѣ русскаго царя XVII вѣка* (Семевскій). Нарядить перваго палача, ужасъ Москвы и всей Россіи, въ царскія одежды, которыя носили отецъ и дѣдъ Петра, и въ такомъ видѣ демонстрировать своихъ царственныхъ предковъ предъ москвичами не значило ли повергать зрителей въ недоумѣніе, чреватое самыми острыми чувствамм протеста, самыми нелѣпыми объясненіями «безчинныхъ» въ глазахъ москвича выходокъ страннаго царя?

Но не одни только публичныя издѣвательства Петра надъ всѣмъ, что искони привыкъ благоговѣйно и чинно чтить москвичъ, вызывали въ послѣднемъ «недоумѣнные помыслы», «скаредную брань» и «неистовыя желанія». Петръ въ своихъ «замыслахъ» не любилъ останавливаться на полдорогѣ, и рѣшительнымъ законодательствомъ, съ строгими угрозами за нарушеніе его, проводилъ въ жизнь тѣ мысли, какія проглядывали въ его уличныхъ «спектакуляхъ» и частныхъ выходкахъ.

Учрежденіемъ Синода Петръ не только рѣшился устранить единоличную власть патріарха съ его «папежскими замахами», но и весь тотъ благочестивый хламъ наивныхъ вѣрованій, которыя затемняли духовную сторону религіи, превращали православнаго въ фетишиста, легко поддающагося обманамъ пройдохъ, но упирающагося предъ вѣрою, возвышенной разумомъ и просвѣщеніемъ.

Духовный Регламентъ, эта каноническая книга, лежащая въ основѣ современнаго Синодальнаго строя русской церкви, объявила открытый и властный походъ противъ такихъ бытованій русской церкви и съ такою откровенностью въ выраженіяхъ, что будь эта книга составлена въ наше время, то автору ея не миновать бы привлеченія по извѣстнымъ статьямъ Угол. Ул., пожалуй,—анаѳематствованія, а труду его—изъятію изъ обращенія.

Этой канонической книгой, между прочимъ, предписывалось:

«Смотрѣть исторіи святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія, чего не было, или христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти. (Слѣдуютъ примѣры).

Духовному правительству не подобаетъ вымысловъ таковыхъ терпѣти, и вмѣсто здравой духовной пищи отраву людямъ представлять. Особенно, когда простой народъ не можетъ между деснымъ и шуимъ различать, но что видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится...»

«...О мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о семъ наплутано. Напримѣръ, предлагаются чуждыя нѣкія (мощи). Св. первомученика Стефана тѣло лежитъ и въ Венеціи на предградіи, въ монастырѣ Бенедектинскомъ, въ церкви св. Георгія, и въ Римѣ; такожъ много гвоздей креста Господня, и много млека Пресвятыя Богородицы... и иныхъ симъ подобныхъ безъ числа. Смотрѣть же, нѣтъ ли и у насъ такого бездѣлія».

«Еще сіе наблюдать, чтобы впредь не было того, какъ (до сихъ поръ) дѣялось: понеже сказуютъ, что нѣцыи архіереи, для вспоможенія церквей убогихъ, или новыхъ построенія, повелѣвали проискивать явленія иконы въ пустынѣ, или при источницѣ, и икону оную за самое обрѣтеніе объявляли чудотворною...»

«...Смотрѣть же долженъ епископъ, чего смотрѣть обѣщался съ клятвою на своемъ поставленіи, т. е. о монахахъ, чтобы не волочились безпутно, чтобы лишнихъ безлюдныхъ церквей не строили, чтобы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымышлено...

«...Указуется (епископамъ), чтобъ лишнихъ служителей не держали, ненужныхъ строеній не дѣлали, священнаго себѣ одѣянія сверхъ надобнаго для своей чести не умножали бы...

«Се же того ради предлагается, чтобъ укротити оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки, пока здравы, не вожено, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялись»...

Можно себѣ представить тѣ ощущенія и переживанія, какія должны были наполнить душу москвича, прочитавшаго вышеприведенныя слова Духовнаго Регламента. Характерный разговоръ передали нашему времени тогдашніе застѣночные протоколы. Въ кельѣ Московскаго Богоявленскаго монастыря шелъ оживленный разговоръ о злобахъ дня. Кто то упомянулъ о Духовномъ Регламентѣ и прибавленіи къ нему.

— Кто его написалъ,—спросилъ монахъ Самуилъ,—сказываютъ, что митрополитъ рязанскій Стефанъ?

— Нѣтъ, не онъ,—отвѣчалъ іеромонахъ Савватій,—а виновенъ въ сочиненіи Регламента Прокоповичъ: когда по сочиненіи принесли Регламентъ Стефану, ради подписи, и онъ подписалъ такъ: «весьма тьма», и притомъ сказалъ: сами не можете дѣлать, а людей тѣмъ обременяютъ... Самъ государь говаривалъ господамъ: «Я прибавленія къ Регламенту не знаю, сдѣлали (его) синодальные!» Да и руки государевой,—продолжалъ разсказчикъ,—у прибавленія нѣтъ».

— «Однако жъ,—замѣтилъ Самуилъ:—безъ воли его (государя) ничего не дѣлали»...

— Ну, да постой,—отвѣчалъ іеромонахъ Петръ:—ужо нынѣ господа по-своему синодальныхъ перевернутъ; то станутъ перебирать помаленьку...

Сдѣлалъ Самуилъ какое то замѣчаніе относительно содержанія Регламента духовнаго, а Савватій, смѣясь по поводу того, что писано въ немъ о житіи монашескомъ, замѣтилъ: «и мы кое, и ты, Самуилъ, кое... а во всемъ томъ (сочиненіи) не Стефанъ (митрополитъ) виновенъ, но тотъ то...

— Принесла мнѣ однажды баба,—разсказывалъ іеромонахъ Петръ:— принесла въ церковь казать мнѣ книгу, чтобъ я ее купилъ; разогнулъ я ту книгу, вижу—напечатано: духовный; я думалъ, что это алфавитъ, и взялъ отъ нея, принесъ въ келью, глядь—анъ книга та: «Духовный Регламентъ», и я его бросилъ на землю, топталъ—приговаривая: «Э-де регламентъ!»—Поднялъ ту книгу и отдалъ бабѣ: не надобно, не надобно...

— «Что же тебѣ онъ не милъ?»

— Не милъ!—отвѣчалъ іеромонахъ Петръ,—и проговорилъ чуть слышно: проклятые...

И Самуилу любо было, какъ самъ онъ потомъ сознавался: любо было то слушать!..»

Въ Преображенскій Застѣнокъ долетѣли слова гулящихъ людей, шедшихъ въ 1722 г. изъ Казани, и «тѣ люди сказывали: государь-де въ Казани часовни ломаетъ и иконы изъ часовенъ выноситъ, и кресты съ часовенъ сымаетъ, и вездѣ указы разсылаетъ, что часовнямъ не быть, и къ тѣмъ словамъ (присутствовавшій при разговорѣ крестьянинъ) Яковъ Солнышковъ его императорское величество бранилъ: взялъ бы-де его и въ мелкія части изрѣзалъ и тѣло бы-де его растерзалъ...»

Не доброе мыслили православные и о самомъ новоучрежденномъ Синодѣ. По ихъ мнѣнію, Синодъ это—сонмъ угодливыхъ и безвольныхъ іерарховъ.

Подъ ударами батоговъ запинающимся отъ страданій языкомъ каялся монахъ Самуилъ въ своихъ непроизвольныхъ мысляхъ о томъ, что творилось въ его время въ церковной жизни.—«Мнилъ я о святѣйшемъ Синодѣ, что императорское величество то (т. е. учрежденіе Синода?) по своей волѣ сдѣлалъ, хотя было такъ и ненадобно, и хотя жъ архіереи подписывались и служили ему въ томъ, однако жъ иные, вѣроятно, отъ конечнаго неразумѣнія, а иные и страха ради; тако жъ и Петръ страха ради отверженся Христа, а другіе и сластолюбія ради, что онъ ихъ жаловалъ многими деньгами...»

«Сонмищемъ еретическимъ» и источникомъ разврата церковнаго представлялся Синодъ одному ревнителю православія, взгляды котораго можно считать общимъ выраженіемъ мысли оппозиціонно настроенныхъ противъ Синода слоевъ.—«Ѳеофанъ (Прокоповичъ)—ученіемъ, а Ѳеодосій (Яновскій)—смѣлостью и дерзновеніемъ великимъ,—пишетъ онъ,—начали явно всю святую церковь бороть и всѣ ея догматы и преданія разрушать, и безбожное лютерство и прочее еретичество вводить и вкоренять... Кто какое хотѣлъ, на церковь поношеніе говорилъ, и всякое развратное и слабое житіе имѣти, учили смѣло, и такъ тогда поносима и воничтожаема святая церковь со всѣми догматами своими, и уставами, и преданіями была, что всякое благочестивое христіанское доброе дѣло единымъ словомъ—суевѣріемъ называемо было, и кто въ нихъ, въ еретикахъ, былъ пущей пьяница, и нахалъ, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка... кто же хотя мало постникъ, или воздержникъ и богомольный человѣкъ, то у нихъ званъ былъ раскольщикомъ, и лицемѣромъ, и ханжею, и безбожнымъ, и весьма

не добрымъ человѣкомъ..... и чуть не весь монашескій чинъ превратили (Θеодосій и Θеофанъ) въ самое безстрашіе и слабость таковую, что многіе... пьянствуютъ и мясо сплошь ядятъ, и вмѣсто книгъ въ кельяхъ и церквахъ табакерки въ рукахъ держатъ и непрестанно прошекъ нюхаютъ. Да его жъ, Θеофана, и товарищей его... еретическимъ тщаніемъ въ новосозданныхъ печатныхъ книгахъ (между прочимъ, въ Регламентѣ духовномъ) на святую церковь нестерпимыя хулы, и многія ереси обрѣтаются... и кои превеликія досады, и гоненія тѣ еретики и озлобленія церкви святой чинили, весь Россійскій благочестивый народъ плачущима очима съ болѣзнію сердца видѣлъ, и о всемъ еретическомъ злодѣйствіи довольно вѣдаетъ. Во всемъ бо государствѣ часовни разорили, иконы святыя изъ нихъ безчестно вывесть велѣли, а гдѣ часовенныя каменныя стѣны остались, тамо, вмѣсто молитвы и псалмопѣнія, и каноновъ, табакомъ и прошкомъ торговать и бороды брить попустили! чудотворныя иконы, отвсюду забравъ, на гнойныхъ телѣгахъ, подъ скверными рогожами... явно во весь народъ, увозили... всецѣлые монастыри разорять, изъ нихъ монаховъ въ другіе монастыри жить переводить, а церковныя всякія другія вещи и монастырскую казну забравъ, по себѣ, на свои роскоши, на дорогіе напитки, на музыки съ танцы и на карты съ товарыщи, употребляли; молодымъ монахамъ жениться и молодымъ монахинямъ замужъ посягать благословляли... иное злодѣйство отъ сонмища ихъ еретическаго!!»

Такія чувства и мысли возбуждались въ головѣ ревнителей «древляго православія» церковною политикой Петра Великаго.

Но больше всего, можетъ быть, разошелся Петръ съ Москвою въ своихъ попыткахъ для успѣха дѣла разрушить внѣшнюю рознь между русскими и нѣмцами, придать русскимъ такой видъ, чтобы западный иноземецъ чувствовалъ себя среди русскихъ не диковинкой, за которой ходятъ толпы зѣвакъ, а въ знакомой бытовой атмосферѣ. Но москвичъ видѣлъ въ своей бородѣ, кафтанѣ и воздержаніи отъ табаку не только исконный, отъ предковъ унаслѣдованный образъ и подобіе, которое легко можно измѣнить по вкусу брадобрея или портного, но сливалъ съ нимъ вѣковѣчные завѣты святой старины, видѣлъ въ нихъ «мѣрило праведное» своего православія и народности, и непремѣнный признакъ своего церковнаго превосходства «надъ лютерами и прочими еретиками». Петру извѣстно было именно такое воззрѣніе своего народа на свой внѣшній видъ, и это обстоятельство для него служило тѣмъ большимъ побужденіемъ переодѣть и причесать русскаго по-нѣмецки; разъ москвичъ преодолѣлъ себя и перелицевался, значитъ, онъ преодолѣлъ въ себѣ стараго человѣка, сдѣлалъ надлежащее усиліе надъ собою, чтобы стать достойнымъ подданнымъ своего повелителя, а кто «по замерзѣлому своему стыду» или «упорству» не сможетъ этого сдѣлать, и въ томъ можно видѣть одинъ только прибытокъ: лишняя статья дохода въ видѣ штрафныхъ денегъ, — авось крупные штрафы и налоги заставятъ упрямца не мозолить государевы очи своими азіатскими костюмами и звѣроподобнымъ видомъ.

Такъ думалъ Петръ, когда сначала въ видѣ монаршей шутки обрѣзалъ собственноручно и при содѣйствіи шутовъ бороды и кафтаны, а по-

томъ издавалъ указы въ три дня выбриться и переодѣться всей Москвѣ, за исключеніемъ духовенства и пашенныхъ людей; въ этомъ же убѣжденіи находилъ онъ оправданіе своимъ указамъ брить въ съѣзжихъ избахъ русскія бороды, надѣвать роги на головной уборъ женамъ бородачей, запрещать портнымъ шить и продавать русское платье, облагать бородачей штрафомъ отъ 30 р. до 100 и ссылать на каторгу тѣхъ купецкихъ людей, которые будутъ имѣть скобы и гвозди, которыми подбиваются русскіе сапоги.

Но народъ не понималъ «высокихъ замысловъ» своего царственнаго костюмера, и въ лучшемъ случаѣ видѣлъ въ его распоряженіяхъ — заблужденіе человѣка, котораго «нѣмцы обошли», а чаще всего издѣвательство надъ русскимъ и православнымъ, «печать антихриста», стирающаго съ православныхъ образъ Божій.

Въ статьѣ «Западное вліяніе XVI—XVII в.в.» мы показали, какое значеніе придавалъ Стоглавый соборъ брадобритію и вообще «латынскимъ обычаямъ». Стоглавъ былъ одною изъ распространенныхъ книгъ и въ началѣ XVIII в. Къ его «прещеніямъ» присоединились еще и завѣты послѣдняго патріарха Адріана, который изощрялся въ своемъ пастырскомъ краснорѣчіи, громя брадобритіе такими филиппиками, какъ будто дѣло шло о борьбѣ ввѣренной ему церкви православной съ грознымъ врагомъ, разрушающимъ ея догматическія основы, каноническій строй и практическія средства спасенія паствы.

Впрочемъ, патріархъ еще при жизни своей прекратилъ эти филиппики, какъ только замѣтилъ, что они могутъ стоить ему патріаршаго клобука; но не замолкло брошенное имъ въ паству «краснорѣчивое» осужденье брадобритія на понятномъ для ревнителей древняго православія языкѣ. Немудрено, что нѣкоторые изъ паствы оказались устойчивѣе своего пастыря и смотрѣли на его упражненія въ краснорѣчіи, какъ на завѣтъ послѣдняго первосвятителя «стоять до послѣдняго» за русскую бороду и кафтанъ, какъ на явное осужденіе заморскихъ новшествъ, которыя должны были быть проникнуты духомъ еретичества такъ же, какъ длинная борода духомъ иконописнаго православія. Немудрено, что у многихъ возгорѣлось желаніе обличить заблудшаго царственнаго «еретика».

Передъ Рождествомъ 1704 г. подошелъ къ Красному крыльцу красильщикъ Андрей Ивановъ и закричалъ *караулъ*, объявивъ за собою „*государево дѣло*“ на самого государя: «Государево дѣло за мною, говорилъ онъ кесарю Ромодановскому,—такое: пришелъ я извѣщать государю, что онъ *разрушаетъ вѣру христіанскую*: велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое и табакъ велитъ тянуть.

«О брадобритіи, говорилъ Ивановъ, писано въ уложеніи соборномъ. (Онъ намекалъ на Стоглавъ). А про платье написано: кто станетъ иноземное платье носить, тотъ будетъ проклятъ, а гдѣ про то написано, того не знаю, потому что грамотѣ не умѣю. А кто табакъ пьетъ, и тѣмъ людямъ въ старые годы носы рѣзывали. А на Москвѣ у него Андрея знакомцевъ никого нѣтъ и съ сказанными словами къ государю его никто не подсылывалъ—пришелъ онъ о томъ извѣщать собою, потому что

и у нихъ посадскіе люди многіе бороды бреютъ и нѣмецкое платье носятъ и табакъ тянутъ—и потому для обличенія онъ, Андрей, и пришелъ, чтобъ государь велѣлъ то все перемѣнить. Кромѣ того за нимъ Андреемъ иного государева дѣла нѣтъ»...

И это не былъ какой-нибудь раскольникъ-фанатикъ, а заурядный посадскій человѣкъ, повѣрившій, что если онъ и горѣ скажетъ съ присущею ему вѣрою въ правое дѣло: двинься!—она двинется...

Андрея пытали, жгли огнемъ, старались открыть въ немъ страшнаго бунтаря, потрясателя основъ, за которымъ стоялъ цѣлый сонмъ заговорщиковъ и фанатиковъ, а простодушный красильщикъ повторялъ одно и то же: «Обличать Государя никто меня не подсылывалъ и не научалъ. пришелъ я обличать его, Государя, самъ собою, что онъ, Государь, не дѣло дѣлаетъ, разрушаетъ вѣру христіанскую, — велитъ бороду брить, платье носить нѣмецкое и табакъ велитъ курить»,—повторялъ, пока вслѣдствіе пытокъ не «умре онъ, Андрей, по христіански»...

Монахъ Богоявленскаго монастыря въ Москвѣ, бранясь съ конюхомъ, въ пылу гнѣва бросилъ неосторожную угрозу: «Вамъ нынѣ даны кафтаны венгерскіе.

— Прадѣды ваши и дѣды, и отцы такихъ кафтановъ не нашивали—уже вы пропадете такъ же, что и стрѣльцы: всѣхъ васъ, что червей, порубятъ... по городу зубцовъ много, всѣхъ васъ перевѣшаютъ... Государю этому не быть,—мы выберемъ иного Царя: онъ, Государь, нѣмецъ полюбилъ и вѣруетъ въ нихъ, и кафтаны солдатамъ и вамъ надѣлалъ нѣмецкіе»...

— «А кто тѣ кафтаны надѣнетъ,—добавлялъ другой оппозиціонеръ въ Преображенскомъ Застѣнкѣ,—тотъ самъ басурманомъ становится»...

Въ 1701 г. 11 декабря солдаты Никиты Козлова полка привели на Потѣшный дворъ «столовова истопника Евтюшку Никонова, а сказали солдаты: сего числа тотъ Евтюшка, пришедъ къ нимъ на караулъ, говорилъ, будто-де великій Государь проклятъ, потому что онъ въ Московскомъ государствѣ завелъ нѣмецкіе чулки и башмаки»...

Мы не будемъ множить подобныхъ примѣровъ самоотверженнаго протеста москвичей противъ, такъ сказать, куафюро-гардеробныхъ реформъ Петра Великаго. Скажемъ обще, что этого рода оппозиція, послѣ раскольничьей, была едва ли не самая многочисленная. И въ ней не надо видѣть только комическую сторону, такъ какъ борода и кафтанъ были для москвича тѣмъ же, чѣмъ для Петра парикъ и нѣмецкое платье: въ концѣ концовъ значкомъ, по которому бойцы отличаютъ враговъ отъ друзей въ смертельной борьбѣ,—знаменемъ, подъ которымъ скрывается цѣлый міръ дорогихъ переживаній, чувствъ и интересовъ высшаго и житейскаго порядка.

Петру «недосугъ было за великими потребами» ждать, пока «замерзѣлые подданные» добровольно перерядятся въ его форму, повѣривъ ему на слово, что его новое будетъ лучше добраго стараго его предковъ.

И онъ нетерпѣливо переливалъ новое вино въ старые мѣхи, не думая о послѣдствіяхъ. Подданнымъ мѣры Государя казались «безчиннымъ» попраніемъ святой старины, незаслуженнымъ издѣвательствомъ надъ степен-

ными и добросовѣстными въ своемъ вѣковѣчномъ поведеніи людьми, и порождали бездну непониманія и подозрѣній, которыя обостряли взаимное раздраженіе, заставляли въ обыденныхъ и простыхъ вещахъ видѣть несуществующіе страхи, непростительныя преступленія. Произнесенное въ «шумствѣ» (въ пьяномъ видѣ) неосторожное слово раздувалось усердными застѣночныхъ дѣлъ мастерами въ цѣлое «государево дѣло», захватывавшее десятки и сотни лицъ, имѣвшихъ несчастье быть въ какомъ-либо отношеніи къ «шумному» болтуну, и рѣдкій счастливецъ не отвозился «въ убогихъ домы на Покровскомъ монастырѣ», гдѣ находили себѣ послѣднее успокоеніе всѣ жертвы ненасытной любознательности кесаря Ромодановскаго (а по немъ—его сына И. Ѳ. Ромодановскаго, унаслѣдовавшаго отъ отца страшный Преображенскій застѣнокъ).

Оппозиція въ свою очередь, сознательно и безсознательно, толковала вкривь и вкось дѣянія Петра, раздувая его странности въ апокалипсическія знаменія времени, входила съ легендарными сужденіями въ его личную жизнь, не стѣснялась сильной квалификаціей его семейныхъ отношеній,—и во всемъ старалась подчеркнуть безчинность этого Царя, ни чѣмъ не похожаго на своихъ «благовѣрныхъ» предшественниковъ, которыхъ онъ такъ недостойно высмѣивалъ.

Петръ не отдѣлялся неприступными стѣнами отъ своихъ подданныхъ, подобно своимъ предшественникамъ: онъ всегда былъ на виду у своихъ подданныхъ такимъ, каковъ онъ былъ со всѣми своими великими недостатками и достоинствами. И это давало возможность оппозиціи «перемывать всѣ косточки Петра».

Нѣкій архимандритъ былъ уличенъ въ упорномъ нежеланіи совершать торжественныя молебствія въ табельные дни. Его предварительно разстригли и повели въ застѣнокъ. Не дожидаясь виски и батоговъ, «его высокопреподобіе» письменно объяснилъ мотивы своего поведенія.

«Нынѣ его царское величество,—писалъ онъ между прочимъ,—пріялъ обычай западнаго отпадшаго костела римскаго: во. вся святые посты и во все лѣто въ среды и пятки самъ разрѣшаетъ на мясо и другимъ всѣмъ повелѣваетъ творити такожде, яже и творятъ мнози отъ его царскаго синклита и отъ прочихъ христіанъ мнози на ихъ смотря творятъ—ядятъ потому же мясо во святые посты... Такожде его царское величество того западнаго костела отпадшаго пріялъ и прочіе обычаи: брадобритіе и власы на головахъ своихъ носятъ накладныя, яко нѣкую мерзость, и яко же Сатыри дивіи тако входятъ въ храмъ Господень безстудно и безъ страха Божія; еще же къ сему повелѣлъ его царское величество богомерзкую проклятую табунъ (табакъ) траву продавать по градамъ, которую самъ и весь его синклитъ употребляютъ. И въ такое безстудіе пришли, не точію что въ домѣхъ или въ канцеляріяхъ и на путехъ, но и въ церквахъ Божіихъ употребляютъ безстудно и безъ страха Божія. Якоже азъ самъ видѣлъ святѣйшаго князя въ церкви Божіей безстудно употребляюща сію богомерзкую табунъ-траву проклятую и якоже нѣкоей святыни причащаяся, аки бы нѣкоторой невѣрный вторый бусурманъ».

Въ 1721 г. между честною четою помѣщиковъ Скобѣевыхъ разыгралась семейная сцена. Бывшій въ «великомъ шумствѣ» супругъ поколотилъ жену.

— Для чего ты пьешь, для чего буянишь,—слезно упрекала потерпѣвшая своего «шумнаго» супруга:—пьешь да безобразничаешь, а отъ того пьянства меня бьешь, въ среду да пятницу блудишь... Побойся Бога,—у насъ и челядинцы того не дѣлаютъ...

Не утерпя тѣхъ ея словъ, Скобѣевъ счелъ нужнымъ оправдать свое зазорное поведеніе, сославшись на авторитетъ:

— Что ты мнѣ указываешь,—закричалъ супругъ:—вѣдь такъ самъ государь Петръ Алексѣевичъ дѣлаетъ!

— Ну, что ты про Государя говоришь, отвѣчала жена:—вѣдь Государь—не наша персона. Вѣдь онъ—какъ изволитъ...

— Врешь, жена, я знаю, что говорю...

— Нѣтъ, не знаешь,—заключила супруга:—заврался ты съ пьяну то...

И она была права. Застѣночная юстиція, по указу Е. И. В., рѣшила: «Прапорщика Тимофея Скобѣева за глупыя и непристойныя слова бить батоги нещадно, затѣмъ освободить»...

Нищій говорилъ: «Нѣмцы его обошли: часъ добрый найдетъ — все хорошо; а иной найдетъ—такъ рветъ да мечетъ; да вотъ ужъ и на Бога наступилъ: отъ церквей колокола снимаетъ»...

— «Извергъ», «міроѣдъ», «кутилка»,—вотъ тѣ «продерзостныя слова», которыми «честили» своего прирожденнаго Государя его оппозиціонно-настроенные подданные.

«Безчинной» казалась имъ въ православномъ царѣ и его личная семейная жизнь.

Старица Варсонофія Вознесенскаго монастыря на Москвѣ говорила: «что-де Государь съ царицею Екатериною сжился прежде вѣнца, а слыхала-де она о томъ отъ старухи бродящей нищей... И отъ царевича-де Алексѣя Петровича родился царевичъ мѣрою въ аршинъ съ четвертью и съ зубами—не простъ-человѣкъ»...

Осуждалъ семейныя отношенія Петра и архимандритъ Александръ.—«Не праздновалъ святой великомученицѣ Екатеринѣ и молебна не пѣлъ въ день тезоименитства царицы сицевыя ради вины: ради ихъ царскаго величества брака... (при живой женѣ сжился съ нею до вѣнца...) Посемъ восхотѣлъ Е. Ц. В. вѣнчатися съ нею: не взялъ на сіе отъ перваго архіерея благословенія,—то сотвори царскою своею властію, никому о семъ ему возбраняющу: вшедъ въ Божію Церковь, Е. Ц. В. съ нею обвѣнчался... И въ семъ Е. Ц. В. насиліе сотворилъ не малое святой соборной и апостольской церкви великороссійстѣй! Еще же къ сему и духовное сродство имать его царское величество съ нею царицею: понеже во крещеніи ея царицы Екатерины Алексѣевны крестною матерью была благородная государыня царевна и великая княжна Наталія Алексѣевна. И ему царскому величеству по духовному сродству имать быти царица Екатерина Алексѣевна племянница, а духовное сродство во святой соборной и апостольской церкви Божіей предпочитается паче плотскаго». «И о

Залъ и гостиная въ Подмосковной Гончаровыхъ. Ярополецъ.

сицевомъ... брацѣ ихъ царскаго величества вся святая соборная и апостольская церковь великороссійская скорбитъ и слезитъ даже до днесь».

«Подобное ли дѣло,—умозаключалъ капитанъ Левинъ,—еслибъ онъ прямой царь былъ, что онъ сына своего убилъ и царицу постригъ... а эту царицу держитъ только подъ видомъ, а съ нею не живетъ...»

— Не настоящій царь, слѣдовательно, и не настоящая царица.

— «Благочестивѣйшему, тишайшему (sic), самодержавнѣйшему великому государю нашему, Петру Алексѣевичу—многая лѣта! — загремѣлъ о. Іакимъ, подъ вліяніемъ изрядной стомахи, выпитой въ компаніи съ отцами Даниловской обители. Многолѣтіе подхватилъ о. Ираклимъ...

— И святѣйшему правительствующему Синоду, — продолжалъ Іоакимъ — многая лѣта!

— Многая лѣта!—подтянулъ Ираклимъ.

— А ну его...—заговорилъ первый.

— Нѣтъ, ты постой,—началъ Ираклимъ:—для чего же мы о царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ многолѣтіе не помянули?

— Да какая жъ она намъ царица? — отвѣчалъ Іакимъ... *Намъ царица старая, что была... первая супруга царя...*»

Попъ Антипъ съ монахомъ Самуиломъ читали книгу Стефана Яворскаго объ антихристѣ и дошли до мѣста съ выдержкой изъ Апокалипсиса: «Сидитъ жена любодѣйца на седьми холмахъ, въ рукѣ держитъ чашу, піяна кровьми святыхъ...» Антипъ сталъ толковать это мѣсто, какъ указаніе на современность: жена «это—государыня Екатерина Алексѣевна; сидитъ на седьми холмахъ—на седьми смертныхъ грѣхахъ...»

Такъ постепенно туманится въ глазахъ современниковъ образъ Петра, близкихъ ему людей и его дѣлъ. «Безчинность» поведенія Царя, столь непохожаго на своихъ предшественниковъ ни личнымъ поведеніемъ, ни занятіями, ни отношеніемъ къ церкви, вѣковѣчнымъ обычаямъ, къ роднѣ, эксцентричныя формы его забавъ и гнѣва,—все это поражало москвичей и вырывало цѣлую пропасть между властелиномъ и подчиненными. Москвичи не узнавали въ Петрѣ ни благовѣрнаго Царя, ни русскаго человѣка, ни православнаго первенца русской церкви. Оппозиція не могла въ упоръ посмотрѣть на странныя дѣла Петра, не въ состояніи была умомъ обнять и освоить ихъ.

Нужны были искусственныя толкованія, привлеченіе къ дѣлу легендарныхъ и мистическихъ стеколъ, сквозь призму которыхъ православный москвичъ привыкъ воспринимать все, что выходило изъ его обыденнаго кругозора, что не вкладывалось въ узкія рамки повседневныхъ явленій общественной и политической жизни Москвы.

И современники, очевидцы Петра и его дѣлъ, стали вѣрить фантазіи и создаваемымъ ею образамъ больше, чѣмъ реальнымъ впечатлѣніямъ. Послѣднія были дальше отъ московскаго міропониманія, чѣмъ апокалипсическія бредни и легендарныя гипотезы.

По возвращеніи Петра изъ-за границы все чаще и чаще въ рѣчахъ москвичей о царѣ сталъ проскальзывать взглядъ, что онъ не похожъ на настоящаго царя, что его царственные предшественники такъ не по-

ступали, что Петръ—царь не настоящій. Это, если можно такъ выразиться, *ощущеніе чего то чуждаго въ царѣ* естественно вызвало потребность объяснить, почему русскій царь сталъ больше похожъ на нѣмецкаго мастера, чѣмъ на великаго государя, скорѣе выглядѣлъ «лютеромъ» и «послѣдователемъ католическаго костела», чѣмъ православнымъ христіаниномъ. И эта психологическая потребность разрѣшить загадку нашла себѣ удовлетвореніе въ двухъ распространеннѣйшихъ легендахъ, удовлетворявшихъ людей не одинаковыхъ по трезвости взгляда категорій. Оппозиціонеры съ болѣе реальными воззрѣніями приняли легенду о томъ, что Петръ—не настоящій сынъ царя Алексѣя, а подмѣненный нѣмчинъ; люди съ мистическою настроенностью объясняли странности Петра тѣмъ, что онъ—новоявленный антихристъ. Были и такіе, которые преломляли свои удивленные взоры сквозь призму обѣихъ легендъ, объясняющихъ загадку-Петра.

Мы сначала остановимся на выясненіи первой легенды. Она имѣла свои варіанты. Самымъ распространеннымъ изъ нихъ былъ разсказъ о подмѣнѣ ребенка царя Алексѣя Михайловича на нѣмчина, сына Лефорта. Одинъ монахъ разсказывалъ своему собесѣднику:

«Надъ нами царствуетъ нынѣ,—говорилъ онъ,—*не нашъ* государь Петръ Алексѣевичъ, но Лефортовъ сынъ. Блаженной памяти государь-царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ женѣ своей, царицѣ: «ежели сына не родишь, то учиню тебѣ нѣкоторое озлобленіе...» И она, государыня, родила дщерь, а Лефортъ сына, и за помянутымъ страхомъ, втайнѣ отъ царя, размѣнялись—и тотъ Лефортовъ сынъ и нынѣ царствуетъ!» Этотъ разсказъ повторяли въ самыхъ отдаленныхъ и разнообразныхъ концахъ русской земли. Другой варіантъ, оставляя сущность перваго, указываетъ только на другой моментъ подмѣны: не во время рожденія, а во время путешествія за границу нѣмцы замѣнили настоящаго Петра, сына Алексѣя Михайловича, нѣмчиномъ.

— «Нашъ государь,—разсказывали въ народѣ,—пошелъ въ Стекъхолмъ или, по другому варіанту, въ Стекольное царство (Стокгольмъ), а тамъ его посадили въ заточеніе (по другимъ—въ бочку); а этотъ, что нынѣ царствуетъ, не нашъ государь, Петръ Алексѣевичъ, а иной—нѣмчинъ... Этотъ варіантъ, видимо, принадлежалъ москвичамъ, которые помнили бойкаго сына царя Алексѣя, разгуливавшаго со своими потѣшными по улицамъ Москвы. Несмотря на его любовь къ Нѣмецкой слободѣ, въ немъ все же москвичи не могли видѣть того отчужденія отъ всего русскаго и прямой ненависти къ Москвѣ, какія круто проявилъ возвратившійся изъ-за границы государь, отвергшій жену, залившій Москву кровью и съ мѣста въ карьеръ начавшій обстригать благочестивыя бороды и творить иныя издѣвательства надъ православными. И, правду сказать, моментъ для созданія легенды былъ самый подходящій, потому что со времени возвращенія Петра изъ путешествія поведеніе его, дѣйствительно, круто мѣняется.

Нельзя сказать, чтобы распространители этой легенды разсчитывали на довѣріе слушателей: они приводили очень убѣдительные аргументы ея

истинности. Этой легендарной гипотезой объяснялись самыя непонятныя для москвича стороны поведенія царя, и въ томъ былъ секретъ ея популярности. Старица Платонида про его императорское величество говорила: онъ-де шведъ *обмытной*, потому догадывайся-де: дѣлаетъ Богу противно, противъ солнца крестятъ и свадьбы вѣнчаютъ, и образы пишутъ съ шведскихъ персонъ, и посту не можетъ воздержать, и платье возлюбилъ шведское, и со шведами пьетъ и ѣстъ, и изъ ихъ королевства не выходитъ, и шведъ-де у него въ набольшихъ, а паче-де, того догадывайся: онъ извелъ русскую царицу, и отъ себя сослалъ въ ссылку въ монастырь, чтобъ съ нею Царевичевъ не было, и царевича-де Алексѣя Петровича извелъ—своими руками убилъ для того, чтобъ ему, царевичу, не царствовать, и взялъ-де за себя шведку царицу Екатерину Алексѣевну, и та-де царица дѣтей не родитъ и онъ-де, государь, сдѣлалъ указъ, чтобъ съ предбудущаго государя крестъ цѣловать и то-де крестъ цѣлуетъ за шведа, одноконечно-де станетъ царствовать шведъ, родственникъ или братъ царицы Екатерины Алексѣевны, и великій-де князь Петръ Алексѣевичъ (внукъ Петра) родился отъ шведки съ зубами...»

Но для людей, привыкшихъ корень вещей и непонятныхъ явленій искать не на землѣ, хотя бы и въ Стекольномъ царствѣ, а въ потусторонникъ сферахъ, образы которыхъ запечатлѣлись въ нездоровомъ творчествѣ благочестивой фантазіи,—для людей съ болѣе мистической настроенностью Петръ и его дѣла не вмѣщались въ легенду о нѣмецкомъ происхожденіи государя. Нѣмцы тоже люди, и безнаказанно бороть на Бога обыкновенному нѣмцу тоже не дано. Затѣмъ, такъ искусно «обойти» русскій народъ и ближайшихъ къ трону лицъ, чтобы они не замѣтили въ нѣмцѣ-Петрѣ отмѣннаго отъ государя человѣка,—тоже для простого смертнаго несбыточно. Дѣло здѣсь не простое. «Государь то нашъ, что нынѣ на Москвѣ, Петръ Алексѣевичъ,—не простъ человѣкъ: онъ антихристъ...»

Гдѣ и кто первымъ пустилъ эту гипотезу, уяснявшую необычныя дѣла, Петромъ вершенныя, неизвѣстно. Только мысль о Петрѣ-антихристѣ, какъ вѣтеръ, загуляла по русской равнинѣ: ее передавали другъ другу въ отдаленныхъ окраинахъ Сибири, Архангельской губерніи, на Украйнѣ такъ же, какъ и въ центрѣ. Гипотеза становилась тѣмъ болѣе вѣроятною и популярною, что въ дѣлахъ и поведеніи Петра такъ много было чертъ, напрашивавшихся на сравненіе съ страшнымъ образомъ народной фантазіи, питаемой нездоровымъ чтеніемъ Апокалипсиса и подобныхъ ему твореній. Дѣла Петра могли привести въ сомнѣніе даже самаго трезваго человѣка, только не безразличнаго къ православію, которое въ массѣ воплощалось въ часовняхъ, колоколахъ, въ формахъ перстосложенія, въ мощахъ, иконахъ и т. п. элементахъ практическаго проявленія религіозной мысли того (да того ли только?) времени. Противъ всѣхъ этихъ проявленій русскаго христіанства прямо или косвенно пошелъ Петръ. «Времена нынѣ пошли неудобоносимыя,—думалъ про себя православный.—Государь Бога гонитъ: мощи и иконы рушитъ, часовни разбираетъ, колокола снимаетъ, куритъ, мясо ѣстъ и другимъ велитъ въ посты и среды съ пятницами;

самъ правитъ безъ патріарха... Какой же онъ христіанинъ: гонитель христіанства, стало быть, «*настали времена* и воцарился антихристъ...»

Даже «инквизиторъ», на обязанности котораго было вылавливать «противныя слова», вразумлять и доносить, — и тотъ усомнился, слыша подобныя рѣчи.—«Нѣтъ, то не антихристъ, — успокаивалъ онъ собесѣдника для очистки совѣсти,—развѣ *предтеча* антихриста...»

И если такъ «лукавилъ» инквизиторъ, то что же долженъ былъ думать православный человѣкъ. Благочестивая фантазія заработала надъ сплетеніемъ мистическаго клубка изъ элементовъ дѣйствительности: «Хотѣлъ было антихристъ въ патріархи поставить кіевскаго митрополита,— по своему объяснялъ монахъ Степанъ своему спутнику фактъ отмѣны патріаршества.—Вотъ и привели его въ соборную церковь ставить, а митрополитъ говоритъ: «Дай мнѣ, чтобъ были старопечатныя книги—и буду патріархомъ, а ежели не такъ, — не хочу». А антихристъ то, въ отвѣтъ на то, выхватилъ палашъ и замахнулся на митрополита, да какъ замахнулся, такъ и упалъ на него... Знатно, за то случилось съ нимъ это,— заключилъ Степанъ,—что онъ, антихристъ, не можетъ о святыхъ книгахъ слышать... благодать Божія за это и ушибла его (намекъ на нервныя судороги Петра). А поднялъ его Александръ Меньшиковъ, и по поднятіи молвилъ антихристъ ко всѣмъ: не будетъ вамъ патріарха!..»

Еще въ большее смущенье приходили православные отъ того, что Петръ называлъ себя «Христомъ Господнимъ» (въ смыслѣ помазанника).

Люди съ мистической настроенностью и притомъ проникнутые апокалипсическими образами (особенно раскольники) прямо указывали отмѣченныя Откровеніемъ черты антихриста въ Петрѣ... Иванъ Андреевъ, иконописецъ, «двадцать лѣтъ скитавшійся по разнымъ городамъ и селамъ и деревнямъ и въ пустынѣ за Нижнимъ въ Керженцѣ Бога ради, пришелъ къ Москвѣ, а сколь давно, не упомнитъ» и въ домѣ ямщика Степана Леонтьева говорилъ таковы слова: «Государь-де нашъ принялъ *звѣриный образъ*: *носитъ собачьи кудри*... и *нарядилъ людей бѣсомъ*, подѣлалъ нѣмецкое платье и епанчи жидовскія...» Такъ неясный образъ апокалипсическаго звѣря принимаетъ реальное воплощеніе.

А вотъ и «печать антихриста»: «Первое, что перемѣнили вѣру, другая—крестъ, третье — платье, четвертое — брадобритіе, пятое — на челахъ подбриваютъ, шестая - станутъ солдатъ печатать въ руки, а окромѣ того»... — «у драгуновъ роскаты»,—подсказывалъ другой.

Да и чтимыя книги прямо указывали въ своихъ пророческихъ мѣстахъ на *Петра*, какъ антихриста, и только «обойденные *имъ*» не могли узнать яснаго, какъ Божій день, «знаменія». Въ книгѣ Кирилла объ антихристѣ, изданной, когда Петра I еще на свѣтѣ не было, прямо говорится: «во имя Симона *Петра* имѣетъ быти *гордый князь міра сего антихристъ*». — Чего же больше? Подобная же книга погубила стараго конюха царя Ѳедора Алексѣевича, произнесшаго «непристойныя слова». Не собою онъ выдумалъ эти слова, а слышалъ въ 1724 г. отъ крестьянина, который читалъ книгу *Ефремъ*, а въ ней написано: «нынѣшній государь не царь, а Антихристъ и родился отъ нечистыя дѣвы и въ ско-

„Миловида“ въ Царицынѣ, Моск. губ.

рыхъ числахъ поставитъ стражей своихъ по градскимъ воротамъ и велитъ у православныхъ христіанъ усы и брады брити и надѣнетъ на всѣхъ нѣмецкое платье.—А эта книга Ефремъ отъ церкви ставлена. Еще разсказывали нищіе, что въ книгахъ Маргаретѣ и Кирилловѣ Евангеліи написано то же. А самъ собою размышлялъ, что при прежнихъ царяхъ нѣмецкаго платья солдаты и никто не нашивали и бородъ не бривали, да и Богъ нѣмецкаго платья и бородъ брить не повелѣлъ, да и въ нѣмецкомъ безбородый человѣкъ не пригожъ».

Разъ сливался Петръ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ съ бредовымъ образомъ антихриста, то не трудно было разъяснить и «озвѣрить» такія его дѣла, которыя никакъ не подходили подъ Апокалипсисъ. Даже военные подвиги Петра дѣлались уликою противъ него. «Да онъ же де государь непріятельскіе города беретъ боемъ, а иные *лестью*, и то де по писанію сбывается; и Царь-градъ онъ, государь, возьметъ».

Одинъ кавалеръ вступился за Петра и привелъ, повидимому, несокрушимые аргументы въ пользу того, что Петръ не можетъ быть антихристомъ: «я знаю подлинно, убѣждалъ Левшутинъ раскольниковъ,— что онъ, Государь, благочестивый, родился отъ благочестиваго корня: отъ царя Алексѣя Михайловича, отъ царицы матери его Натальи Кирилловны; персоною въ ихъ Нарышкинскую породу походитъ на Ѳедора Кирилловича, и въ церковь ходитъ и святую литургію слушаетъ, и по великимъ постамъ постъ держитъ и причащается, и въ прошлыхъ годахъ, какъ мать его, царица Наталья Кирилловна, немоществовала, изъ Новодѣвичья Монастыря во дворецъ принесенъ былъ образъ Пресвятыя Богородицы, и онъ, Государь, тому образу молился со слезами.

— Куда-де какую притчу сказываешь ты про Петра!—отвѣчалъ насмѣшливо раскольникъ Кузьма Павловъ.—Въ книгахъ писано, что онъ, антихристъ, лукавъ и къ церкви прибѣженъ будетъ и ко всѣмъ милостивъ будетъ, а что Петръ въ церковь ходитъ—и въ церквахъ нынѣ святости нѣтъ, для того ему и не возбраняется. А челъ ты тетрадь Кузьмы Андреева? лихо на него, Петра, въ тетрадкѣ показано!»

Это мистическое настроеніе, переходившее въ бредъ наяву и въ осязательное ощущеніе страха предъ созданіями воображенія, было въ это время, какъ въ большинствѣ случаевъ, только обратной стороной того непосильнаго нравственнаго и матеріальнаго гнета, который наложила на русское общество тяжелая рука желѣзнаго Петра. Люди, для которыхъ эта жизнь являлась безконечною юдолью печалей и огорченій, люди, не могшіе жить, подобно Петру, мыслью о благѣ народа и государства реальнаго будущаго, естественно, ожидали себѣ усладъ и отдыха только въ потустороннемъ мірѣ, и чѣмъ сильнѣе былъ гнетъ жизни, тѣмъ больше было желанія уходить въ міръ грезъ и видѣній, тѣмъ истеричнѣе выходки противъ «гордаго князя міра сего» со всѣми исходившими отъ него тягостями и оскорбленіями.

Но эта мистическая настроенность не носила созерцательнаго характера: образы апокалипсическаго бреда перемѣшивались съ впечатлѣніями тяжелой дѣйствительности тѣмъ болѣе, что у нашихъ ревнителей право-

славія петровскаго времени религіозныя представленія были грубо матеріалистичны. И не мудрено: церковность, охватившая весь несложный житейскій обиходъ москвича, и сама пропиталась житейскими образами, матеріализовалась до крайности. И этотъ матеріалистическій элементъ ярко проглядываетъ какъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ духовно-здоровыхъ современниковъ Петра, такъ и въ бредовыхъ представленіяхъ мистически настроенныхъ лицъ.

И. Т. Посошковъ, далеко превосходившій своихъ современниковъ въ духовномъ пониманіи христіанства, тѣмъ не менѣе, незамѣтно для самого себя, самыя возвышенныя религіозныя истины и требованія базируетъ иногда на слишкомъ жизненной, обыденной матеріальной основѣ. Связь съ Богомъ у него строится по образу коммерческихъ отношеній человѣка къ человѣку, по принципу: do, ut des.

Тою же тяжелой житейской дѣйствительностью съ ея «тягловыми мотивами» проникнуты всѣ эти мистическія сужденія о Петрѣ. Въ легенды, въ замысловатыя толкованія введенныхъ Петромъ новыхъ словъ обыкновенно вплетается и отзвукъ непосильно-тяжелой дѣйствительности.

Называютъ ли царя антихристомъ, тутъ же говорятъ и объ антихристовыхъ слугахъ—*грабителяхъ и разорителяхъ*. Указывая на небывалую раньше «безчинность» поведенія царя-антихриста, прибавляютъ кстати: «нынѣ по городамъ вездѣ заставы, и нашего православнаго христіанина въ городъ въ русскомъ платьѣ не пропускаютъ и *бьютъ, и мучаютъ и штрафы берутъ*».

Въ самомъ иноземномъ титулѣ, преподнесенномъ Петру Сенатомъ отъ имени русскаго народа, этотъ народъ видитъ созвучіе съ словомъ, характеризующимъ тяжести Петровскихъ повинностей: одинъ попъ на ектеніяхъ называлъ императора *имперетёромъ*.—«Прямой имперетёръ,—пояснялъ онъ частнымъ образомъ,—не мало онъ людей перетёръ».

—«Міроѣдъ,—выкрикали другіе:—весь міръ переѣлъ, на него, кутилку, переводу нѣтъ,—только переводитъ добрыя головы!»

Въ 1720 г. Алексѣй Козловъ доносилъ на своего помѣщика Ртищева, будто послѣдній говорилъ вслухъ про его царское величество непристойныя слова такія: «черный орелъ, побѣдитель, разоритель государства московскаго, старыхъ слугъ вывелъ, Москву завелъ въ другой землѣ... стали де въ народѣ подати тяжелы».

Непрерывныя войны Петра и требованіе отъ всѣхъ той или иной службы для этихъ войнъ, сопряженныя съ ними бѣдствія и лишенія вызывали громкій ропотъ, гулко отражавшійся въ Преображенскомъ приказѣ.

Солдатская жена Авдотья разболталась съ домовладѣлицей Матреной про совершенную въ Москвѣ коронацію Екатерины, жены Петра Великаго. «И та Авдотья сказала, что-де она того дни стояла на Тверской для того, что слышно было въ народѣ, что будетъ шествіе ея величества Тверскою въ Кремль: и дожидалась она цѣлый день и не дождалась. И къ тѣмъ же словамъ (присутствовавшая при разговорѣ другая) солдатка Аксинья говорила: «*чортъ-де съ нею, да и съ радостью ихъ: имъ де*

радость, а иные безъ хлѣба; какъ де были наши солдаты въ походѣ, и она де обѣщала дать по 5 рублей человѣку не въ зачетъ, кромѣ жалованья, да столько жъ не дала; еще называютъ стрѣльцовъ бунтовщиками, а и солдату то бы де одна смерть». И она де Матрена вышеписанной Авдотьѣ про Аксинью молвила: «э, какъ-де наша брейка бреетъ, что никому спуску нѣтъ».

Духовный причтъ с. Печекъ, Калужской провинціи, косилъ въ 1723 г. на церковномъ лугу свое сѣно. Попъ Савелій говоритъ дьячку Василью и его брату, Гаврилу, что «помѣщика ихъ крестьяне были до Москвы въ подводчикахъ,— отвозили крестьянъ же въ отдачу въ солдаты, и сказываютъ тѣ подводчики, что будетъ еще нынѣ съ крестьянъ пять поборовъ въ солдаты; и къ тѣмъ-де поповымъ словамъ молвилъ онъ, Василій: «помилуй-де, Боже, нашу братью, дьячковъ». И къ тѣмъ словамъ Гаврила сказалъ:

«Развѣ-де императору нашему рука заболитъ, тогда-де обрекается (даетъ обѣтъ) нашу братью въ солдаты не брать»... Повивальная бабка Маримьяна говорила Кронштадтскому писарю Бунину, если вѣрить его доносу, таковы рѣчи: «Когда война была, то вамъ, морскимъ служивымъ, деньги всегда давались безъ задержанія; а нынѣ войны нѣтъ, такъ и денегъ нѣтъ! Да, Царя намъ далъ Богъ воина: все въ ему воевать! Ужъ и то вся чернь отъ войны разорилась: можно бъ нынѣ дать людямъ и покой»...

Захудалый помѣщикъ жаловался во всеуслышаніе: «Нынѣ спрашиваютъ съ крестьянъ нашихъ подводы, и такъ-де мы отъ подводъ и отъ поборовъ и податей разорились. У меня — одинъ дворъ крестьянскій, а сходитъ съ него рубли по 4 на годъ. А нынѣ-де еще сухарей спрашиваютъ. Государь-де свою землю разорилъ и выпустошилъ. Только-де моимъ сухаремъ онъ, Государь, подавится. А живетъ-де онъ, Государь, у нѣмцевъ и думы думаетъ съ ними...» И выбранилъ-де онъ, Евтиѳей, его, Государя, съ досады...

Даже въ войскахъ, среди офицеровъ, шли разговоры, не уступавшіе бесѣдамъ керженскихъ раскольниковъ.

«— Я не знаю, что дѣлать, — говорилъ солдатъ Разстригинъ капитану Левину: — хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь, — онъ антихристъ...

— Какъ ты смѣло говоришь, не опасно...— замѣтилъ Левинъ.

— Нѣтъ, ничего! У насъ изъ офицеровъ многіе говорятъ для того, что онъ, государь, въ одно время училъ три роты на водѣ лѣтомъ, будто по льду подымаетъ, также и воду въ кровь превращаетъ...

— Я давно знаю, — отвѣчалъ капитанъ Левинъ, — что онъ не прямой царь, а антихристъ, и для того хочу постричься»...

При непосильной тяжести всякаго рода службъ и повинностей, взваленныхъ Петромъ на подданныхъ во имя незримаго блага будущаго, многими чувствовалась нравственная тяжесть безправія, отсутствія всякаго уваженія, если не къ личности, то даже къ тому, что привыкла уважать эта личность, въ чемъ видѣлъ москвичъ издревле идеальную, если не практическую гарантію своихъ правъ на призракъ свободнаго обыватель-

ства. Мы не хотимъ сказать, что москвичъ раньше чувствовалъ подъ собой болѣе устойчивую правовую почву. Но раньше самое безправіе облекалось въ привычныя, традиціонныя формы, и эти формы были своеобразной гарантіей, ограждавшей личность (кривосудіе, произволъ воеводъ, укрощаемые поклонами и посулами и т. п.); теперь формы права и безправія стали удивительно подвижны: законы и указы, учрежденія и должности создавались въ такомъ изобиліи, противорѣча другъ другу, что приспособиться къ нимъ привыкшему къ устойчивой старинѣ-пошлинѣ москвичу не было возможности. Кромѣ того, въ старину всѣ злоупотребленія москвичъ приписывалъ невѣрнымъ слугамъ царя; зато въ послѣднемъ онъ видѣлъ хотя и далекую, но все же прочную свою «надежу», отъ которой можно было, при желаніи, добиться правды и защиты: вотъ только трудно приблизиться къ ней практически. Зато хотя въ мечтахъ можно было успокоить себя мыслью, что правда съ земли не ушла. Въ лицѣ Петра эта послѣдняя «надежа — православный царь» умирала въ душѣ москвича, такъ какъ теперь самыя большія тяжести и самыя чувствительныя оскорбленія исходили, на глазахъ у всѣхъ, отъ этого центра старыхъ надеждъ и мечтаній.

Это чувство безправія и безвыходной тревоги, свойственной времени Петра, лучше всего выразилъ отставной дьякъ Докукинъ въ написанной имъ прокламаціи, которую онъ намѣревался прибить у церкви.

«Зрите,—обращалъ вниманіе ex-дьякъ своихъ сограждан, зрите,—како мы отъ зависта и губителя своего діавола древляго нашего супостата здѣсь живущи на земли отъ онаго Божественнаго дара многія отрѣзаеми и *свободной жизни лишаеми, гоними* изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ, оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ земледѣльства такожде и рукодѣльства и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ пачежъ и христіанскихъ добрыхъ дѣлъ и всякаго во благочестіи живущихъ состоянія и *грацкихъ издревле уставленныхъ законовъ лишились* о суетныхъ своихъ дѣлехъ въ лестныхъ ученіихъ обычай свой измѣнили, слова и званіи нашего славянскаго языка и платья перемѣнили, главы и брады брили, *персоны свои ругательски обезчестили*; нѣсть въ насъ вида и доброты и разнствія съ иновѣрными языки, и господина своего оплотъ весь окрадоша и правый путь у насъ изчезоша, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пойдоша и въ земли забвенія погибоша, а отъ востоку очи свои зажмоша и глезнѣ свои въ бѣгство на западъ обратиша и неудобной стремниной путь себѣ многими трудами и потами пріобрѣтоша, свободныя власти и чести отпадоша, видимъ дѣломъ совершаемо, а не писму сему послѣдуемъ. Древеса самыя нужныя въ дѣлехъ нашихъ повсюду заповѣданы быша, рыбныя ловли и торговыя и заводкія промыслы отняты многія и вездѣ бѣдами погружаемы, на правежехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей и... оброковъ налагаемыхъ, и многія отъ того умерщвляеми, домы и приходы запустѣли, святыя церкви обетщали, древодѣлей и каменосѣчцовъ отгнали плиноы на созиданія святыхъ Божіихъ церквей и домовъ дѣлать заказали на воздухъ, *пути намъ къ жизни не указали и сами себѣ тамошняго пути не сыскали,* а пришельцевъ

иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ воспріяли и всѣми благими ихъ наградили, а христіанъ бѣдныхъ бьючи на правежехъ и съ податей своихъ гладомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили... Вельми сердце ми болитъ, видя опустошенія Новаго Іерусалима и людъ въ бѣдахъ язвленъ нестерпимыми язвами».

Эта то «скорбь и туга», составлявшая лейтъ-мотивъ въ общественныхъ переживаніяхъ славнаго царствованія Петра, и была почвой, питавшей легенды о личности Петра, легенды «продерзостныя», потому что онѣ не были только страшными разсказами, удовлетворявшими благочестивой потребности, а носили агитаціонно-протестующій характеръ противъ дѣятельности Петра. Въ этихъ легендахъ степенный москвичъ почерпалъ оправданіе не только для своихъ «скаредныхъ браней» и «неистовыхъ словъ», но толчки и къ «продерзостнымъ» дѣламъ противъ Петра, который былъ обмѣнный нѣмецъ, льстивый антихристъ, кровопійца, курилка, все, что угодно, *но только не настоящій царь*: значитъ, *противъ него все позволено*. И многіе втихомолку «посягали», но въ большинствѣ случаевъ съ «негодными средствами». Вынимали «слѣдъ» изъ-подъ ногъ государя, чтобъ превратить вынутую землю въ кровь: «сколь-де скоро на государевъ слѣдъ ту кровавую землю выльемъ, столь-де скоро онъ живота своего гонзнетъ», думала одна москвичка. Солдаты полка корпуса Регимонта отправились по дѣламъ полковника въ Москву, и взяли съ собой зелья съ намѣреніемъ «дождаться въ Москвѣ великаго государя, то зелье, какъ будетъ онъ государь идти, на переходѣ посыпать черезъ дорогу, и какъ-де государь на то зелье найдетъ, и того-де часу его, государя, не станетъ». Другіе пытались достать волосъ государя, чтобъ сдѣлать его милостивымъ; третьи съ тайной радостью разсуждали объ его болѣзни и учитывали возможность скорой смерти; одинъ фанатикъ, по свидѣтельству Штелина, даже проникъ въ кабинетъ Петра съ «превеликимъ ножомъ» съ цѣлью «зарѣзать» Петра «за обиды своей братіи и нашей вѣры»...

Пусть все это были трусливыя желанія и жалкія «покушенія съ негодными средствами». Но они были грознымъ симптомомъ той степени оппозиціонной ненависти, когда она, при благопріятныхъ условіяхъ, изъ единичныхъ переживаній переходитъ въ массовый взрывъ. Это массовое броженіе и зачалось въ Москвѣ вокругъ царевича Алексѣя Петровича, ставшаго знаменемъ и центромъ, къ которымъ стихійно стягивались недовольные, сливая съ дѣломъ царевича свое дѣло, съ его личнымъ протестомъ свое общественное недовольство. Въ дѣлѣ царевича Алексѣя ярче всего сказалась истина, что «благодать Божія и въ немощахъ совершается». Алексѣй Петровичъ по натурѣ своей вовсе не былъ способенъ къ какимъ бы то ни было активнымъ геройскимъ выступленіямъ, да еще противъ такого соперника, какъ Петръ Великій; тѣмъ не менѣе доходившіе до него отклики народнаго неудовольствія и въ его робкой душѣ породили смѣлыя желанія насильственно избавиться отъ «ненавистнаго тирана», и уничтожить всѣ его «богомерзкія дѣла».

Нерѣшительность, трусость и физическое отвращеніе къ какому-либо труду заставили его бѣжать отъ соблазна, на который толкали его окру-

жающіе, и бѣгствомъ царевичъ погубилъ дѣло своихъ ближайшихъ друзей, какъ и дѣло активнаго выступленія инстинктивно тянувшейся къ нему оппозиціи. Дѣло это было раскрыто какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно изъ тѣснаго кольца окружавшихъ царевича лицъ стало пускать свои корни въ массу. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ тѣхъ заявленій подъ часъ фанатическаго сочувствія царевичу Алексѣю, какое неоднократно высказывалось въ обществѣ и смѣло повторялось въ застѣнкѣ.

Въ 1718 г. Петръ потребовалъ у подданныхъ отреченія отъ наслѣдника Алексѣя Петровича и присяги своему второму трехлѣтнему сыну (отъ Екатерины) Петру Петровичу. 2 марта Петръ I былъ въ церкви. Во время богослуженія передъ нимъ явился старикъ и подалъ ему бумаги. Петръ принялъ ихъ и развернулъ первую: это былъ печатный экземпляръ присяги царевичу Петру Петровичу и отреченіе отъ царевича Алексѣя Петровича. Подъ присягою, гдѣ слѣдовало быть подписи присягающаго, написано было крючковатымъ, но четкимъ крупнымъ почеркомъ:

«Святымъ пречестнымъ Евангелію и животворящему Христову Кресту поклоняюся и лобызаю нынѣ и всегда за избавленіе моихъ грѣховъ и за охраненіе отъ тяжкихъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; а за неповинное отлученіе и изгнаніе всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго государя царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстью и судомъ Божіимъ и пресвятымъ Евангеліемъ *не клянусь* и на томъ животворящаго Креста Христова *не цѣлую* и собственною своею рукою не подписуюсь; еще къ тому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти въ свидѣтельство изрядное, *хотя за то и царской гнѣвъ на мя произліется, буди въ томъ воля Господа Бога моего Іисуса Христа, по волѣ Его святой за истину азъ рабъ Христовъ Иларіонъ Докукинъ страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь*».

Въ сентябрѣ 1722 г. въ надворный судъ вломился «вельми шумный» сынъ площадного подъячаго, Иванъ Михайловъ.

— Кто вашъ государь?—заоралъ онъ, обращаясь къ дежурному.

— Нашъ государь,—отвѣчалъ дневальный,—Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій.

— Вашъ государь Петръ Великій, а я... холопъ государя своего Алексѣя Петровича, и за него... голову свою положу, хотя-де меня и распытать»...

Въ томъ же году къ царскому деньщику Орлову присталъ на улицѣ пьяный, бывшій служитель царевича Алексѣя, и шумно заявлялъ, что онъ вѣрно царевичу служилъ,—«судитъ-де того Богъ, кто насъ обидѣлъ»...

Офицеры Кропотова полка, товарищи вышеупомянутаго капитана Левина, въ дружескихъ бесѣдахъ жалѣли о царевичѣ, даже плакали о немъ.

Они разсказывали Левину: «Государь царевича запыталъ и въ хомутѣ онъ умеръ за то, что онъ, царевичъ, богоискательный человѣкъ, и *не любитъ нѣмецкой политики*».

Раскольники по своему объясняли трагедію царевича, выражая ему сочувствіе: «Царь—не прямой царь, а антихристъ; приводилъ царевича въ свое состояніе, и онъ его не послушалъ, и за то его и убилъ»...

Тѣнь на пыткѣ замученнаго царевича вставала въ народномъ сознаніи мстительной грозою изъ-за моря.

Въ 1720 г. солдатъ Малышниковъ сообщалъ въ шинкѣ: «...намъ по указу велѣно идти въ Ревель.

— Вотъ что! Стало быть опять же война да сраженіе будетъ?—полюбопытствовали собутыльники.

— Ничего вѣдь не подѣлаешь,—отвѣчалъ солдатъ:—пришли къ Кронштоту цесарскихъ (австрійскихъ) и шведскихъ девяносто кораблей, и просятъ у его царскаго величества бою; а буде-де бою не будетъ, такъ *чтобъ отдали великаго князя*»... Выводъ ясенъ: великаго князя (царевича) нѣтъ,—надо воевать...

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось «дѣло царевича», въ которомъ московская оппозиція нашла знамя для своего выступленія, еслибы оно не было во-время раскрыто.

Тотъ интересъ, который всецѣло захватилъ Петра при розыскѣ этого дѣла, та жестокость, которую онъ проявилъ къ его ближайшимъ и отдаленнѣйшимъ участникамъ, а равно и къ лицамъ, выражавшимъ участіе много позже уже не существующему царевичу, показываютъ, что Петръ въ этомъ дѣлѣ видѣлъ для себя такую же опасность, какую ему удалось уже разъ подавить въ лицѣ стрѣльцовъ, этой первой организованной оппозиціи Москвы противъ Петра. Не безъинтересно отмѣтить, что именно въ трагедіи царевича Алексѣя фиксировался въ народномъ сознаніи образъ борьбы стараго съ новымъ,—каковая и была передана въ народной пѣснѣ о Петрѣ и царевичѣ.

Можетъ быть, не безсознательно эта пѣсня выводитъ первую жену Петра изъ враждебной ему Швеціи. Жизнь супруговъ «въ каменной Москвѣ была, какъ цвѣты цвѣла», пока не явился у нихъ «радость-царевичъ», котораго «называть стали тутъ наслѣдничкомъ». Этотъ то наслѣдничекъ, по мнѣнію былины, и внесъ разладъ въ семью. Петра смущалъ «невеселый» видъ сына, и на вопросъ, «чего запечалился»,

«Говоритъ ему царевичъ тутъ:
Мнѣ мало спалось, да много видѣлось:
Прилетѣло то будто два ангела,
Говорятъ они про вѣру про старинную:
Когда будешь ты царемъ парить,
Не держи-ка ты вѣры папиной,
Ты повѣруй-ка въ вѣру своего правдѣдка...»

Въ этомъ эпическомъ діалогѣ прекрасно очерченъ обликъ историческаго сына Петра. Царевичъ Алексѣй по своему характеру не былъ похожъ на отца: у него было больше склонности къ образу жизни своего «правдѣдка»—Михаила Ѳедоровича. Какъ бы самой природой ему суждено было стать главою и надеждой той партіи, которая въ дѣлѣ Петра видѣла «шатаніе исконныхъ святорусскихъ началъ». Эпическое видѣніе было вожделѣнной мечтой этой партіи. Ростовскій епископъ Досиѳей былъ историческимъ ангеломъ, который своими видѣніями и предсказаніями внушалъ царевичу и приснымъ ему по духу тѣ самыя надежды и мысли, которыми грезилъ во снѣ эпическій царевичъ.

Былинный Петръ не хочетъ и слышать, чтобы его наслѣдникъ и сынъ думалъ иначе, чѣмъ думаетъ онъ, Петръ. Воззрѣнія сына онъ считаетъ «досаднымъ» своеволіемъ.

«Тутъ Петру показалось за досадушку.
Я скажу тебѣ, чадо милое:
Не груби ты мово ретива сердца,
Не распоряжайся мною, малешенскъ:
Ты варуй въ ту вѣру, что я варую...»

Эти эпическія слова точно взяты былиной изъ историческаго письма Петра къ сыну, въ которомъ Петръ называетъ «своеволіемъ» мнимую «неспособность» Алексѣя и убѣждаетъ его слѣдовать своему примѣру,— перемѣнить «правдѣдовскую вѣру» лѣниваго благочестія и «прежней тьмы» на дѣятельную жизнь, которою кипѣлъ Преобразователь.

Но эпическій, какъ и историческій, царевичъ упорно сопротивляется призыву царственнаго отца. Петръ сначала «сажаетъ царевича въ темницу на трои суточки для острастки», но, когда и эта мѣра не помогла, рѣшилъ «отрубить сыну голову». Сочувствующая царевичу мать старается отклонить Петра отъ его рѣшенія такими наивными аргументами:

«*Нѣту такихъ правъ да на святой Руси:*
Не отсѣкаютъ то цари да буйны головы,
Ты вѣдь хочешь отсѣкци у сына любимаго,
Разорить ты хочешь свое царство же».
Тутъ стопталъ царь ногами рѣзвыми:
«Какъ можешь ты мною распоряжаться...
Все во ту вѣдь пору, во то время
Ужахнулся нашъ младъ-царевичъ-отъ.
Ужахнулся и скоро помираетъ тутъ...»

Нечего и говорить, что все сказанное былиной—въ общемъ сущая историческая правда, за исключеніемъ развѣ хронологической послѣдовательности; такъ, напр., царица была заключена въ монастырь до смерти царевича, а по былинѣ—послѣ его погребенія, за заступничество. Такъ трагически разорвалъ Петръ съ своей первой семьей, не сочувствовавшей ему въ его реформахъ, не хотѣвшей «вѣрить въ вѣру нонѣшню», а тяготѣвшей къ «прежней тьмѣ»—«вѣрѣ правдѣдка».

Въ этомъ эпическомъ образѣ борьбы Петра съ своей первой семьей Сѣверъ отразилъ и доселѣ переживаетъ воспоминаніе о великой борьбѣ двухъ началъ, происходившей въ громадной семьѣ русскаго народа въ Петровское время.

Читатель не могъ не замѣтить, что самыми ярыми выразителями оппозиціоннаго настроенія Москвы къ дѣламъ Петра были большею частью, выражаясь тогдашнимъ языкомъ—«подлые люди»: солдатская жена и квартирохозяйка, попъ да фанатикъ—«раскольщикъ», дьячокъ, да капитанъ съ монашескими наклонностями, захудалый помѣщикъ да отставной дьякъ,—вотъ приблизительно тѣ чины и званія, которые больше всего доставляли матеріаловъ для заплечныхъ работъ преображенскихъ мастеровъ. Что они громче и энергичнѣе всего кричали,—это понятно: «подлые люди» острѣе всего чувствовали на себѣ гнетъ Петра.

Но эти чины и званія не составляли еще всей Москвы, ея самой вліятельной части.

Мы не слышимъ въ Преображенскомъ застѣнкѣ авторитетнаго голоса стараго боярства, помѣстнаго служилаго дворянства и высшихъ чиновъ «учительнаго класса». Было ли ихъ молчаніе знакомъ согласія? Далеко нѣтъ! Высшее духовенство, какъ и старое боярство, имѣло хорошій практическій взглядъ и политическій опытъ отъ времени Грознаго и стрѣлецкаго бунта при Софьѣ вплоть до розыскныхъ дѣлъ Соковнина съ Пушкинымъ и царевича Алексѣя. Во всякомъ случаѣ, положеніе этихъ чиновъ при Петрѣ было сравнительно настолько хорошо, чтобы не желать промѣнять его на виску въ Преображенскомъ Приказѣ.

Въ частности высшее духовенство уже въ лицѣ патр. Адріана научилось искусству смирно «жить изъ-за куска, беречь мантіи и клобука бѣлаго», какъ говорили современники. Англійскимъ купцамъ, изъявившимъ опасеніе, не будетъ ли патріархъ сопротивляться табачной продажѣ, Петръ сказалъ: «не безпокойтесь: патріархъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не табачный надзиратель». Да и вѣроблюстительство его было Петромъ укорочено. Передъ началомъ казни стрѣльцовъ патр. Адріанъ поднялъ икону и пошелъ въ Преображенское *печаловаться* за обреченныхъ. Завидѣвъ патріарха, Петръ закричалъ ему: «Къ чему эта икона? Развѣ твое дѣло приходить сюда?! Убирайся скорѣй и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Богородицу. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ...» Патріархъ послѣ этого навѣкъ замолкъ. Замолкли и другіе іерархи, для которыхъ позорная казнь архіеп. Ростовскаго Досиѳея была наглядным урокомъ, что санъ ихъ не спасетъ отъ «богоугодныхъ дѣлъ» Петра. Іерархи и подручное имъ духовенство, когда «не могло молчать», выражали свое оппозиціонное настроеніе много-много въ туманныхъ проповѣдяхъ, въ родѣ той, какую произнесъ Стефанъ Яворскій, говоря рабскимъ языкомъ о вероломцѣ, мутящемъ воду, чтобъ не видѣть своего безобразія, да въ формѣ пассивнаго сопротивленія, какое, напр., духовенствомъ было проявлено по отношенію къ указу Петра объ учрежденіи цифирныхъ школъ.

Цифирныя школы, какъ извѣстно, заведены были Петромъ въ 1714 г. въ подмогу архіерейскимъ школамъ для образованія духовенства и «всякаго чина дѣтей опричь однодворцевъ». Отъ архіерейскихъ школъ (при домахъ архіереевъ) онѣ отличались стремленіемъ къ большему реализму и положительнымъ знаніямъ въ противовѣсъ «мечтательному ученію» церковныхъ школъ. И духовенство не замедлило выступить съ осторожнымъ протестомъ. Въ Сенатъ поступило заявленіе, что духовенству неудобно поддерживать цифирныя школы, потому что у него есть своя школа, «церковничьимъ дѣтямъ весьма свойственная», которой «не только растенія не получить, но и процвѣтающее растеніе принуждено будетъ увянуть», если рядомъ съ архіерейской школой станетъ цифирная. Нелѣпость протеста была очевидна, такъ какъ непочатая почва невѣжества устраняла всякую конкуренцію просвѣтительныхъ учрежденій. Сотрудники Петра не замедлили выяснить оппозиціонерамъ «риторическое сложеніе ихъ представленія»:—«Авторъ его,—иронически разъясняетъ Скорняковъ-Писа-

ревъ епархіальнымъ властямъ,—должно быть много начитался новгородскихъ исторій отъ Рюрика до царя Ивана Васильевича (намекъ на новгородскую *вольность*), а дальше не прочиталъ, что было въ 7078 г. (т. е. въ 1570 г. — разгромъ Новгорода Грознымъ), при архіеп. Пименѣ, «ибо ежели бы оную гисторію челъ, то не дерзнулъ бы такой отвѣтъ писать, ибо государь нашъ... о своихъ подданныхъ неусыпно трудится, дабы изъ тьмы необученія просвѣтить науками, и того ради милостиво соизволилъ во всемъ своемъ царствіи всякаго чина людей учить ариѳметикѣ и нѣкоторой части геометріи. И тотъ указъ и наука (дѣтямъ духовенства) не есть препятствіе, но (напротивъ) — способъ, ибо оныя науки во всецѣлой человѣческой жизни зѣло человѣкомъ надобны... а вамъ показалось за препятствіе, не знаю, для чего: а чаю, что вы сами оной наукѣ неискусны, то и сладости оной не причастны,—прочихъ всѣхъ чиновъ дѣтей отлучаете, по Писанію: самъ не искусився, какъ можешь искушаемымъ помощи...» Послѣ такой отповѣди у представителей «мечтательнаго знанія» не хватило духу бороться противъ «надобныхъ всему человѣчеству наукъ» посредствомъ «риторическаго сложенія». Но было другое средство: молчаливый бойкотъ и пассивное сопротивленіе. И духовенство восторжествовало: школы цифирныя, при его содѣйствіи, прекратили свое существованіе еще при жизни Петра. Этотъ эпизодъ, характерный для тактики опытныхъ оппозиціонеровъ, не былъ характернымъ для всей дѣятельности духовенства, отъ котораго Петръ потребовалъ дѣятельной службы своимъ полицейскимъ цѣлямъ, и духовенство, волей-неволей, было превращно Духовнымъ Регламентомъ въ духовныхъ фискаловъ, обязанныхъ присягой «донести вскорѣ, гдѣ надлежитъ, естьли кто при исповѣди объявитъ духовному отцу своему нѣкое... воровство, наипаче же измѣну или бунтъ на государя, или злое умышленіе на честь, или здоровье государево и на фамилію Его В-ва...» Инквизиторы и благочинные зорко слѣдили за подвѣдомственнымъ духовенствомъ, и мудрое правило— «молча жить изъ-за хлѣба и беречи своего клобука» сдѣлалось правиломъ жизни для духовенства, даже въ душѣ оппозиціонно настроеннаго.

Старое родовитое боярство? Оно раскололось: часть поступила на службу Петру и перемѣшалась между «новыми людьми»; другая часть молчаливо доживала свои дни, довольная тѣмъ, что Петръ рѣдко обращаетъ на нихъ свое насмѣшливое вниманіе, хотя и не выпускаетъ ихъ изъ сферы своего полицейскаго наблюденія. Указъ боярамъ строить себѣ дома въ Петербургѣ едва ли мотивировался исключительно желаніемъ скорѣе застроить любимый «Парадизъ»: Петръ любилъ однимъ выстрѣломъ убивать нѣсколькихъ зайцевъ. Но молчаніе родовитаго московскаго боярства не было сердечнымъ согласіемъ его съ дѣлами Петра. Процессъ Царевича Алексѣя показалъ, какое тяготѣніе къ этому дѣлу имѣли нѣкоторые родовитые бояре (кн. Долгорукій и др.). Еще ярче ихъ оппозиціонное настроеніе сказалось при рѣшеніи вопроса, кому быть наслѣдникомъ Петра. Только рѣшительное заявленіе гвардейскихъ офицеровъ, что они «голову разобьютъ старымъ боярамъ», если они будутъ подавать голосъ противъ Екатерины, спасло ей тронъ. Тѣмъ не менѣе учре-

жденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта было явною уступкой оппозиціонному боярству, молчавшему, пока уста ихъ сковывалъ страхъ предъ желѣзною волею Петра. Этотъ страхъ чувствовался въ Керженскихъ скитахъ не менѣе ощутимо, чѣмъ въ боярскомъ теремѣ, за стѣной московскаго монастыря и «на верху» въ царской семьѣ. Сестра Петра, Екатерина Алексѣевна, писала своей наперстницѣ, повѣренной по открытію кладовъ, когда дѣло объ ихъ кладоискательствѣ попало къ Ромодановскому: «Пуще всего писемъ чтобы не поминала (соучастница); для Бога, ты этихъ словъ никому не сказывай, о чемъ писано. — *Не вѣрь ни въ чемъ никому, ни родному...* О чемъ и спрашиваютъ, и въ чемъ нѣтъ свидѣтелей, такъ нечего и говорить, чтобъ моего имени не поминали, и такъ намъ горько и безъ того...»

Повивальная бабка Маримьяна будто бы разсказывала писарю Бунину: «Бояре-де затѣмъ не смѣютъ говорить противъ Петра, что лишьде кто на него (Петра) какое зло подумаетъ, то онъ-де тотчасъ и узнаетъ; а коли въ не то, то они, бояре, давно въ его уходили». На вопросъ Бунина, почему государь все знаетъ, бабка отвѣчала: «Онъ-де сему научился...» Эта высшая похвала сыску, самому тонкому уху и глазу Петра, не была только продуктомъ знакомства писаря Бунина съ «Прикладами, какъ пишутся комплементы разные...»

Что похвала эта была заслужена, можно видѣть изъ разговора кн. Василія Вл. Долгорукова, чувствовавшаго за собой тайные грѣшки, съ кн. Богданомъ Гагаринымъ.

— «Слышалъ ты,—обратился Долгорукій къ Гагарину,—что дуракъ царевичъ сюда идетъ (т. е. возвращается изъ бѣговъ), потому что отецъ посулилъ женить его на Афросиньѣ (пассіи Алексѣя)? Жолвъ ему, не женитьба! Чортъ его несетъ! Всѣ его обманываютъ нарочно!» Этотъ страхъ предъ всевѣдущимъ Петромъ ощущался многими и послѣ его смерти. Въ кельѣ одного изъ московскихъ монастырей шелъ разговоръ о только что умершемъ Петрѣ:

— «Противно, что государь монахамъ велѣлъ жениться, а монахинямъ замужъ идти»,—сказалъ инокъ Самуилъ. Монахъ Селивестръ сталъ его унимать: «Полно, дуракъ, врать: за такія слова тебя свяжутъ».

— «Теперь государя нѣтъ, бояться некого»,—успокаивалъ себя и собесѣдника Самуилъ.—«О, дуракъ, дуракъ,—возразилъ Сильвестръ:—*хотя государя и не стало, да страхъ его остался!*» Вотъ въ этомъ то всеобщемъ страхѣ, который пережилъ своего носителя, и нужно искать разгадку той парализованности и нерѣшительности, какую проявляли враги Петра, чувствовавшіе себя и свой мозгъ въ щупальцахъ того спрута, который сидѣлъ сначала въ Преображенскомъ Застѣнкѣ, въ видѣ Ромодановскихъ, а потомъ, сверхъ того, и въ Тайной канцеляріи Петербурга въ лицѣ гр. Петра Андр. Толстого и его клевретовъ. Но этотъ страхъ не долго продолжался, и уже черезъ 10—13 лѣтъ обнаружилась цѣна того молчанія, которымъ напутствовали высшіе слои русскаго общества дѣла Петра Великаго.—«Память Петра I,—писалъ Фоккеродтъ въ 1737 году,—въ почтеніи только у простоватыхъ и низшаго званія людей (имъ было

плохо и послѣ Петра) да у солдатъ, особливо у гвардейцевъ, которые не могутъ еще позабыть того значенія и отличія, какими они пользовались въ его царствованіе. Прочіе хоть и дѣлаютъ ему пышныя похвалы въ общественныхъ бесѣдахъ, но *если имѣешь счастье коротко познакомиться съ ними и снискать ихъ довѣренность*, они поютъ уже другую пѣсню... Большинство ихъ не только взваливаетъ на него самыя гнусныя распутства и самыя ужасныя жестокости, но даже утверждаетъ, что онъ не настоящій сынъ царя Алексѣя.

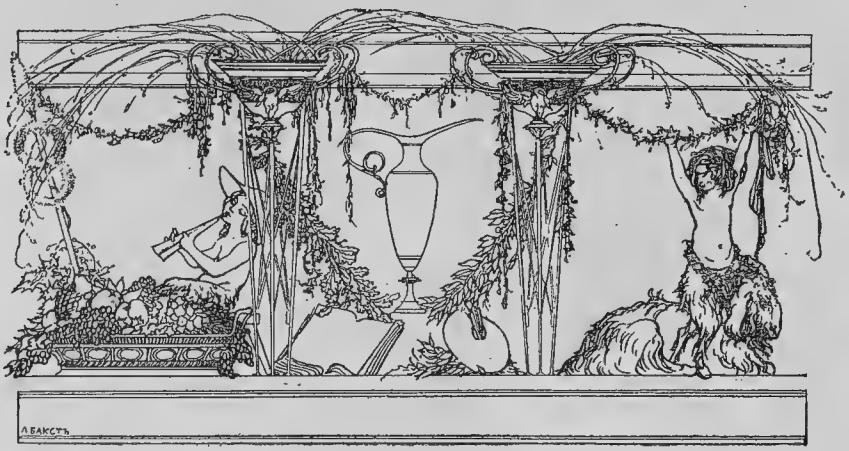
«Объ его храбрости и прочихъ, приписываемыхъ ему, качествахъ, у нихъ совсѣмъ другое понятіе, нежели какое составили о томъ за границей, и большей части его дѣлъ они даютъ очень странныя, не слишкомъ то для него почетныя, причины. Всѣ его новыя распоряженія и учрежденія они умѣютъ превосходно обращать въ смѣшную сторону; кромѣ того, Петербургъ и флотъ въ ихъ глазахъ мерзость... Да и заведеніе правильнаго (регулярнаго) войска, считаемое всѣмъ свѣтомъ за величайшую пользу, доставленную царству Петромъ I, для нихъ безполезно и вредно; безполезно по ихъ твердой увѣренности, что только бы они сами сидѣли смирно и не мѣшались безъ надобности въ ссоры, а то никто не нападетъ на нихъ изъ сосѣдей, и что во всякомъ случаѣ довольно съ нихъ и старыхъ военныхъ порядковъ для удаленія врага отъ своихъ предѣловъ; вредно потому, что считаютъ правильно обученное войско новыми узами, которыя вполнѣ подчиняютъ ихъ самовластному произволу Государя, какъ бы ни былъ онъ несправедливъ и страненъ, лишаютъ ихъ всякаго покоя и удовольствія, какими они могли бы наслаждаться на родинѣ, и принуждаютъ ихъ служить на войнѣ, которая въ подобномъ случаѣ, по мнѣнію ихъ, великая бѣда, а для тѣхъ, которые служатъ тутъ по доброй волѣ — большая глупость.

Ихъ разсужденія объ этомъ предметѣ своеобразны. Если приведешь имъ на умъ примѣръ другихъ европейскихъ народовъ, у которыхъ дворянство ставитъ себѣ въ величайшую почесть отличаться военными заслугами, они отвѣчаютъ: «Много примѣровъ такого рода доказываютъ только то одно, что на свѣтѣ больше дураковъ, чѣмъ разсудительныхъ людей. Коли вы, чужеземцы, можете жить для себя, а со всѣмъ тѣмъ подвергаетесь изъ пустой чести потерѣ здоровья и жизни, и въ этомъ только и ставите такую честь, такъ покажите намъ разумную причину такого поведенія. Вотъ коли вы изъ нужды служите, тогда можно извинить васъ, да и пожалѣть. Богъ и природа поставили насъ въ гораздо выгоднѣйшія обстоятельства, только бы не мутили нашего благоденствія иноземныя затѣи. Земля наша такая обширная, а нивы такія плодородныя, что ни одному дворянину не съ чего голодать: сиди онъ только дома, да смотри за своимъ хозяйствомъ. Какъ ни маловато его имѣніе, хотя бы и самъ онъ долженъ былъ ходить за сохой, ему все же лучше, чѣмъ солдату. Ну, а кто мало-мальски зажиточенъ, тотъ пользуется всѣми утѣхами, какихъ можетъ желать съ разсудкомъ: вдоволь у него и пищи, и питья, одежи, челяди, повозокъ; тѣшится онъ, сколько душѣ угодно, охотой и всѣми другими забавами, какія бывали у его прадѣдовъ... Теперь послѣ

Внутренній видъ церкви кн. Голицына.

того, какъ вы то, иностранцы, внушили нашему государю такія правила что войско слѣдуетъ держать всегда, въ мирную и военную пору, намъ ужъ нечего и помышлять о такомъ покоѣ... Только что замирились, думаютъ ужъ опять о новой войнѣ, у которой зачастую и причины то другой нѣтъ, кромѣ самолюбія государя, да еще его близкихъ слугъ. Въ угоду имъ не только разоряютъ не на животъ, а на смерть, нашихъ крестьянъ, да и мы то сами должны служить, да и не такъ еще, какъ въ старину, пока идетъ война, а многіе годы къ ряду жить вдалекѣ отъ своихъ домовъ и семействъ, входить въ долги, между тѣмъ отдавать свои помѣстья въ варварскія руки нашихъ чиновниковъ, которые заурядъ такъ ихъ доймутъ, что, когда, наконецъ, придетъ такое благополучіе, что насъ по старости, али по болѣзни, уволятъ, намъ и всю жизнь не поправить своего хозяйства... Земля наша довольно велика, и потому распространять ее не для чего, а развѣ только населять. Завоеванія, сдѣланныя Петромъ I, не даютъ Россіи ничего такого, чего бы не имѣла она прежде, не умножаютъ и нашу казну, но еще стоятъ намъ гораздо дороже, чѣмъ приносятъ дохода. Они не прибавляютъ безопасности нашему царству, а еще впередъ, пожалуй, сдѣлаютъ то, что мы станемъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, мѣшаться въ чужія ссоры, и никогда не останемся въ барышахъ отъ того. Потому то Петръ I навѣрное ужъ поступилъ бы гораздо умнѣе, еслибы милліоны людей, которыхъ стоили шведская война и основаніе Петербурга, оставилъ за сохою дома, гдѣ недостатокъ въ нихъ слишкомъ ощутителенъ. Старинные цари хоть и дѣлали завоеванія, да только такихъ земель, владѣніе которыми необходимо для царства, или откуда насъ безпокоили разбои. Кромѣ того, они давали намъ пользоваться плодами нашихъ трудовъ, поступали съ побѣжденными, какъ съ побѣжденными, дѣлили между дворянствомъ ихъ земли: а на мѣсто того ливонцы чуть у насъ на головахъ не пляшутъ и пользуются большими льготами, чѣмъ мы сами, такъ что изо всего этого завоеванія не выходитъ намъ никакой другой прибыли, кромѣ чести оберегать чужой народъ на свой счетъ, да защищать его своею же кровью».

Эта испепеляющая критика дѣлъ Петра, принадлежащая, по всѣмъ видимостямъ, служилому помѣстному дворянству—«шляхетству», можетъ служить восполненіемъ того пробѣла, который у насъ невольно получился при характеристикѣ отношеній къ Петру разныхъ группъ оппозиціоннаго центра. Въ застѣночныхъ актахъ служилое дворянство не оставило своихъ слѣдовъ, можетъ быть, потому, что слишкомъ занято было Петровскими маршами, а, можетъ, и потому, что Военный Регламентъ Петра научилъ «шляхество» беречь свои головы и помѣстья не меньше, чѣмъ Духовный Регламентъ—беречь духовные клобуки и приходы...



Театръ и народныя развлеченія въ Москвѣ въ XVIII вѣкѣ.

С. К. Шамбинаго.

Въ 1649 году по Москвѣ и городамъ правительство разослало указъ, неожиданно запретившій всякихъ чиновъ людямъ увеселяться такъ, какъ они привыкли издавна. Въ указѣ выставлялась на видъ и грубость и непристойность того репертуара, который былъ такъ излюбленъ гражданами. Всякое увеселеніе, говорилось въ немъ, не проходитъ безъ присутствія скомороховъ. Сходится народъ, обыкновенно, по вечерамъ, на улицахъ, площадяхъ, поляхъ, начинаетъ пѣть «скверныя» пѣсни, слушаетъ «бѣсовскую» игру на инструментахъ. По городамъ и уѣздамъ мужчины и женщины собираются вродѣ какъ въ «сонмища», по ночамъ дѣлаютъ что то, словно вспоминаютъ языческое чародѣйство, или водятъ медвѣдей, пляшутъ съ собаками, или тѣшатся игрою въ карты, зернь, шахматы, или «безчинно» скачутъ, пляшутъ, поютъ пѣсни. На большіе праздники—еще хуже. На Рождествѣ, напримѣръ, чествуютъ Коляду и Таусень, загадки загадываютъ или сказки сказываютъ. А то рядятся—накладываютъ скоморошьи личины и платье, да «межъ себя нарядя бѣсовскую кобылку водятъ».

Неприличны подобныя развлеченія, грубы и вредны: напиваются вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ, сквернословятъ, въ блудъ впадаютъ, съ качелей падаютъ, убиваются. Даже на свадьбахъ, — и тамъ царятъ скоморохи: веселясь безчинно и непристойно, они тѣмъ самымъ отклоняютъ общество отъ «учительныхъ людей наказанья».

Подобный указъ, не разъ и не два, разсылался по всѣмъ слоямъ общества. Приказывалось соблюдать благочиніе и воздерживаться отъ глу-

мотворства. Для укрѣпленія указовъ въ памяти мѣстами устраивались своеобразныя ауто-да-фе, — сожигались набранныя, гдѣ придется, хари, маски скоморошьи, и музыкальные инструменты: домры, сурны, гудки и гусли. Между прочимъ, пять возовъ, груженыхъ этими гудебными сосудами, было сожжено въ Москвѣ, на Болотѣ. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, желая служить примѣромъ, устранилъ съ своей свадьбы всѣ «свадебныя потѣхи» и увеселялся однѣми «церковными» пѣснями.

Однако царскіе указы пришлось повторить въ 1652 и 1657 годахъ. Видно, общество не особенно охотно разставалось съ привычными увеселеніями, требовались повторныя напоминанія.

Правительственнымъ распоряженіемъ объявлялась вышедшей изъ обихода цѣлая литературная традиція. Русская пѣсня, лирическая и эпическая, сказка и загадка, скоморошья присказка и потѣха, выражавшаяся ряженіемъ, пляской, игрой и наивными драматическими композиціями, объявлены были «непристойными».

Это объявленіе цѣлаго культурнаго наслѣдія отжившимъ должно было предполагать какъ бы начинающееся господство другого. Дѣйствительно, съ 1660 года подготовляются «театральныя дѣйства». Выполненіе ихъ въ XVII вѣкѣ уже извѣстно. Царь, изгонявшій всякаго рода увеселенья, самъ явился иниціаторомъ театра, потѣхи заморской и, въ сущности, такой же скоморошьей. Для общества она была, однако, менѣе понятной и болѣе грѣховной. Не очень то охотно на первыхъ порахъ отдавали подъячіе дѣтей своихъ въ театральныя школы.

Какъ согласить такое поведенье царя? Неужели прежнія увеселенія, выросшія на родной почвѣ, были, въ самомъ дѣлѣ, грѣховнѣе иноземныхъ? Вѣроятно — нѣтъ. Не о грѣховности ихъ говорили указы половины XVII вѣка.

Дѣло заключалось въ томъ, что на смѣну одной литературной школы являлась другая, новая и болѣе модная. Прежней поэзіи стала противополагаться виршевая, въ частности драматическая, пришедшая въ Москву вмѣстѣ съ модньмъ польскимъ языкомъ и кіевскими учеными писателями. Симеонъ Полоцкій, воспитатель царевичей въ наукахъ, а царя—во вкусѣ, въ достаточной степени могъ убѣдить послѣдняго въ преимуществахъ культурныхъ увеселеній надъ некультурными. Тянувшееся къ Западу Московское государство легко пошло за новизною, и, какъ адептъ, не только перенимало чужое, но и запрещало указами старое свое. Примѣръ—не единственный: XVIII вѣкъ даетъ много указаній на то, какъ европейскія нововведенія ставились на мѣсто уничтожаемыхъ указами старыхъ русскихъ обычаевъ.

Указы половины XVII вѣка представляютъ, слѣдовательно, важный переломъ въ исторіи русской поэзіи и увеселеній. И та и другія, будучи сначала достояніемъ всего общества, «людей всякихъ чиновъ», волей-неволей должны были уйти изъ культурныхъ слоевъ, спуститься ниже, онѣ стали въ полномъ смыслѣ слова—«народными». У народа они и хранятся, поскольку могутъ быть запоминаемы и развиваемы. Поэзія ушла на украйны, а увеселенія продолжаютъ донынѣ существовать въ пережиткахъ ря-

женья, праздничныхъ гуляній, акробатовъ, райка и балаганныхъ представленій. Ударъ увеселеньямъ былъ нанесенъ сильный, однако не смертельный. Они трансформировались, но не уничтожились. Весь XVIII вѣкъ въ данномъ случаѣ представитъ намъ смѣсь новыхъ, культурныхъ развлеченій съ прежними скоморошьими потѣхами.

Указанныя выше хронологическія даты надо разсматривать поэтому, какъ моментъ, съ котораго силлабическая поэзія и драма заступили мѣсто прежней эпической поэзіи и бурлеска. Этотъ же моментъ открываетъ непрекращающееся съ этихъ поръ вліяніе европейской литературы и культуры на русскую. Переходъ, регламентированный указами, дастъ тонъ и послѣдующему: всѣ развлеченія и потѣхи Москвы въ XVIII вѣкѣ будутъ больше инсценироваться правительствомъ, нежели возникать по собственной иниціативѣ. Съ половины XVIII вѣка правительство возьметъ въ свои руки и театральное дѣло.

Конецъ XVII вѣка былъ тусклымъ для развитія театра. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ не раздѣлялъ отцовской страсти, хотя и посѣщалъ домашніе спектакли, устраиваемые его сестрою Натальей. Репертуаръ составлялся изъ обычныхъ школьныхъ драмъ и переводныхъ сочиненій. Къ нему присоединялись масляничныя и святочныя представленія, въ прежнемъ скоморошьемъ духѣ. Индифферентизмъ царя уже сгладилъ шероховатости, созданныя указами Алексѣя Михайловича.

Съ первыхъ годовъ XVIII вѣка начинается иная эпоха. Въ Москвѣ театральное дѣло сосредоточивается около двухъ центровъ: высшаго учебнаго заведенія, Славяно-греко-латинской Академіи, и въ рукахъ частныхъ антрепренеровъ, подлежащихъ правительственному контролю. Группировка эта пройдетъ красной нитью по всему XVIII вѣку: въ дѣлѣ развитія театра будутъ принимать участіе или студенты высшихъ учебныхъ заведеній, или частная антреприза.

Театральныя пьесы, разыгрывавшіяся въ Академіи, сначала были сколкомъ съ польскаго и южно-русскаго театра. Репертуаръ поддерживалъ, большею частью, Симеонъ Полоцкій, позже—Дмитрій Ростовскій. Съ Петра Великаго академическій театръ начинаетъ служить видамъ Преобразователя. Петръ сознавалъ, что наглядность имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ проповѣди, ознакомленія. Въ театральныхъ представленіяхъ онъ желалъ видѣть не простое развлеченіе, доступное лишь интимному кружку, а школу, трибуну, съ которой бы объясняли народу значеніе, сущность и благотворность его преобразованій, начинаній, викторій.

Ученый и учебный персоналъ Академіи приноравливалъ театральныя представленія почти ко всякому случаю, какъ Петръ пріѣзжалъ въ Москву праздновать свои побѣды надъ шведами. Послѣ взятія въ 1703 году города Орѣшка было разыграно «Торжество міра православнаго». Въ другой пьесѣ борьба Россіи со шведами была представлена мираклемъ, символистически изображавшимъ борьбу правовѣрія съ нечестіемъ. Полтавская побѣда вызвала викторіальную пьесу: «Божіе уничижителей гордыхъ въ гордомъ Израиля уничижителѣ чрезъ смиренна Давида уничиженномъ Голіаѳѣ уничиженіе».

Пріемная и гостиная въ Подмосковной П. П. Рябушинскаго.

Но академическій театръ все-таки обслуживалъ только избранную публику. Петру Великому не этого хотѣлось: онъ желалъ сдѣлать театръ въ полномъ смыслѣ слова народнымъ, куда бы всѣ могли ходить за опредѣленную плату. Мысль царя была несомнѣннымъ «новшествомъ». Московскому народу никто еще не показывалъ театральныхъ представленій. Дѣло было новое, требовалась труппа, репертуаръ и главное—спеціально приспособленное для театра зданіе.

За труппою, какъ и раньше, отправились за границу. Послѣ долгихъ переговоровъ въ Россію на службу согласился ѣхать нѣкто Іоганнъ Кунстъ, не столько антрепренеръ, сколько авантюристъ. Въ 1702 году его труппа прибыла въ Москву, самъ онъ получилъ хорошій окладъ съ обязательствомъ начать театральныя представленія какъ можно скорѣе.

Необходимо было приступить къ постройкѣ театра. Выборъ Петра палъ на пустопорожнее мѣсто въ Кремлѣ, неподалеку отъ Никольскихъ воротъ, слѣва по въѣздѣ. Проектъ основанія театра въ Кремлѣ вызвалъ неудовольствіе нѣкоторыхъ приказныхъ чиновниковъ, считавшихъ, что такому священному мѣсту, какъ Кремль, недостойно заключать въ себѣ комедійной хоромины. Неудовольствіе перешло въ отпоръ, началась проволочка, тѣмъ болѣе, что царь былъ отвлеченъ другимъ дѣломъ. Въ отпискахъ Петру указывалось, что горы щебня отъ сломки старыхъ палатъ занимаютъ всѣ свободныя мѣста въ Кремлѣ, и театра строить негдѣ. Пришлось отвести новое мѣсто, на этотъ разъ на Красной площади, среди безконечныхъ лавокъ, лотковъ, палатокъ разной торговли. Петръ самъ слѣдилъ за выполненіемъ приказаній съ театра военныхъ дѣйствій. Только къ концу 1703 года было, наконецъ, возведено деревянное зданіе театра, длиною 20, шириною 15 и высотою 6 саженъ. Зданіе было безъ оконъ, потому что «непотребенъ свѣтъ въ комедіи». Мѣста для публики были платными и дѣлились на разряды: первый стоилъ гривну, второй 2 алтына, третій—5 копеекъ и послѣдній—алтынъ. Спеціальные билеты печатались на толстой бумагѣ и продавались въ особыхъ чуланахъ, т. е. небольшихъ кассахъ при зданіи. Несмотря на такую дешовую плату, сборы сначала достигли большихъ суммъ,—народъ охотно посѣщалъ невиданную потѣху. Дѣло, однако, не пошло: Кунстъ не слѣдилъ за репертуаромъ и не платилъ никому денегъ. Репертуаръ, состоявшій изъ чередовавшихся русскихъ и нѣмецкихъ пьесъ, не былъ понятенъ зрителямъ ни на томъ, ни на другомъ языкѣ. Чиновники посольскаго приказа, столь искусные въ составленіи бумагъ, оказались никуда негодными переводчиками драматическихъ произведеній. Ходульныя пьесы съ сюжетами изъ далекой, непонятной исторіи, съ боями, убійствами, неожиданными переходами въ развитіи дѣйствія не удовлетворяли даже невзыскательныхъ москвичей. Варварскій языкъ переводовъ, сохранявшій всю иностранную конструкцію словъ (Петру приходилось самому учить, какъ надо переводить), еще болѣе отваживалъ зрителей. Театръ пересталъ дѣлать сборы, и Яганъ Кунштъ, какъ его звали въ народѣ, убѣжалъ, не заплативъ никому денегъ. Не лучше была дѣятельность Фирста, преемника скрывшагося антрепренера. Актеры буйствовали, разбивали лавки на Красной

площади, бывали за это наказываемы батогами, но не исправлялись. Наконецъ, въ 1707 году народный театръ въ Москвѣ былъ не только закрытъ, но и самое зданіе разобрали.

Мысль Петра сдѣлать театръ не только доступнымъ народу, но и полезнымъ въ смыслѣ образовательномъ и назидательномъ, не имѣла успѣха. Театральное дѣло снова перешло въ частныя руки. На аукціонѣ разобранной комедійной храмины костюмы и декораціи—«рамы перспективнаго письма» были куплены царевной Натальей Алексѣевной и отправлены въ Преображенское, въ ея театръ. Тамъ, да еще въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ, у вдовы царя Ивана Алексѣевича и его дочери, герцогини Мекленбургской, продолжали разыгрываться театральныя пьесы. Въ сестрѣ Натальѣ Петръ нашелъ горячаго приверженца своихъ нововведеній, у нея въ Преображенскомъ, какъ и въ Академіи, находила выраженіе мысль его—видѣть пьесы имѣющими отношеніе къ его преобразованіямъ и символистически ихъ изображающими.

Какъ бы ни былъ плохъ репертуаръ театра на Красной площади, онъ все же пошелъ дальше репертуара времени царя Алексѣя. Господству южно-русской силлабической поэзіи, схоластической мистеріи и школьной драмы приходилъ конецъ. Чувствовалась новая смѣна одного литературнаго направленія другимъ. Съ 1739 года,—присылки Ломоносовымъ оды «На взятіе Хотина»—новая теорія окончательно вступаетъ въ свои права. Эта теорія—ложноклассическая, принесшая спеціальный репертуаръ, смѣнившій силлабическую драму. Являются переводы, передѣлки и подражанія. Мольеръ все чаще начинаетъ появляться на московской сценѣ. Переводы его комедій дѣлаются непосредственно съ французскаго. Къ имѣющимся уже переводамъ Амфитріона («Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитера») и Médecin malgré lui («Докторъ принужденный») присоединяется еще «Precieuses ridicules» («Драгыя смѣяныя»)—высокій образецъ нескладной работы переводчика.

Въ Москвѣ спектакли, послѣ 1707 года, продолжаютъ ставиться въ Академіи, да еще въ Хирургической школѣ при Госпиталѣ, основанномъ Петромъ. Начальникъ Госпиталя докторъ Бидло принималъ въ число студентовъ школы преимущественно учениковъ Академіи; они и переносили туда свое пристрастіе къ театру. По случаю коронаціи Екатерины I въ школѣ была исполнена панегирическая драма, второе дѣйствіе которой было посвящено коронованію и прославленію императрицы, какъ ближайшей спутницы подвиговъ Петра.

Явившись, такъ сказать, главнымъ антепренеромъ народнаго московскаго театра, Петръ Великій въ то же время былъ иниціаторомъ и народныхъ развлеченій. Торжественныя процессіи, празднества съ тріумфальными арками, фейерверки, фигуры ложноклассическія: Купидо, Венусъ, Бахусъ—двигались сплошь и рядомъ по улицамъ Москвы по случаю какого-либо торжественнаго событія. То праздновалась викторія выступленіемъ членовъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора, то воздвигались блестящія мишурой сооруженія въ видѣ кораблей и замковъ. Особенно великолѣпны были гулянья по поводу мира со шведами въ 1722 и коронованія Екатерины I

въ 1724 годахъ. На первомъ торжествѣ былъ устроенъ маскарадъ и катанье на саняхъ, запряженныхъ разными звѣрями. На полозьяхъ поставленъ былъ цѣлый флотъ, за нимъ слѣдовали представители всепьянѣйшаго собора: князь-папа, Бахусъ въ бочкѣ и суффреганы; за ними — Нептунъ съ трезубцемъ, везомый двумя сиренами. Шествіе замыкалъ огромный корабль, который тянули 16 лошадей. На немъ находился Петръ; рядомъ ѣхала золоченая гондола императрицы. Процессія шла черезъ Тверскія ворота въ Кремль къ неописанному удовольствію народа. Празднество кончилось затѣйливымъ фейерверкомъ.

На праздникѣ коронаціи народу было предложено угощеніе—груды жаренаго мяса, фонтаны изъ вина; канатные плясуны, акробаты, фокусники привлекали великое множество народа.

Послѣдній, однако, не оставлялъ и прежнихъ, изгнанныхъ указами, увеселеній. Первая четверть XVIII вѣка какъ бы примиряетъ два теченія: исходящую сверху инициативу торжественныхъ гуляній, планируемыхъ сообразно господствующимъ литературнымъ вкусамъ, и прежнее скоморошество, смотрѣть на которое не брезгали даже баре. Оба теченія, если не сливались, то во всякомъ случаѣ не оставались безъ вліянія другъ на друга. Святки, масляница сопровождались по-прежнему скоморошескимъ выступленіемъ участниковъ, надѣвавшихъ хари, ходившихъ съ волынками, бубнами, гудками. Выводили ученыхъ собакъ, медвѣдей; сыпались прибаутки, грубыя и непристойныя шутки, красныя словца. Показывали кукольные театры, карликовъ или великановъ, уродовъ, движущихся куколъ. Играли хоры тверскихъ ямщиковъ на рожкахъ, гудѣли и иные «сосуды». На подгородкахъ—мѣстѣ, гдѣ подъ стѣнами Китай-города и Кремля текла Неглинная, устраивались кулачные бои, «стѣнки» — пережитокъ старой Московщины. Всѣ эти увеселенія посѣщались безъ различія сословій и въ разнаго рода пережиткахъ дошли до настоящаго времени. Качели, карусели, балаганы съ лубочными представленіями, шатры, гдѣ продавалось вино распивочно, были непремѣнной принадлежностью гуляній, устраиваемыхъ, обычно, на какомъ либо просторномъ мѣстѣ, на полѣ или на лугу.

Указы XVII вѣка не вытравили старой потѣхи, но сдѣлали свое дѣло. Святочныя гулянья съ ряженіемъ и выводкой дрессированныхъ животныхъ стали, послѣ Петра, служить временемъ, къ которому обычно приноравливали свои спектакли частные антрепренеры. Послѣдними были: кончившіе студенты Академіи и Хирургической школы, чиновники приказовъ, искусившіеся въ свое время на переводахъ, и, вообще, грамотные люди, заинтересовавшіеся театромъ. Благодаря имъ, театральное дѣло въ Москвѣ не замирало окончательно, хотя первое время и не развивалось въ смыслѣ пополненія репертуара и его болѣе или менѣе стройнаго выполненія.

Послѣ Петра, однако, на нѣкоторое время прекратились въ Москвѣ и постоянные спектакли и торжественныя гулянья. Культурные интересы временно переносятся въ Петербургъ, гдѣ одно иностранное вліяніе смѣняется другимъ. Москва начинаетъ оживляться только съ коронаціи Анны Іоанновны, которая была отпразднована съ невиданнымъ до тѣхъ поръ великолѣпіемъ. Къ обычнымъ увеселеніямъ, угощеніямъ, тріумфальнымъ

аркамъ, иллюминаціи и музыкѣ прибавились спектакли итальянской труппы, исполнившей передъ гостями блестящую интермедію, съ непремѣнными типами итальянскаго народнаго театра: Арлекиномъ и Панталономъ.

Итальянцамъ суждено было дѣйствовать въ Москвѣ и въ дальнѣйшемъ. Коронація Елизаветы Петровны была отпразднована, между прочимъ, тоже спектаклемъ. Ко дню коронованія императрицы на берегу Яузы былъ выстроенъ театръ. Итальянская труппа чествовала въ немъ императрицу оперой: «Титово милосердіе» и аллегорической интермедіей: «Опечаленная и вновь утѣшенная Россія». Пьеса, начинаясь скорбью по утратѣ Петра Великаго, переходила къ выраженію ликованія по поводу восшествія на престолъ его дочери.

Въ числѣ прочихъ итальянскихъ импрезаріо, пріѣхавшихъ въ Москву, былъ нѣкто Локателли, который въ 1758 году устроилъ неподалеку отъ Красныхъ воротъ театръ, гдѣ сталъ давать интермедіи и оперы на итальянскомъ языкѣ. Къ нимъ впослѣдствіи присоединились маскарады. Имѣвшій большой успѣхъ вначалѣ театръ этотъ не могъ быть долговѣчнымъ въ виду высокихъ цѣнъ, доступныхъ лишь небольшой части московскаго общества.

30 августа 1756 года императрицей Елизаветой былъ въ Петербургѣ подписанъ указъ: «Объ учрежденіи русскаго театра». Въ слѣдующемъ году директоромъ новооснованнаго Московскаго университета былъ назначенъ Мелиссино, человѣкъ, преданный наукѣ и искусству. Новая высшая школа, какъ и раньше Академія, положила самостоятельно начало серьезному театральному дѣлу. И когда въ 1759 году въ Москву пріѣхалъ изъ Петербурга основатель театра Волковъ для оборудованія московскаго публичнаго театра, то дѣло наполовину было уже готово раньше. Миссія Волкова ограничилась, вѣроятно, только установкой русской сцены, такъ какъ труппа, въ числѣ которой находились и женщины, уже была подготовлена университетомъ. Что касается помѣщенія, то выборъ палъ на зданіе Локателли. Публичный театръ былъ открытъ увеселительной драмой «Сердечный магнитъ», съ музыкою, въ трехъ дѣйствіяхъ, переводъ съ итальянскаго студента Егора Булатницкаго бѣлыми стихами.

Недолго, однако, продолжали господствовать переводы итальянскихъ интермедій. Херасковъ, назначенный директоромъ московскаго театра, и Сумароковъ, директоръ императорскихъ театровъ, были ярыми представителями ложно-классицизма. Героическія пьесы заполнили весь репертуаръ, послѣдній охранялся ревниво. Нѣсколько позже, въ началѣ царствованія Екатерины II, даже разыгрался своеобразный литературный скандалъ по случаю представленія на московской сценѣ драмы Бомарше – «Евгенія». Сумароковъ написалъ рѣзкую и дерзкую статью противъ самой драмы, актеровъ и публики, которой понравилась пьеса. «Ввелся у насъ, писалъ, онъ, новый и пакостный родъ слезныхъ драмъ. Такой скаредный вкусъ не приличенъ вкусу Великой Екатерины». И императрица была противъ этой пьесы.

Однообразный репертуаръ, а главное—неустойчивость труппы (нѣкоторыхъ, наиболѣе талантливыхъ брали въ Петербургъ, многіе изъ оканчивающихъ курсъ студентовъ, естественно, бросали сцену), финансовый

Часть кабинета и зала въ Подмосковной П. П. Рябушинскаго.

крахъ хозяина театра Локателли—сдѣлали то, что публичный московскій театръ въ 1761 году долженъ былъ прекратить свое существованіе.

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II оживаютъ въ Москвѣ и театральныя представленія и народныя гулянья. Слѣдуя во многомъ завѣтамъ Великаго Петра, императрица, какъ и онъ, считала, что «театръ—есть школа народная», и что торжественныя процессіи и маскарады могутъ надолго укрѣплять въ памяти тѣ событія, въ честь которыхъ они устраиваются. Празднества и спектакли начались съ перваго дня коронаціонныхъ торжествъ, 22 сентября 1762 года.

Столица веселилась: въ Кремлевскомъ дворцѣ шли куртаги и маскарады, на дворцовомъ театрѣ — балетъ, опера и французская комедія. Не забытъ былъ театръ Локателли: въ немъ чередовались русскіе и нѣмецкіе спектакли, съ преобладаніемъ первыхъ. Началъ функціонировать частный придворный театръ въ Головинскомъ дворцѣ.

Народныя гулянья начались иллюминаціей, фейерверками, устройствомъ торжественныхъ арокъ съ надписями, гирляндами, фонарями, угощеніемъ на Красной площади. Но самымъ поразительнымъ зрѣлищемъ былъ публичный маскарадъ: «Торжествующая Минерва». Планъ его и выполненіе принадлежатъ Волкову, который, кстати сказать, такъ простудился, хлопоча объ устройствѣ праздника, что уже не могъ встать съ постели и умеръ въ апрѣлѣ слѣдующаго года.

Маскарадъ былъ планированъ въ чисто ложно-классическомъ стилѣ. Передъ московской публикой на колесницахъ двигался весь Олимпъ и Парнасъ при звукахъ оркестра.

Вотъ какъ описываетъ этотъ маскарадъ Носовъ въ Хроникѣ русскаго театра: «Здѣсь на колесницѣ двигался цѣлый Парнасъ при звукахъ роговой и духовной музыки. На другой возсѣдалъ грозный Марсъ съ знаменитыми героями древности, а за ними слѣдовала горделивая Паллада, украшенная эгидомъ и всѣми величественными атрибутами побѣдъ. Тамъ подъ сѣнью виноградныхъ лозъ ѣхалъ въ усыпленіи багрянаго цвѣта Бахусъ съ Силиномъ, сидящимъ предъ нимъ на бочкѣ, окруженный вакханками, дико бьющими въ бубны и литавры. Вслѣдъ за ними въ движущемся храмѣ плясали сатиры и фауны, а потомъ въ волшебномъ замкѣ возсѣдали угрюмые богатыри и великаны. За вымыслами баснословія и чародѣйства являлись въ живыхъ картинахъ свѣта забавныя и поучительныя. Здѣсь вертѣлись качели съ веселыми пѣсенниками, тамъ представлялась внутренность кабака, тутъ изображенія бывавшихъ въ старину мздоимныхъ подъячихъ, или вертепы карточныхъ игръ, со всею низостью первыхъ и ужасами послѣднихъ».

Нравоучительная тенденція маскарада — понятна. Ложно-классическіе атрибуты смѣшивались въ немъ съ атрибутами простонародной, скоморошьей забавы. Подобная комбинація имѣла мѣсто и во времена Петра Великаго.

Участники маскарада, числомъ до 4000 человѣкъ, помѣщались на особо устроенныхъ и запряженныхъ волами колесницахъ. Процессія, съ 1 января до конца масленицы, ежедневно объѣзжала Москву, начиная съ

Нѣмецкой слободы, по обѣимъ Басманнымъ, Покровкѣ и Мясницкой улицамъ, и возвращалась черезъ Ѣхаловъ и Салтыковскій мосты обратно въ Анненгофъ.

Не меньшимъ великолѣпіемъ отличались празднества, устроенныя по случаю мира съ турками. На площадяхъ были выстроены бутафорскія крѣпости, города съ турецкими названіями, изъ-за стѣнъ высились купола, минареты. Вокругъ расположенъ былъ базаръ на восточный ладъ. Празднества закончились фейерверкомъ, изображавшимъ Чесменскую битву.

Ко времени Екатерины относится начало народныхъ гуляній въ Сокольникахъ и подъ Новинскимъ. Обычай праздновать въ Сокольникахъ наступленіе весны, день 1 мая, былъ установленъ еще нѣмцами, со временъ Петра Великаго. Народъ, называвшій это гулянье именами «нѣмецкаго стана» или «нѣмецкихъ столовъ», самъ началъ понемногу втягиваться и принимать участіе въ весельи. Царь Петръ не разъ устраивалъ на этомъ гуляньи свои «потѣхи» съ примѣрными сраженіями, штурмами крѣпостей. Елизавета поддерживала начинанія отца, Екатерина II — придала пышность сокольническому гулянью устройствомъ блестящихъ празднествъ, пышными кавалькадами, выѣздомъ экипажей и петиметровъ верхомъ, давшими начало традиціонному «катанью».

Мѣстъ для гуляній въ Москвѣ было не мало. Выше было указано мѣсто для обычныхъ собраній — «подгородки». Съ нивеллировкой рѣки Неглинной и набережной прежніе подгородки стали какъ бы центромъ города, приняли характеръ благоустроеннаго мѣста. Гулянья отодвигались постепенно къ окраинамъ. Такъ, напр., долгое время и катанье и увеселенія происходили подъ Новинскимъ, около бывшаго патріаршаго помѣстья. Пріуроченныя къ большимъ праздникамъ — Рождеству, Масляной, Святой, гулянья были посѣщаемы какъ простымъ народомъ, такъ и знатными кругами московскаго общества, живо интересовавшимися забавами, въ которыхъ чувствовались пережитки скоморошества. Насколько, въ общемъ, не имѣли существеннаго значенія указы царя Алексѣя Михайловича, показываетъ хотя бы то обстоятельство, что празднества вѣчно сопровождали изгнанныя указами «непотребныя дѣйства»: пьянство, пляски, кулачные бои, ругань. Всѣ, уже перечисленныя, скоморошьи ухватки, репертуаръ мѣшались на этихъ гуляньяхъ съ потѣхами заѣзжихъ иностранныхъ мастеровъ. Наряду съ русскими пѣсельниками, вожаками дрессированныхъ животныхъ, балаганными дѣдами — показывали свои фокусы нѣмецкіе шпрингеры, балансеры, кунстмейстеры, эквилибристы. Соединеніе стараго съ новымъ, лубка съ мишурнымъ воспроизведеніемъ великолѣпія «викторіальныхъ» торжествъ, сказывалось и на репертуарѣ, ставшемъ достояніемъ наскоро сколоченныхъ балагановъ. Шутъ петровской комедіи — Пикельгерингъ, со своими циничными и рѣзкими шутками, интермедіи, также съ рискованными положеніями, чередовались съ пьесами, изображавшими шумныя взятія вражескихъ городовъ, съ пожарами, стрѣльбой и убійствами на сценѣ. Балаганы, сколачиваемые всякій разъ, какъ должно было наступить время народнаго гулянья, напоминали блаженной памяти театръ Кунста и Фирста. И пріемы игры, да и поведеніе членовъ по-

добныхъ трупъ воскрешали старое время. Занятныя для невзыскательной и подпившей публики эти пьесы—«комедіантскія увеселительныя и курьезныя шпрынгъ-мейстерскія дѣйствія» не безъ интереса смотрѣлись московскимъ обществомъ, падкимъ до всякаго рода зрѣлищъ.

Царствованіе Екатерины II, часто навѣщавшей Москву и подолгу въ ней жившей, отражалось, главнымъ образомъ, на неоднократномъ устраиваніи для народа «диковинныхъ и необыкновенныхъ» зрѣлищъ. Что касается спеціально театральнаго дѣла, то оно, при наличности казеннаго театра, продолжало сосредоточиваться въ рукахъ у частныхъ антрепренеровъ. Между 1766 и 1769 годами во главѣ Московскаго театра стоялъ полковникъ Титовъ, у котораго была большая труппа, выдѣлившая впослѣдствіи рядъ крупныхъ дарованій. Спектакли эти, шедшіе въ Головинскомъ дворцѣ, не въ состояніи, однако, были выдержать конкуренцію съ итальянскими антрепренерами Бельмонти и Чуди. Послѣднимъ удалось выхлопотать отъ казны пятилѣтнюю привилегію на очень выгодныхъ основаніяхъ. Имъ предоставлена была возможность давать не только оперы и балеты, но и комедіи на тѣхъ языкахъ, «на коихъ они разсудятъ». Конечно, итальянцы поспѣшили ставить русскіе спектакли. Такъ какъ театръ Локателли принадлежалъ казнѣ, то они просили мѣсто, на которомъ обязывались выстроить новый театръ. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ театръ былъ помѣщенъ на Знаменкѣ, въ арендованномъ у графа Воронцова домѣ.

Дѣло Титова, благодаря конкуренціи, не пошло, и Московскій театръ поступилъ въ единственное вѣдѣніе Бельмонти и Чуди, а по окончаніи договора съ ними—тоже къ иностранцу Гроти, который вступилъ въ компанію съ княземъ П. Урусовымъ.

1776 годъ застаетъ Знаменскій театръ исключительно въ рукахъ одного князя Урусова, который имѣлъ въ виду не только заново оборудовать все его устройство, но и приступить къ невыполненному Бельмонти условію—выстроить новое каменное зданіе для театра. Для поддержки своихъ начинаній онъ обратился къ содѣйствію правительства, испрашивая привилегію—одному въ теченіе десяти лѣтъ быть содержателемъ всѣхъ театральныхъ представленій въ Москвѣ, «дабы черезъ то ему не было подрыва».

Привилегія была дана съ тѣмъ, чтобы, начиная съ іюля 1776 года, въ теченіе пятилѣтняго срока былъ выстроенъ новый каменный театръ. Получивъ монополію на устройство театральныхъ представленій, кн. Урусовъ пригласилъ себѣ въ товарищи на равныхъ правахъ англичанина Медокса.

Знаменскій театръ предполагалось покинуть. Для театра было уже снято временное помѣщеніе въ домѣ графа Строгонова и начата заготовка матеріала для новой постройки. Во время этихъ подготовительныхъ работъ, однако, случилась катастрофа: Знаменскій театръ, гдѣ еще шли спектакли, сгорѣлъ. Московскія Вѣдомости отъ 29 февраля 1780 года помѣстили объ этомъ слѣдующую замѣтку: «Въ прошлую среду (26 февраля) въ здѣшнемъ Знаменскомъ оперномъ домѣ, отъ неосторожности нижнихъ служителей, жившихъ въ ономъ, передъ окончаніемъ театральнаго пред-

ставленія сдѣлался пожаръ, который скорымъ своимъ распространеніемъ на всѣхъ бывшихъ тогда въ спектаклѣ и маскарадѣ хотя навелъ было не малый страхъ, однако жъ, неукоснительнымъ прибытіемъ самого правителя города, его сіятельства князя Михаила Никитича Волконскаго, и благоразумнымъ его распоряженіемъ, такъ, какъ и расторопностью, благоустройствомъ и поспѣшностью полицейскихъ командъ, удержанъ онъ былъ и не допущенъ распространиться далѣе, такъ что не только близкіе къ театру сосѣдскіе домы, но и самые флигели онаго остались цѣлы. Паче же всего то достопамятно, что при семъ толь опасномъ случаѣ изо всей многочисленной публики, бывшей въ спектаклѣ и маскарадѣ, ни одинъ человѣкъ не учинился жертвою свирѣпствовавшаго пламени, въ чемъ справедливость отдать должно какъ принятымъ отъ полиціи хорошимъ мѣрамъ, такъ и ревности слугъ, которые въ спасеніи жизни своихъ господъ оказали рѣдкіе примѣры доставленнаго своего усердія».

Пожаръ, однако, принесъ такіе убытки кн. Урусову, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ и отдалъ свою часть Медоксу, явившемуся, такимъ образомъ, единственнымъ антрепренеромъ. Медоксъ энергично продолжалъ постройку театра на мѣстѣ, отведенномъ на углу Петровки, отчего и самъ театръ получилъ названіе Петровскаго. По поводу его окончанія Московскія Вѣдомости отъ 30 декабря 1780 г. напечатали такое сообщеніе: «Любопытныя извѣстія. Въ удовольствіе почтенной публики, которой предварительно при сихъ листахъ объявлено уже было о сегодняшнемъ открытіи новопостроеннаго Петровскаго театра, за нужное считаемъ сообщить для свѣдѣнія, что огромное сіе зданіе, сооруженное для народнаго удовольствія и увеселенія, которое вышиною въ 8, длиною въ 32, а шириною въ 20 саж., умѣщающее въ себѣ 110 ложъ, не считая галлерей, по мнѣнію лучшихъ архитекторовъ и одобренію знатоковъ театра, построено и къ совершенному окончанію приведено съ толикою прочностію и выгодностію, что оными превосходитъ оно почти всѣ знатные европейскіе театры. Что жъ до желаемой безопасности публичнаго сего дома касается, то, въ разсужденіи оной, кажется, взяты всевозможныя мѣры и ничего не опущено, что могло бы служить къ совершенному доставленію оной. Почтенная публика, которая удостоитъ сегодняшнее открытіе помянутаго театра, сама въ томъ удостовѣриться можетъ, когда она увидитъ двѣнадцать разныхъ дверей для подъѣзду, три каменныя лѣстницы, ведущія въ партеръ и ложи и, сверхъ того, еще двѣ лѣстницы деревянныхъ».

Итакъ, Москва обогатилась спеціальнымъ для театра каменнымъ зданіемъ, которое послѣ ряда передѣлокъ послѣ пожаровъ, реставрацій и понынѣ существуетъ подъ именемъ Императорскаго Большого театра.

Къ концу XVIII вѣка антреприза Медокса много потеряла отъ соперничества съ театромъ въ Воспитательномъ домѣ, устроенномъ Бецкимъ. Нужна была особенная ловкость изобрѣтательнаго англичанина, чтобы продолжать любимое дѣло. Такъ или иначе Московскій театръ до конца столѣтія оставался въ частныхъ рукахъ. Управленіе Императорскими театрами, безсистемное и часто хаотическое, дѣлало то, что и для пуб-

лики театръ не представлялъ того поучительнаго зрѣлища, о которомъ мечтали Петръ и Екатерина II.

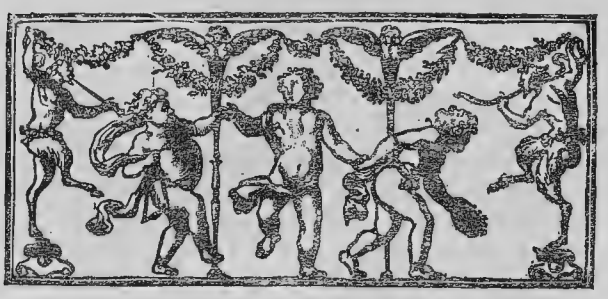
Главныя руководители театра, въ то же время правительственные чиновники, естественно, подчиняли репертуаръ театра господствовавшимъ вкусамъ. Страсть къ иностранному, выразившаяся увлеченіемъ петербургскаго общества итальянской оперой, балетомъ и французской драмой, преимущественно, мало что могла дать для русскаго театра. Ложно-классическіе писатели своими ходульными передѣлками или подражаніями французскимъ трагикамъ еще менѣе обезпечивали ему національное развитіе. Преждевременная кончина Волкова можетъ разсматриваться, какъ грань, отдѣлившая начинавшееся было развиваться дѣло народнаго театра отъ будущаго придворнаго. Репертуаръ послѣдняго составлялся безъ всякой системы. Невѣжественному и малообразованному обществу сцена предлагала разсужденія, основанныя на тонкой просвѣтительной морали или тирады поставленныхъ на ходули ложно-классическихъ героевъ. Театръ, такимъ образомъ, господствовавшей теоріей былъ оторванъ отъ народа.

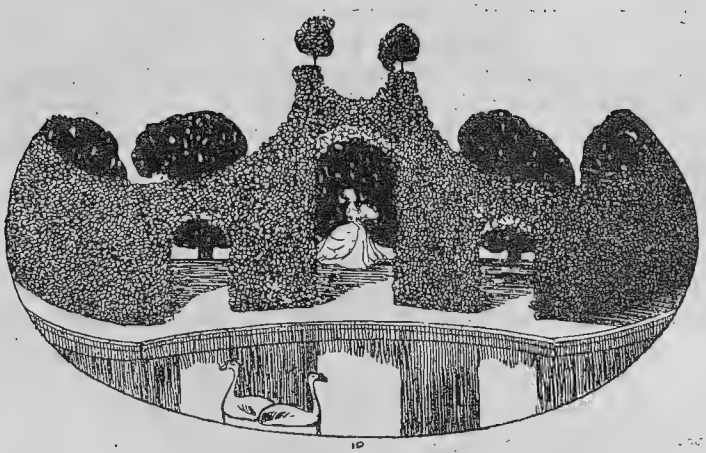
Выше было отмѣчено, что XVIII вѣкъ является эпохой, когда дѣло развлеченій народныхъ вполнѣ переходитъ въ руки правительства. Отмѣчено было, что начало правительственныхъ заботъ въ этомъ отношеніи можно начинать съ указовъ царя Алексѣя Михайловича. Предыдущій очеркъ народныхъ увеселеній показалъ, какъ ложноклассическій трафаретъ ихъ мало по малу началъ расцвѣчаться подробностями, взятыми изъ гонимыхъ забавъ народныхъ. Баталіи превращались въ балаганныя пантомимы, персонажи и музыка скоморошьихъ ватагъ вмѣшивались въ стройные оркестры, и ряженые становились рядомъ съ Минервами, Венусами и Бахусами. Процессъ націонализаціи дѣлалъ свое дѣло: чужая теорія соприкасалась съ самобытной, та и другая обоюдно вліяли другъ на друга. Развлеченія народныя перерабатывались въ болѣе понятныя, но вычурнѣй скомпанованныя. Въ среду дѣйствующихъ лицъ вводились новые персонажи.

Если обратиться къ развитію театральнаго репертуара, то и въ немъ замѣчается этотъ процессъ націонализаціи. Какъ бы ни было сильно вліяніе господствующаго литературнаго направленія, однако опера, маскарады, ложно-классическія трагедіи были достояніемъ лишь небольшой части публики. Да и она посѣщала ихъ больше изъ моды, такъ какъ духовнымъ запросамъ всѣ эти представленія не отвѣчали. Еще менѣе могли трогать они широкую публику. Отсюда вытекаетъ шаткость антрепризъ конца XVIII столѣтія.

Но въ той же ложно-классической литературѣ былъ одинъ видъ драматическихъ композицій, очень подвижной и способный къ эволюціи. Это — комедія. Выставляя смѣшную сторону человѣка, она, естественно, должна была обратиться не къ психологіи и быту героевъ древности, а къ своему, народному укладу. Комедіи Мольера — специфически французскія. Изъ подражаній и передѣлокъ постепенно вырастаетъ русская комедія. Быстро освобождаясь отъ оковъ теоріи, она обращаетъ все вниманіе на изображеніе комическихъ и печальныхъ сторонъ русской жизни. На сцену по-

степенно выходятъ персонажи помѣщичьей усадьбы и деревни, чиновничьяго міра, понятныя и близкія сердцу зрителей лица. Къ концу XVIII вѣка такая «бытовая» комедія создаетъ, понемногу, прочный репертуаръ, которому въ XIX вѣкѣ суждено пополниться геніальными произведеніями. На комедіяхъ публика заполняетъ театры. Аблесимовскій «Мельникъ—колдунъ, обманщикъ и сватъ», «Сбитеньщикъ», «Ѳедулъ съ дѣтьми» пользуются въ Москвѣ небывалымъ успѣхомъ. Только къ концу XVIII вѣка театръ, освободившись отъ ряда перекрещивающихся иноземныхъ вліяній, становится «народной школой». Въ лицѣ Фонвизина онъ, еще до XIX вѣка, успѣваетъ пріобрѣсти создателя бытового репертуара. Достойными сотрудниками его въ этомъ направленіи являются Плавильщиковъ, Веревкинъ, давно уже прозванные предшественниками Островскаго.





Петръ II, Анна Ивановна и Елизавета въ Москвѣ.

В. В. Нечаева.

Періодъ русской исторіи, открывающійся Петровскою реформой, принято называть «Петербургскимъ». Новая столица получила значеніе вещественнаго символа того уклада русской жизни, который ведетъ свое начало отъ преобразовательной дѣятельности Петра. Отрицательное отношеніе къ реформѣ поэтому находило и находитъ себѣ выраженіе въ непріязни къ Петербургу и въ раздавшемся изъ славянофильскаго лагеря призывѣ «домой, въ Москву» формулировалось требованіе ликвидаціи наслѣдія, завѣщаннаго Петромъ Россіи.

Славянофилы имѣли отдаленныхъ предшественниковъ въ XVIII вѣкѣ въ поколѣніяхъ, пережившихъ на себѣ болѣзненный процессъ преобразованія. Народъ тогда жадно прислушивался къ пророчествамъ о скорой гибели Петербурга, а пророчества, какъ извѣстно, обыкновенно отражаютъ въ себѣ отношеніе массы къ современной дѣйствительности. Страшное напряженіе, котораго потребовала реформа отъ народнаго организма, неизбѣжно должно было вызвать ожесточенную оппозицію ей, тѣмъ болѣе, что тяготы, ложившіяся на народъ, не компенсировались въ его сознаніи никакимъ ощутительнымъ улучшеніемъ его положенія. Выбитый насильственно изъ привычной колеи, истомленный непрерывными работами, поборами и наборами, онъ не могъ уяснить себѣ, во имя чего приносились эти неслыханныя жертвы, и не ждалъ отъ нихъ иного результата, кромѣ конечнаго разоренія, ничѣмъ, съ его точки зрѣнія, не оправдываемаго. Петербургъ въ особенности солоно пришелся народу. Сооруженіе столицы на невскомъ болотѣ было оплачено едва ли меньшимъ количествомъ жертвъ, чѣмъ легендарныя строительныя работы въ восточныхъ деспотіяхъ. Природныя условія облюбованнаго Петромъ «парадиза» представляли, казалось,

непреодолимыя препятствія осуществленію его мечты о приморской резиденціи, но съ препятствіями царь не считался, разъ дѣло шло только о жизни его подданныхъ, и согнанные отовсюду работники, осушавшіе почву каналами и возводившіе постройки, должны были гибнуть тысячами во славу новаго «окна въ Европу». Къ этому нужно еще прибавить разореніе массы крестьянскихъ хозяйствъ, рабочія силы которыхъ были отвлечены на берега Невы государственною барщиной. Неудивительно, что народъ долго не могъ простить Петру Петербурга и всѣ надежды на улучшеніе своей участи связывалъ съ паденіемъ новой столицы.

На верхахъ русскаго общества также оказались элементы, раздѣлявшіе это настроеніе народныхъ массъ. На-ряду съ людьми новыми, чистокровными «птенцами гнѣзда Петрова», въ преобразовательную работу втянулись, волей или неволей, и обломки родовитой бюрократіи XVII вѣка. Среди ближайшихъ сотрудниковъ Петра очутились представители старинныхъ русскихъ родовъ, люди совсѣмъ иного склада, чѣмъ Меншиковъ, Шафировъ или Остерманъ. Такимъ людямъ было очень не по себѣ въ Петровскомъ «парадизѣ». Имъ трудно было освоиться въ новой, непривѣтливой обстановкѣ, приспособиться къ непривычнымъ жизненнымъ условіямъ, навязаннымъ деспотическою волей преобразователя. Приходилось заново обзаводиться жильемъ—чуждаго, не ими избраннаго типа—и хозяйствомъ, вести образъ жизни, приличный вельможѣ въ городѣ, которымъ царь хотѣлъ щегольнуть передъ Европой. Траты были громадныя, и житье въ Петербургѣ оказывалось тѣмъ болѣе разорительнымъ, что невольные колонисты были отрѣзаны отъ своихъ хозяйственныхъ рессурсовъ, сосредоточенныхъ въ ихъ далекихъ деревняхъ. Все это заставляло бояръ, поселенныхъ въ Петербургѣ, втайнѣ вздыхать по насиженнымъ мѣстамъ въ Москвѣ и подмосковныхъ и питало ихъ глухую антипатію къ невской столицѣ.

Послѣ смерти Петра очень скоро сказалось отсутствіе его желѣзной руки, которая одна могла направлять къ согласнымъ дѣйствіямъ всѣ части налаженной имъ съ такимъ трудомъ машины. Не чувствуя болѣе надъ собою грозы, сотрудники Петра принялись прежде всего за грабежъ государственнаго достоянія, каждый за свой страхъ. Между ними быстро возникло соперничество и раздѣленіе, начались раздоры, образовались враждебныя другъ другу партіи. Въ этихъ условіяхъ получила возможность выдвинуться русская группа, тяготѣвшая къ Москвѣ.

Ея шансы особенно поднялись послѣ кратковременнаго царствованія Екатерины I и паденія Меншикова. Петръ II, еще будучи великимъ княземъ, сблизился съ нею въ лицѣ камеръ-юнкера князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, къ которому онъ такъ сильно привязался, что почти не разставался съ нимъ,—разсказывали, что оба они спали не только въ одной комнатѣ, но въ одной постели. Отецъ молодого Долгорукаго, князь Алексѣй, еще при Меншиковѣ былъ гофмейстеромъ великой княжны Натальи Алексѣевны, очень дружной съ братомъ. Источникъ вліянія Долгорукихъ на мальчика-императора былъ довольно низменнаго свойства: они умѣли угождать ему, отвлекая его отъ серьезныхъ занятій, и оказались незамѣни-

Кабинетъ въ подмосковной А. В. Всеволожскаго, нынѣ П. П. Рябушинскаго.

мыми мастерами по части всевозможныхъ увеселеній. Перспектива праздной и веселой жизни, которой можно было предаваться въ обществѣ Долгорукихъ, несомнѣнно, была однимъ изъ побужденій, толкнувшихъ Петра II на разрывъ съ Меншиковымъ, стоявшимъ на его пути въ качествѣ властнаго и суроваго ментора. Когда свѣтлѣйшій князь со всею семьею отправился въ ссылку, Долгорукіе получили рѣшительное преобладаніе при дворѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стали обозначаться слѣдствія ихъ фавора. Петръ, ученье котораго и до того времени шло туго, окончательно забросилъ книгу, не слушая робкихъ представленій своего воспитателя Остермана, и весь отдался забавамъ подъ руководствомъ своихъ фаворитовъ. Онъ,—тогда еще двѣнадцатилѣтній мальчикъ,—привыкъ гулять по цѣлымъ ночамъ съ княземъ Иваномъ. За городомъ его любимымъ развлеченіемъ стала охота, вкусъ къ которой сумѣлъ пробудить въ немъ князь Алексѣй, самъ страстный охотникъ.

Долгорукіе, истые бояре московскаго склада, благодаря своей близости къ царю явились наиболѣе вліятельными выразителями стремленій русской придворной группы, мечтавшей о возвратѣ въ Москву. Съ ихъ возвышеніемъ оживились надежды людей, которые только ждали благопріятнаго случая, чтобы покончить навсегда съ ненавистнымъ Петербургомъ и реставрировать, хотя бы отчасти, московскіе порядки. Такой случай представился, когда господство Долгорукихъ при дворѣ упрочилось послѣ паденія Меншикова. Тактика, которой имъ слѣдовало держаться, вытекала сама собою изъ характера ихъ фавора, обусловленнаго личными свойствами Петра II. Отъ мальчика его лѣтъ и его развитія нельзя было ожидать умѣнья разобраться въ политическихъ соображеніяхъ, какія могли быть приведены въ пользу той и другой резиденціи; его выборъ долженъ былъ склониться на сторону той изъ нихъ, гдѣ жилось веселѣе. Долгорукимъ было нетрудно соблазнить его картинами привольной московской жизни, перспективою блестящихъ охотъ въ обильныхъ дичью подмосковныхъ мѣстахъ. Многіе тогда ждали, что, отвѣдавъ приманки московской жизни, царь уже не захочетъ отказаться отъ нихъ, и что участь Петербурга, съ переѣздомъ двора въ Москву, гдѣ по традиціи должна была совершиться коронація, будетъ рѣшена. Старорусская группа торжествовала, искренніе сторонники преобразованія приходили въ ужасъ при мысли, что дѣлу Петра I грозитъ крушеніе и что переѣздъ въ Москву станетъ для него началомъ конца.

4 февраля 1728 г. Петръ II торжественно въѣхалъ въ Москву, а 24 февраля короновался въ Успенскомъ соборѣ. Надежды и опасенія современниковъ оправдались: царь не вернулся въ Петербургъ, и впервые, послѣ продолжительнаго перерыва, Москва на цѣлыхъ два года стала постояннымъ мѣстопребываніемъ двора.

Къ этому времени уже успѣли заглохнуть традиціи московскаго періода, когда придворный элементъ занималъ видное мѣсто въ жизни «царствующаго града». При Петрѣ I старый придворный бытъ разложился, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла изъ царскаго окруженія та специфическая атмосфера, которая составляетъ душу двора. Правда, тогда же появились въ

Россіи новыя, перенесенныя изъ Европы формы придворной жизни, но это были именно формы, не заполненныя соотвѣтственнымъ содержаніемъ, хотя матеріала для такого содержанія можно было при желаніи найти сколько угодно въ русскомъ обществѣ. Петру нужны были не украшенные разными громкими званіями камеръ-лакеи, пригодные только для выполненія церемоніальныхъ обрядностей, а сотрудники, съ которыми онъ могъ и работать, и отдыхать послѣ работы. «Компанія» при немъ преобладала надъ дворомъ. Она не разлучалась съ нимъ и въ Москвѣ, когда онъ наѣздомъ бывалъ тамъ; съ ней онъ проводилъ время въ Нѣмецкой слободѣ и Лефортовѣ за работой и шумными, непринужденными пирушками. Потѣхи въ кругу близкихъ людей, потѣхи маскарадныя, въ которыхъ «компанія» смѣшивалась съ улицей, тріумфальныя процессіи—вотъ показная сторона московскаго времяпровожденія Петра I, не имѣвшая ничего общаго съ придворными церемоніями. Екатерина I въ свое царствованіе не заглянула въ Москву. Впрочемъ, и при ней традиціи «компаній» господствовали въ придворной жизни.

При Петрѣ II, казалось, на-лицо были всѣ условія, необходимыя для созданія двора въ настоящемъ смыслѣ слова. Въ Москвѣ вокругъ царя столпилось множество людей, бѣгавшихъ отъ дѣла, любившихъ широко и весело пожить. Правительственная дѣятельность заглохла. Въ правящихъ сферахъ замѣчалось утомленіе послѣ встряски, пережитой при Петрѣ I, желаніе покоя во что бы то ни стало, отвѣчавшее такому же настроенію народа. Самъ царь сторонился отъ серьезныхъ занятій, обнаруживалъ отвращеніе къ нимъ. Несмотря на такое скопленіе благопріятныхъ задатковъ, придворная жизнь, въ смыслѣ бездѣлья урегулированнаго, введеннаго въ обрядовыя формы, какое господствовало при дворахъ императрицъ, преемницъ Петра II,—не наладилась. Придворныя празднества были крайне рѣдки, пріемы во дворцѣ, сопровождавшіеся банкетами и, иногда, иллюминаціями, бывали только въ царскіе дни и въ дни орденскихъ праздниковъ (св. Андрея и св. Александра Невскаго). О куртагахъ, спектакляхъ, маскарадахъ не было и помину. Петръ, постоянно отлучавшійся изъ Москвы на охоту, появлялся въ своемъ дворцѣ въ качествѣ рѣдкаго гостя и, видимо, тяготился всякими придворными церемоніями. Иностранные министры, проживавшіе тогда въ Москвѣ, по цѣлымъ недѣлямъ выжидали возможности залучить царя на устраиваемыя ими празднества. Не объединенный общеобязательнымъ отбываніемъ придворной повинности, дворъ распался на нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ, изъ которыхъ каждый жилъ особою жизнью.

Петръ замкнулся въ кружкѣ Долгорукихъ, которые ревниво оберегали его отъ всякаго посторонняго вліянія. Говорили, что они постарались даже не допустить сближенія между нимъ и его бабушкой, царицей Евдокіей (Лопухиной, первой женой Петра I), проживавшей съ 1727 г. въ Москвѣ, сначала въ Новодѣвичьемъ, потомъ въ Вознесенскомъ Кремлевскомъ монастырѣ. Повидимому, Долгорукіе имѣли основаніе опасаться этого сближенія: при первомъ свиданіи съ внукомъ и его сестрою Натальей, состоявшемся въ присутствіи цесаревны Елизаветы Петровны,

старая царица убѣждала его измѣнить образъ жизни и жениться, хотя бы даже на иностранкѣ. Петръ отнесся къ бабушкѣ очень холодно и хотя назначилъ ей приличное содержаніе,—60 тыс. рублей въ годъ, но свиданій съ нею сталъ избѣгать. Вскорѣ она была удалена изъ Кремля опять въ Новодѣвичій монастырь. Происками Алексѣя Долгорукаго современные наблюдатели объясняли и охлажденіе Петра къ Елизаветѣ, съ которою онъ раньше былъ очень друженъ и дѣлилъ постоянно свои забавы. Поговаривали даже, что онъ былъ неравнодушенъ къ своей красивой и веселой теткѣ и одно время ревновалъ ее къ фавориту, кн. Ивану. Какъ бы то ни было, всѣ замѣтили, что въ Москвѣ Петръ сталъ чуждаться Елизаветы, и дружескія отношенія между ними постепенно прекратились. Остермана, какъ возможнаго соперника, кн. Алексѣй также, несомнѣнно, сильно недолюбливалъ, но не предпринималъ противъ него рѣшительныхъ мѣръ, отчасти потому, что подъ него, тонкаго политика и незамѣнимаго дѣльца, подкопаться было очень трудно, отчасти же и потому, что отъ него нельзя было ожидать серьезнаго сопротивленія Долгоруковской группѣ.

Кн. Алексѣю приписывались совершенно опредѣленные замыслы. Онъ хотѣлъ, устранивъ съ своего пути всѣхъ соперниковъ, подчинить Петра всецѣло своему вліянію, внушить ему старые русскіе взгляды, возбудить въ немъ ненависть къ учрежденіямъ и законамъ дѣда и склонить его къ женитьбѣ на одной изъ своихъ дочерей. Преслѣдуя эти цѣли, кн. Алексѣй старался ни на шагъ не отпускать отъ себя Петра, выдумывая для него каждый день новыя забавы и новые выѣзды. Вскорѣ послѣ коронаціи, въ мартѣ 1728 г., царь переѣхалъ изъ Кремля въ Нѣмецкую слободу, въ такъ называемый Слободской (бывшій Лефортовъ) дворецъ, а въ началѣ апрѣля уже уѣхалъ изъ Москвы на охоту. Этимъ выѣздомъ открылся рядъ его охотничьихъ экскурсій, тянувшійся вплоть до ноября 1729 г. Алексѣй Долгорукій, всюду сопровождавшій его, часто возилъ съ собою жену и дочерей; послѣ охоты обыкновенно устраивался балъ, танцовали и играли въ карты далеко за полночь. Къ царской компаніи присоединялись ватаги помѣщиковъ съ своими сворами, и вся орда дружно вытаптывала хлѣбъ, гоняясь по полямъ за дичью. Охотились подъ Москвою, въ Коломенскомъ и Боровскомъ уѣздахъ, но Петру случалось заѣзжать и дальше,—зимою 1729 г. онъ долго жилъ въ Тулѣ и, по преданію, охотился въ Чернскомъ уѣздѣ. Подобный же характеръ носили и развлеченія Петра въ Москвѣ, гдѣ онъ постоянно тѣшился кулачнымъ боемъ, медвѣжьими травлями и садками на зайцевъ.

Иванъ Долгорукій, неохотно принимавшій участіе въ охотахъ, объяснялъ испанскому посланнику, что не ѣздитъ съ царемъ потому, что не хочетъ быть свидѣтелемъ глупостей, которыя заставляютъ его дѣлать, и наглости, съ какою относятся къ государю члены его компаніи. Нѣтъ, конечно, основанія относиться съ недовѣріемъ къ этому отзыву о нравахъ царскаго кружка, но и самъ князь Иванъ едва ли имѣлъ право выступать въ качествѣ моралиста. Современники изображаютъ его человѣкомъ необразованнымъ (Кантемиръ: «...невѣжествомъ наипаче примѣтный, на ловли съ младенчества воспитанъ съ псарями»), буйнымъ, преданнымъ

пьянству и распутству. Разсказывали, что, не довольствуясь постоянною связью съ замужней женщиной, онъ давалъ волю своему темпераменту, иногда даже дамъ, пріѣзжавшихъ къ его матери, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Въ этомъ отношеніи, по словамъ кн. М. Щербатова («О повреждении нравовъ въ Россіи»), онъ былъ видным представителемъ золотой молодежи своего времени, когда «честь женская не болѣе была въ безопасности въ Россіи, какъ отъ турковъ во взятомъ градѣ». Однако въ немъ, тогда двадцатилѣтнемъ молодомъ человѣкѣ, были, повидимому, и хорошіе задатки,—иначе трудно объяснить сильную привязанность, которую онъ сумѣлъ внушить къ себѣ такой недюжинной женщинѣ, какъ Наталья Борисовна Шереметева, вышедшая за него замужъ уже послѣ паденія Долгорукихъ при Аннѣ Ивановнѣ и раздѣлившая съ нимъ изгнаніе.

Постоянное общеніе съ знатными и незнатными доѣзжачими, конечно, не имѣло облагораживающаго вліянія на молодого царя. Онъ грубѣлъ, становился недоступнымъ для интересовъ, выходившихъ за предѣлы псарни и конюшни. Ко всему, что могло отвлечь его отъ излюбленныхъ потѣхъ, онъ былъ равнодушенъ; даже къ военщинѣ, игрѣ въ солдатики, которая такъ захватывала подростковъ изъ слѣдующей династіи, онъ не обнаруживалъ никакой склонности. Остерманъ хотѣлъ устроить подъ Москвою лагерь съ 12—15 тыс. войска, чтобы пріохотить Петра къ военному дѣлу, но этотъ проектъ не удалось осуществить изъ-за постоянныхъ отлучекъ царя, очевидно, не желавшаго мѣнять охоту на солдатскія экзерциціи. Тѣмъ меньше можно было думать объ ученьѣ, и въ обстановкѣ, окружавшей Петра, растрачивался, конечно, и тотъ скудный образовательный багажъ, который онъ вынесъ изъ своихъ прежнихъ занятій съ учителями. Онъ понималъ по-нѣмецки, зналъ кое-что по-латыни,—умѣлъ, по крайней мѣрѣ, замѣнять въ письмѣ русскія слова соотвѣтственными латинскими,—но этимъ, кажется, и ограничивались его познанія. Онъ никогда не обладалъ охотой къ ученью, а учили его слегка, «чему-нибудь и какъ-нибудь», и въ лучшемъ случаѣ въ его память могли западать лишь обрывки кое-какихъ поверхностныхъ знаній. Однако, по отзывамъ современниковъ, онъ не былъ лишенъ способностей, имѣлъ умъ живой и проницательный, отличную память, и если бы ему было дано надлежащее образованіе, то изъ него вышелъ бы хорошій правитель. Вообще же обликъ Петра вырисовывается недостаточно опредѣленно изъ тѣхъ свѣдѣній о немъ, какія дошли до насъ, и это объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ далеко не былъ сложившимся человѣкомъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ развитъ не по лѣтамъ. Испанскій посланникъ, герцогъ Лиріа, еще до отъѣзда двора изъ Петербурга, писалъ о немъ: «царь уже даетъ знать, что можетъ быть другомъ женскаго пола и даже въ высочайшей степени; онъ уже имѣлъ свои любовныя похожденія». Очевидно, раннее сближеніе съ Иваномъ Долгорукимъ и игра въ жениха и невѣсту, изученная имъ благодаря Меншикову, обручившему его со своею дочерью, не прошли даромъ. Физически онъ также развился очень рано и въ Москвѣ производилъ впечатлѣніе крѣпкаго, но мало интеллигентнаго юноши. Леди Рондо пишетъ, что онъ высокъ, очень полонъ

Подмосковная А. В. Всеволожскаго, нынѣ П. П. Рябушинскаго. Библіотека.

для своихъ лѣтъ, загорѣлъ на охотѣ, но что взглядъ его пасмуренъ и въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго, хотя черты его лица красивы.

Великая княжна Наталья Алексѣевна держалась въ сторонѣ отъ кружка брата, съ которымъ раньше жила очень дружно и на котораго, повидимому, имѣла вліяніе, и не принимала участія въ его шумныхъ забавахъ. Уже весною 1728 г. у нея появились зачатки болѣзни, сведшей ее въ могилу въ ноябрѣ того же года, 14 лѣтъ отъ роду. Лиріа подозрѣвалъ отравленіе,— Наталья считалась сторонницей Остермана, не ладившаго съ Долгорукими, — но почти несомнѣнно, что ея болѣзнь была чахотка, быстро развившаяся.

Много заставлялъ говорить о себѣ кружокъ цесаревны Елизаветы. У нея былъ свой маленькій дворъ, и любимой резиденціей ея было, по преданію, село Покровское, тогда еще не входившее въ черту города. Елизавета этого времени — типичная эмансипированная царевна, характерный продуктъ того быта, который сложился въ атмосферѣ ассамблей и «компаніи» ея отца и матери. Она славилась красотою,—и, дѣйствительно, наружность ея вполнѣ удовлетворяла эстетическимъ требованіямъ ея вѣка. Она обладала стройнымъ станомъ съ нѣкоторою наклонностью къ полнотѣ, красивымъ бюстомъ, миловидною, но мало одухотворенною физіономіей и прекраснымъ цвѣтомъ лица. Ей нельзя было отказать въ умѣ, но умъ ея былъ поверхностный и косный; образованіемъ она также не блистала, хотя могла щегольнуть въ свѣтѣ знаніемъ французскаго языка. Всего привлекательнѣе въ ней была ея неистощимая жизнерадостность, вѣтреная веселость, которая не покидала ея. Она любила и умѣла веселиться и веселить другихъ.

Тогда она считалась въ Европѣ выгодною невѣстой, и трудно перечислить всѣ матримоніальные проекты, въ которыхъ она фигурировала, но ей дороже всего была свобода въ обществѣ туземныхъ фаворитовъ. Въ Москвѣ ея признаннымъ фаворитомъ былъ генералъ Бутурлинъ. Традиціи отцовскаго двора господствовали въ ея кружкѣ, и ея образъ жизни заставлялъ коситься на нее даже тогдашнее, менѣе всего чопорное, придворное общество. Истребленіе вина въ ея домѣ было такъ велико, что Верховный совѣтъ, просмотрѣвъ счета ея поставщиковъ, былъ пораженъ ихъ размѣрами. Недаромъ впослѣдствіи Екатерина II ѣдко подчеркивала сходство Елизаветы съ ея матерью, которая «въ концѣ самыхъ шумныхъ пиршествъ часто бывала растрогана» («Чесменскій дворецъ»). Были эксцессы и иного рода, неменѣе афишировавшіе Елизавету. Сообщивъ, что Иванъ Долгорукій во время царскихъ выѣздовъ наединѣ предается собственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, Лиріа добавляетъ: «принцесса Елизавета дѣлаетъ то же и съ такою ужасною публичностію, что доходитъ до безстыдства». «Поведеніе принцессы Елизаветы,—пишетъ онъ немного позднѣе, — съ каждымъ днемъ все дѣлается хуже и хуже, она безъ стыда дѣлаетъ вещи, которыя заставляютъ краснѣть даже наименѣе скромныхъ». Все это было какъ нельзя болѣе на руку врагамъ ея, въ числѣ которыхъ считались Долгорукіе, и поговаривали, что дѣло можетъ кончиться заточеніемъ ея въ монастырь. Впрочемъ, тѣ же толки возникали и при Аннѣ Ивановнѣ, когда Елизавета стала гораздо сдержаннѣе.

Въ сентябрѣ 1729 г. Петръ съ Долгорукими выѣхалъ на охоту, вернулся въ Москву въ ноябрѣ, и вскорѣ стало извѣстно, что планъ временщика осуществился. 19 ноября совершилась церемонія помолвки царя съ дочерью кн. Алексѣя Екатериной, 24-го, въ день ея именинъ, во дворцѣ былъ ужинъ и балъ, а 30-го Петръ обручился съ нею. Обстановка этого торжества поразила всѣхъ своею необычайностью: въ залу дворца была введена гренадерская рота, занявшая всѣ выходы и окружившая собраніе. Говорили, что это устроилъ князь Иванъ, капитанъ роты, опасавшійся безпорядковъ со стороны людей, не сочувствовавшихъ замыслу Долгорукихъ.

Невѣста, которая была старше Петра почти на три года, имѣла очень привлекательную наружность: она была роста выше средняго, стройна, большіе голубые глаза ея смотрѣли томно. Увлеченіе Петра ею могло казаться очень естественнымъ, но скоро стали замѣчать въ его обращеніи съ нею холодность, напоминавшую его отношенія въ первой невѣстѣ, Меншиковой. Онъ, вѣроятно, узналъ, что Долгорукая любитъ не его, а графа Миллезимо, родственника австрійскаго посла Вратислава. Но вѣроятно и то, что онъ уже началъ тяготиться своимъ подчиненіемъ Долгорукимъ и хотѣлъ такъ или иначе избавиться отъ нихъ. Узнали, что онъ тайкомъ ночью ѣздилъ къ Остерману и Елизаветѣ; стали догадываться, что эти свиданія не предвѣщали ничего добраго Долгорукимъ, и прочить имъ участь Меншикова.

Развязка наступила скорѣе, чѣмъ ожидали, и притомъ благодаря простой случайности. Въ самомъ началѣ 1730 г. Петръ заболѣлъ оспою и въ ночь съ 18 на 19 января скончался.

Тронъ внезапно оказался вакантнымъ, и вопросъ о его замѣщеніи неожиданно разросся въ своего рода экзаменъ на гражданскую зрѣлость для наличныхъ общественныхъ силъ. Закона о престолонаслѣдіи тогда въ Россіи не было. Указъ Петра I о правѣ царствующаго государя назначать своего наслѣдника былъ отмѣненъ «тестаментомъ» Екатерины I, установившимъ порядокъ наслѣдованія послѣ нея и ея непосредственнаго преемника Петра II, но подлинность этого акта оспаривалась. Что Петръ II не оставилъ распоряженій на случай своей смерти, было извѣстно, и составленное отъ его имени, въ пользу Екатерины Долгорукой, завѣщаніе, которое тотчасъ послѣ его смерти кн. Алексѣй предъявилъ Верховному тайному совѣту, было тутъ же отвергнуто, какъ неподлинное. Изъ возможныхъ кандидатуръ,—ихъ насчитывалось, помимо кн. Долгорукой, не менѣе шести: Евдокія Лопухина, Елизавета, сынъ покойной герцогини гольштинской Анны Карлъ-Петръ-Ульрихъ (впослѣдствіи Петръ III) и три дочери царя Ивана Алексѣевича,—ни одна не покоилась на неоспоримомъ правѣ. Въ виду такого положенія дѣла правительственнымъ сферамъ пришлось самостоятельно рѣшать вопросъ о престолонаслѣдіи.

Верховный Тайный совѣтъ, засѣдавшій въ Слободскомъ дворцѣ въ ночь на 19 января, высказался за кандидатуру второй дочери царя Ивана, вдовствующей курляндской герцогини Анны. Иниціаторомъ этого избранія былъ кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, задумавшій связать съ

нимъ осуществленіе своей давнишней мечты объ ограниченіи царской власти. Когда выборъ Совѣта былъ одобренъ Сенатомъ, Синодомъ и генералитетомъ, верховники, по его указкѣ, составили проектъ конституціи, который Анна должна была утвердить, принимая корону. Ей предлагалось принять на себя слѣдующія обязательства: всегда содержать Верховный Тайный совѣтъ въ его наличномъ составѣ и безъ его согласія войны не начинать, мира не заключать, податей не устанавливать, въ расходъ не употреблять государственные доходы, не раздавать высшихъ должностей и придворныхъ чиновъ, не жаловать вотчинъ и деревень; кромѣ того, она обязывалась не отнимать безъ суда у шляхетства жизни, имѣнія и чести; армія подчинялась исключительно Верховному совѣту. Неисполненіе этихъ обязательствъ должно было влечь за собою опредѣленную кару: «а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской».

Какъ видимъ, проектъ верховниковъ, въ которомъ явственно сказалось вліяніе шведскихъ конституціонныхъ образцовъ, очень далекъ отъ того, что въ наше время понимается подъ конституціей. Онъ не создавалъ народнаго представительства, и населеніе не получало никакихъ политическихъ правъ. Онъ только дѣлилъ верховную власть между короной и Совѣтомъ, а послѣдній отнюдь не могъ считаться представительнымъ учрежденіемъ, не представлялъ даже того общественнаго слоя, къ которому принадлежали его члены,—это былъ олигархическій кружокъ случайнаго состава, образовавшійся частью путемъ назначенія, частью путемъ кооптаціи (членовъ по назначенію въ немъ было тогда пять, кооптированныхъ,—притомъ, только 19 января,—три). Въ области правъ гражданскихъ проектъ также почти ничего не давалъ народу: онъ гарантировалъ только одной соціальной группѣ, шляхетству, непримѣненіе къ ней высшихъ мѣръ наказанія безъ суда.

Депутація съ верховникомъ кн. Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ во главѣ свезла Аннѣ въ Митаву «кондиціи» Совѣта съ письмомъ, въ которомъ послѣдній, уже титулуя ее императорскимъ величествомъ, извѣщалъ ее объ избраніи. Анна подписала кондиціи,—иначе говоря, ставъ императрицей, въ качествѣ таковой издала законъ, ограничивавшій императорскую власть. Подписанный ею актъ получилъ—формально—значеніе конституціи, октроированной сувереномъ. Юридически этотъ актъ былъ безупреченъ, но вопросъ объ его фактической цѣнности рѣшался, какъ обыкновенно бываетъ, въ иной плоскости.

Въ самомъ дѣлѣ, что гарантировало соблюденіе Анной изданнаго ею, явно невыгоднаго для нея, закона? Такой гарантіей, очевидно, могла быть только или добрая воля самой императрицы, или наличность какой-либо реальной силы, которая была бы въ состояніи принудить ее выполнить принятое на себя обязательство. Анна, правда, безпрекословно утвердила кондиціи, но было ясно, что это «волеизліяніе» въ сущности—не свободный актъ, и лояльность ея съ самаго начала подвергалась сильному сомнѣнію. Что верховники хорошо знали цѣну слову, данному при подобныхъ обстоятельствахъ, показываетъ ихъ стараніе изолировать Анну, не допускать ея сношеній съ посторонними какъ во время переговоровъ въ

Митавѣ, такъ, на первыхъ порахъ, и въ Москвѣ, гдѣ кн. Василій Лукичъ Долгорукій стерегъ ее въ Кремлевскомъ дворцѣ, «какъ драконъ». Съ другой стороны, очевидно, эта тактика диктовалась сознаніемъ, что общество не на сторонѣ Совѣта и что за нимъ не стоитъ сила, на которую онъ могъ бы опереться въ нужный моментъ.

Въ то время въ Москвѣ были достаточно полно представлены всѣ общественные элементы, обладавшіе извѣстнымъ вѣсомъ въ политической жизни. Кромѣ высшей бюрократіи, сосредоточенной въ Совѣтѣ, Сенатѣ, Синодѣ и генералитетѣ, здѣсь были дворяне, съѣхавшіеся во множествѣ на похороны Петра II, и гвардія, въ соціальномъ отношеніи сливавшаяся съ дворянствомъ. Когда проектъ верховниковъ сдѣлался извѣстенъ, въ этой массѣ началось сильное броженіе. У нихъ оказались приверженцы, которые искренно радовались тому, что «правленіе государства стало порядочное», что «о государынѣ такъ положено: хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію», что если она и сдѣлана государынею, «то только на первое время,—помазка по губамъ». Но такихъ людей было очень немного. Громадное большинство отнеслось къ «кондиціямъ» съ болѣе или менѣе явнымъ неодобреніемъ, выказало рѣшительное недовольство и наличнымъ составомъ Совѣта, и тою ролью, которую онъ хотѣлъ присвоить себѣ; обнаружилось, что олигархи были одинаково непопулярны какъ среди рядового шляхетства, такъ и въ высшемъ его слоѣ. Въ этой многочисленной групнѣ недовольныхъ обозначились два теченія, на первый взглядъ одинаково сильныя. Одно изъ нихъ было представлено людьми, принципіально высказывавшимися за конституцію и желавшими только ограниченія полномочій Совѣта въ пользу шляхетской массы. Когда верховники, въ виду все возраставшаго возбужденія общества, рѣшились, наконецъ, пойти на уступки и выслушать его голосъ по вопросу о желательномъ измѣненіи государственнаго строя, эти люди стали сочинять конституціонные проекты, различные въ частностяхъ, но объединенные одною тенденціей: всѣ они были построены на введеніи выборнаго начала въ организацію правительства и ограниченіи въ немъ олигархическаго элемента. Конституціонное теченіе, такимъ образомъ, какъ будто было сильно, но—конституціоналисты были русскіе. Европеецъ, наблюдавшій эти потуги конституціоннаго творчества (прусскій посланникъ Мардефельдъ), видѣлъ, что русскіе не понимаютъ свободы и не сумѣютъ съ нею справиться, хотя и много объ ней толкуютъ. «Народъ нашъ наполненъ трусостію и похлебствомъ», говорилъ умный русскій о своихъ соотечественникахъ. Въ такомъ народѣ больше шансовъ, конечно, должно было имѣть другое теченіе, представители котораго болѣе или менѣе открыто стояли за самодержавіе.

Тѣмъ временемъ Анна приблизилась къ Москвѣ. 10 февраля она остановилась въ селѣ Всесвятскомъ, гдѣ хотѣла переждать похороны Петра II, назначенныя на слѣдующій день. Здѣсь явился къ ней отрядъ гвардіи, и она, явно нарушая свой договоръ съ верховниками, объявила себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ,

Подмосковная кн. Щербатова. Братцево. Гостиная, потолки.

при чемъ угостила гвардейцевъ изъ своихъ рукъ водкой. Истинно-русскія сердца взыграли: они почуяли въ новой императрицѣ силу, передъ которой было лестно ползать на колѣняхъ и валяться въ грязи.

15 февраля Анна имѣла торжественный въѣздъ въ Москву и поселилась въ Кремлевскомъ Потѣшномъ дворцѣ. Окруженная здѣсь самымъ бдительнымъ надзоромъ, она тѣмъ не менѣе сумѣла завязать тайныя сношенія съ сторонниками абсолютизма и была въ курсѣ ихъ замысловъ. Настроеніе ихъ становилось все болѣе и болѣе повышеннымъ и, наконецъ, разрѣшилось характернѣйшею сценой, положившей конецъ русской конституціи. 25 февраля во дворецъ пришли члены Сената и генералитета, множество дворянъ и гвардейцевъ, всего человѣкъ 800, и подали Аннѣ петицію о пересмотрѣ въ выборномъ собраніи всѣхъ проектовъ организаціи правительства и установленіи, по большинству голосовъ, новой формы правленія. Анна подписала петицію, но тутъ гвардейцы и многіе изъ шляхетства громко потребовали возстановленія самодержавія. «Мы сложимъ головы на службѣ вашего величества,—ревѣли они, ставъ на колѣни,—но не хотимъ терпѣть, чтобы васъ притѣсняли. Прикажите, государыня, и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ злодѣевъ!» Анна ушла обѣдать, и въ это время была составлена другая петиція: «всепокорнѣйшіе рабы» униженно просили, въ знакъ благодарности за принятіе первой петиціи, о возстановленіи «самодержавства». Конституціоналисты, бывшіе, очевидно, въ большинствѣ, безъ боя сдали свою позицію кучкѣ крикуновъ, сильныхъ только подъемомъ рабьяго духа. Во вторичной аудіенціи Анна, выслушавъ новую просьбу, приказала подать себѣ актъ, подписанный ею въ Митавѣ, и торжественно изорвала его. Самодержавіе возродилось изъ солдатско-шляхетскаго пронунсіаменто.

Рабы поставили надъ собою властелина, какого были достойны. «Тѣ, которые заставляютъ меня плакать,—сказалъ кн. Дм. М. Голицынъ вечеромъ 25 февраля,—будутъ плакать долѣе моего». Все десятилѣтнее царствованіе Анны было временемъ плача для Россіи, и только русскій народъ могъ стерпѣть до конца оргію деспотизма, извѣстную подъ именемъ «Бироновщины».

Анна была среднею изъ трехъ дочерей царя Ивана Алексѣевича и царицы Прасковьи Ѳедоровны (Салтыковой). При Петрѣ I она была выдана замужъ за курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма, который вскорѣ умеръ. Старшая ея сестра, Екатерина, вышла за герцога мекленбургскаго Карла-Леопольда, прижила съ нимъ дочь Анну, ставшую по смерти Анны Ивановны правительницею, потомъ покинула его и изъ Мекленбурга переселилась въ Россію. Младшая, Прасковья, была въ морганатическомъ бракѣ съ Иваномъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Царица Прасковья Ѳедоровна, женщина крутого и жестокаго нрава, не ладила съ своими дочерьми и даже прокляла Екатерину и Анну,—съ послѣдней, впрочемъ, сняла проклятіе, незадолго до своей смерти, по просьбѣ Петра I. Сестры Анны ничѣмъ особеннымъ не выдавались: о Екатеринѣ было извѣстно только, что она любитъ мужчинъ, Прасковья слыла просто за женщину недальняго ума.

Въ семьѣ Анна была, несомнѣнно, самой сильной индивидуальностью. Молодость ея прошла въ мизерной обстановкѣ курляндскаго двора, не дававшей возможности развернуться ея властной и самолюбивой натурѣ. Приходилось терпѣть постоянныя униженія, жить подачками богатой русской родни, а потребность въ роскоши, влеченіе къ придворной помпѣ и тогда уже были у нея сильны. Нетрудно представить себѣ, какъ эта жизнь должна была дѣйствовать на ея отъ природы вовсе не мягкій характеръ. Она стала осмотрительна и сдержанна, но внутренно ожесточилась.

Въ годъ избранія на русскій тронъ Аннѣ было 37 лѣтъ. Тогда это была высокая, тучная женщина, не лишенная извѣстной грубоватой представительности, съ некрасивымъ, почти мужскимъ лицомъ, покрытымъ рябинами. Общее впечатлѣніе было скорѣе въ ея пользу, если вѣрить наблюдателямъ-иностранцамъ, но русская современница, правда, очень враждебно относившаяся къ ней, Наталья Бор. Шереметева, невѣста Ив. Долгорукаго, нарисовала такой портретъ ея: «престрашнаго была взору; отвратное лицо имѣла; такъ была велика,—когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше и чрезвычайно толста».

Всѣ внѣшнія путы спали съ Анны, когда толпа, собравшаяся во дворцѣ 25 февраля, вручила ей самодержавіе, и, очутившись, наконецъ, на просторѣ, она поспѣшила устроить себѣ жизнь по своему вкусу. Съ первыхъ же шаговъ въ Москвѣ она была не одна,—слѣдомъ за нею проскользнулъ въ ея дворецъ фаворитъ Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ (Büren) или Бирономъ, какъ онъ писался впослѣдствіи, «волгавшись» въ древній французскій родъ Biron'овъ. Въ Россіи этого человѣка знали и раньше. Было извѣстно, что, попавъ ко двору въ Митавѣ, гдѣ отецъ и дѣдъ его состояли на службѣ въ герцогскихъ конюшняхъ, онъ быстро подкопался подъ своего предшественника по должности фаворита, оберъ-гофмейстера Петра Бестужева, и прочно сѣлъ на его мѣсто. До конца жизни Анны онъ остался единственнымъ ея обладателемъ,—замѣтимъ кстати, что изъ всѣхъ русскихъ императрицъ XVIII вѣка она была наиболѣе приспособленной по природѣ къ моногаміи. Фаворъ его и слѣпая привязанность къ нему Анны бросились всѣмъ въ глаза въ Москвѣ, когда онъ вмѣстѣ съ нею пріѣхалъ на коронацію Петра II; вліятельныя сферы тогда уже стали коситься на эту связь, и какъ ни старался онъ втереться въ милость у сильныхъ людей, какъ ни ревностно разыскивалъ собакъ для Ив. Долгорукаго,—отношеніе къ нему русскаго двора не измѣнилось, и Аннѣ, добивавшейся увеличенія своей субсидіи, пришлось проглотить горькую пилюлю въ видѣ заявленія Совѣта, что деньги будутъ даны съ условіемъ, чтобы Биронъ не распоряжался ими. Депутація, предложившая Аннѣ въ Митавѣ корону, потребовала отъ нея обѣщанія не брать съ собою фаворита въ Россію. Неудивительно, что, появившись вновь въ Москвѣ уже въ качествѣ перваго друга императрицы, онъ принесъ съ собою затаенную злобу и желаніе мести, которыя должны были еще болѣе обостриться, когда онъ замѣтилъ всеобщее раздраженіе противъ себя и прочихъ вліятельныхъ нѣмцевъ.

Съ именемъ Бирона неразрывно связано представленіе о мелочномъ, мстительномъ тиранѣ, крайне неразборчивомъ въ средствахъ и ни

въ комъ не уважавшемъ человѣческаго достоинства. Таковъ и былъ въ дѣйствительности этотъ представительный господинъ, говорившій, по выраженію одного современника, о лошадяхъ или съ лошадьми, какъ человѣкъ, а о людяхъ или съ людьми, какъ лошадь. Многіе тираническіе акты правительства Анны ставились ему въ вину, но въ сущности трудно разобрать, къ кому изъ нихъ прилипло больше грязи и крови, испачкавшихъ эту страницу русской исторіи. Вѣрно то, что два эти существа казались созданными другъ для друга и жили душа въ душу. Анна была безгранично предана своему фавориту, отождествляла его интересы со своими, сливала свою жизнь съ его жизнью. Его воля часто была для нея закономъ. Говорили, что, щедрая по природѣ, она не рѣшалась безъ его вѣдома даже одѣлять денежными подачками домашнюю прислугу. Часа не могла она пробыть безъ своего любимца и старалась ни на шагъ не отпускать его отъ себя. Каждое утро онъ проводилъ въ конюшнѣ и манежѣ, и чтобы не разлучаться съ нимъ въ эти часы, грузная Анна выучилась ѣздить верхомъ. На вечеринки и всякія увеселенія въ домахъ частныхъ лицъ она смотрѣла очень косо, боясь, какъ бы онѣ не отвлекли отъ нея Бирона, называла ихъ распутствомъ и колко выговаривала за нихъ. Самъ Биронъ порою тяготился такой привязанностью своей подруги и часто жаловался, что у него нѣтъ даже четверти часа на свои удовольствія.

Эта жизнь въ концѣ-концовъ могла бы надоѣсть нѣжной парѣ, еслибы она не разнообразилась постоянными забавами, приспособленными къ интеллектуальному уровню дочери царя Ивана и ея фаворита-конюха. Анна не могла обойтись безъ шутовъ и женщинъ, способныхъ болтать безъ умолку, которыхъ свозили къ ней со всѣхъ концовъ Россіи. Цѣлые вечера она просиживала на студѣ, слушая трескотню бабьихъ рѣчей и забавляясь крикомъ и драками шутовъ. Характеренъ подборъ послѣднихъ: странная и уродливая внѣшность, глупость или просто косноязычіе составляли достаточный цензъ для пріема въ «дурацкій орденъ» при дворѣ; остроумныя выходки цѣнились меньше, чѣмъ ругань и драка, и такіе шуты, какъ итальянецъ Піетро Мира, онъ же Педрилло, нажившій остроуміемъ болѣе 20 тыс. рублей, были очень рѣдки.

Представительство, придворная помпа поглощали тотъ избытокъ свободнаго времени, который не былъ заполненъ развлеченіями въ интимной обстановкѣ. Царствованіе Анны можно считать временемъ расцвѣта придворной жизни въ настоящемъ смыслѣ слова. При ней эта жизнь превратилась въ сплошную феерію, затянувшуюся на десять лѣтъ, тщательно и обдуманно налаженную. Это была непрерывная цѣпь сценъ и актовъ, имѣвшихъ почти ритуальный характеръ. При дворѣ,—говоритъ кн. М. Щербатовъ, — начались «порядочныя и многолюдныя собранія»,—собранія регламентированныя, участіе въ которыхъ было сдѣлано обязательнымъ для толпы статистовъ, допущенныхъ въ царскія передніе. Анна и Биронъ въ полной мѣрѣ использовали неожиданно доставшіеся имъ рессурсы, чтобы проявить во всемъ блескѣ организаторскія способности, долго не находившія себѣ достойнаго приложенія въ сравнительно убогой обстановкѣ митавскаго двора.

Впервые послѣ долгаго перерыва Анна доставила Москвѣ возможность наблюдать подлинную придворную жизнь. 28 апрѣля 1730 г. совершилось ея коронованіе, затмившее, по отзывамъ очевидцевъ, своимъ великолѣпіемъ коронованіе Петра II, затѣмъ начались коронаціонныя торжества, продолжавшіяся цѣлую недѣлю, — пріемы во дворцѣ, балы, банкеты. Въ городѣ устраивались фейерверки и иллюминаціи, подобныхъ которымъ, по словамъ Лиріа, въ Россіи до той поры не видали. Но и послѣ коронаціи, когда придворная жизнь вошла въ обычную колею, характеръ ея не измѣнился. Праздники слѣдовали одинъ за другимъ, балы и банкеты чередовались съ маскарадами, концертами, спектаклями. При дворѣ появились итальянская комедія и итальянская опера, оркестръ и солисты-виртуозы,—императрица сама любила театръ и музыку. Маскарадами тѣшились иногда,—какъ, напримѣръ, въ февралѣ 1731 г.,—въ теченіе дней десяти подъ-рядъ. Сверхъ того, установились регулярныя придворныя собранія, куртаги, бывавшіе еженедѣльно два раза, и благодаря имъ карточная игра достигла небывалыхъ до тѣхъ поръ размѣровъ. Въ одинъ присѣстъ проигрывались цѣлыя состоянія, тысячъ до двадцати, въ квинтичъ и банкъ. Анна собственнымъ примѣромъ поощряла игру, хотя не увлекалась ею и нимало не интересовалась выигрышемъ. Не посчастливилось въ ея царствованіе только вакхическимъ торжествамъ, составлявшимъ при ея дядѣ неотъемлемую часть придворнаго ритуала: не терпя пьянства, она допускала лишь разъ въ годъ, въ день ея восшествія на престолъ (29 января), церемонію такого рода, «праздникъ Бахуса», очень, впрочемъ, скромный по размѣрамъ,—всѣ участники его должны были выпивать по большому кубку венгерскаго, преклонивъ колѣна передъ императрицей.

Аннинскій дворъ обходился государству вшестеро дороже, чѣмъ дворъ Петра I. Но, ложась тяжелымъ бременемъ на государственный бюджетъ, блескъ придворной жизни оказывался не менѣе, если не болѣе, разорительнымъ для частныхъ лицъ. Обязательные расходы на представительство непомѣрно возросли, а средствъ на ихъ покрытіе было попрежнему мало у верховъ тогдашняго общества, все богатство которыхъ сводилось къ продуктамъ ихъ деревенскаго хозяйства. Правда, уже въ царствованіе Петра II при дворѣ вошло въ обычай дѣлать новый костюмъ ко всякому празднику,—о чемъ не безъ горечи упоминаетъ Лиріа, самъ постоянно испытывавшій денежныя затрудненія вслѣдствіе неаккуратности испанскаго казначейства,—но праздники тогда бывали сравнительно очень рѣдко. При Аннѣ, хотѣвшей видѣть постоянно на своихъ придворныхъ новые богатые костюмы, траты на гардеробъ вызывали всеобщій ропотъ. Придворный, который издерживалъ въ годъ на платье только 2—3 тыс. рублей, не могъ похвастать щегольствомъ. Одинъ саксонецъ сказалъ польскому королю Августу II, глядя на его пышно одѣтый дворъ, что слѣдовало бы расширить городскія ворота для впуска дворянъ, напялившихъ на себя цѣлыя деревни,—этотъ bon mot былъ бы не менѣе умѣстенъ при Аннѣ въ Россіи, гдѣ костюмы оплачивались именно деревнями.

Зато развитіе вкуса далеко не шло вровень съ прогрессомъ роскоши. Манштейнъ говоритъ, что Аннѣ не безъ труда и не сразу удалось обла-

городить придворную роскошь, но этотъ отзывъ въ значительной степени подрывается тѣмъ, что тотъ же современникъ сообщаетъ о внѣшней культурѣ русскаго общества. Въ быту высшаго класса кричащая роскошь, по его словамъ, уживалась съ полнымъ отсутствіемъ вкуса и поразительнымъ неряшествомъ. Часто при богатѣйшемъ кафтанѣ парикъ бывалъ отвратительно вычесанъ; прекрасную штофную матерію неискусный портной портилъ неуклюжимъ покроемъ; или, если туалетъ былъ безукоризненъ, экипажъ бывалъ изъ рукъ вонъ плохъ: господинъ въ богатомъ костюмѣ ѣхалъ въ дрянной каретѣ, которую тащили клячи. Женскіе наряды соотвѣтствовали мужскимъ, и на одинъ изящный туалетъ попадалось десять безобразно одѣтыхъ женщинъ. Изъ другого источника мы узнаемъ, что Анна и Биронъ сами не могли считаться образцами хорошаго вкуса. Ни она, ни онъ не терпѣли темныхъ цвѣтовъ, и ихъ эстетика допускала только пестроту. Биронъ пять или шесть лѣтъ сряду ходилъ въ пестрыхъ женскихъ штофахъ. Даже сѣдые старики, въ угоду Аннѣ, являлись ко двору въ костюмахъ розоваго, желтаго и зеленаго попугайнаго цвѣта. Убранство домовъ было отмѣчено тѣмъ же вкусомъ: наряду съ обиліемъ золота и серебра въ нихъ бросалась въ глаза страшная нечистоплотность.

За время пребыванія въ Москвѣ Анна нѣсколько разъ перекочевывала изъ дворца въ дворецъ. Послѣ коронаціонныхъ торжествъ въ маѣ она заглянула въ Головинскій домъ на Яузѣ, а затѣмъ переѣхала съ дворомъ въ свою родовую вотчину, село Измайлово, гдѣ и оставалась до конца октября, пока въ Кремлѣ возлѣ цейхгауза строился, по плану Растрелли, новый дворецъ, деревянный «Анненгофъ». Лѣтомъ она ѣздила на праздникъ преп. Сергія (5 іюля) въ Троицкую лавру въ сопровожденіи министровъ, двора, обѣихъ своихъ сестеръ и Елизаветы Петровны. Зимою она жила въ Кремлѣ, въ слѣдующемъ, 1731 г. лѣтомъ перебралась во вновь отстроенный дня нея «лѣтній» Анненгофъ на Яузѣ, подлѣ Головинскаго дома, и оставалась тамъ до самаго отъѣзда въ Петербургъ—7 января 1732 года.

Въ Измайловѣ и при яузскомъ Анненгофѣ было приступлено къ разбивкѣ дворцовыхъ садовъ; по плану, составленному тогда придворнымъ садовникомъ, вся мѣстность вокругъ Головинскаго дома и Анненгофа должна была превратиться въ сплошной садъ съ каналами, прудами, затѣйливыми бесѣдками и прочими декоративными ухищреніями во вкусѣ того времени. Поддерживался и Слободской дворецъ, стоявшій противъ Головинскаго дома на другомъ берегу Яузы, и на него вмѣстѣ съ лѣтнимъ Анненгофомъ была затрачена очень крупная сумма—219 тыс. рублей.

Анна, повидимому, одно время колебалась въ выборѣ резиденціи, но, разъ покинувъ Москву, уже не возвратилась въ нее, и старая столица вновь пріютила у себя дворъ только при Елизаветѣ. Въ общей сложности Елизавета прожила въ Москвѣ четыре года съ лишкомъ. Въ 1742 г. послѣ коронаціи она прогостила тамъ до декабря, тамъ же провела 1744, 1749 и 1753 гг. Въ годъ коронаціи впервые появился въ Москвѣ выписанный незадолго передъ тѣмъ изъ Киля племянникъ Елизаветы, гольштинскій герцогъ Петръ, который въ ноябрѣ того же года былъ объявленъ наслѣд-

никомъ русскаго престола, а въ 1744 г. въ Москвѣ же праздновалось его обрученіе съ ангальтъ-цербстской принцессой Софіею-Августой-Фредерикой, принявшей въ православіи имя Екатерины Алексѣевны.

Елизавета обыкновенно совершала свои переѣзды по зимнему пути. Въ тѣ времена зимнее почтовое сообщеніе между Петербургомъ и Москвою пользовалось отличною репутаціей. «Въ свѣтѣ нѣтъ страны, говоритъ Манштейнъ, гдѣ бы почта была устроена лучше и дешевле, чѣмъ между этими двумя столицами. Обыкновенно вездѣ даютъ на водку ямщикамъ, чтобы заставить ихъ скорѣе ѣхать, а между Петербургомъ и Москвою надобно давать на водку, чтобы тише ѣхали». Императрица проѣзжала все разстояніе, — тогда отъ Петербурга до подмосковнаго села Всесвятскаго считалось 715 верстъ,—въ трое сутокъ съ небольшимъ, несмотря на остановки въ пути для обѣда и отдыха.

Въ Москвѣ она, какъ и ея предшественники, видимо тяготилась неуютной обстановкой обветшавшихъ кремлевскихъ хоромъ и пріѣзжала въ Кремль только на короткое время въ дни торжествъ, когда церковная церемонія въ Успенскомъ соборѣ считалась необходимой. Въ послѣдній свой пріѣздъ въ 1753 году она, впрочемъ, задумала обновить кремлевскую резиденцію и поручила Растрелли построить зимній дворецъ подлѣ Благовѣщенскаго собора, но жить въ этомъ дворцѣ ей не пришлось. Главною резиденціей было по-прежнему Лефортово съ его тремя дворцовыми зданіями—старымъ Головинскимъ домомъ и примыкавшими къ нему Анненгофами, лѣтнимъ и зимнимъ (послѣдній былъ перенесенъ изъ Кремля на Яузу въ 1736 г.); этотъ комплексъ деревянныхъ строеній при Елизаветѣ назывался Головинскимъ дворомъ или домомъ. Въ 1742 г. въ Лефортовѣ былъ выстроенъ оперный домъ, а въ 1753 г. 1 ноября пожаръ истребилъ главную часть дворца, «зимніе покои». Немедленно тогда же были приняты самыя экстренныя мѣры для возобновленія сгорѣвшаго зданія, — мобилизованы московскіе плотники, выписаны рабочіе изъ Ярославля, Костромы и другихъ городовъ, набраны отовсюду строительные матеріалы,—и черезъ шесть недѣль послѣ пожара придворная жизнь потекла обычнымъ порядкомъ въ «скоропостроенномъ» зимнемъ дворцѣ. На лефортовскіе сады обращалось самое заботливое вниманіе: ихъ оранжереи были наполнены рѣдкими экзотическими фруктами, тщательно подстриженныя аллеи обрамляли полноводные пруды и каналы, у пристаней стояли расписныя и раззолоченныя гребныя суда. Какъ курьезную деталь, отмѣтимъ энергическую борьбу съ лягушками, которыхъ ловили неводами. Можетъ быть, ихъ размноженіе обусловливалось только природными свойствами болотистыхъ береговъ Яузы, но преданіе приписывало его заботамъ императрицы Анны, очень, будто бы, любившей лягушечье кваканье. Не менѣе старательно поддерживалась другая подмосковная резиденція Елизаветы, с. Покровское, гдѣ также былъ «регулярный» садъ и гдѣ она построила, на мѣстѣ прежняго деревяннаго, каменный дворецъ (на правомъ берегу Яузы противъ Покровскаго моста).

Придворная жизнь была чуть ли не болѣе интенсивна, чѣмъ даже при Аннѣ Ивановнѣ. Елизавета придавала громадное значеніе внѣшнему

блеску, и при ней выписывались, въ качествѣ руководства, изъ Парижа и Дрездена подробные церемоніалы придворныхъ празднествъ. Въ смыслѣ разнообразія и великолѣпія увеселеній, дѣйствительно, удалось достигнуть замѣчательныхъ результатовъ, и русская копія въ этомъ отношеніи заняла почетное мѣсто на-ряду съ европейскими образцами. Къ извѣстнымъ уже ранѣе видамъ придворныхъ забавъ прибавилось нѣсколько новыхъ—балетъ, французская комедія, балы и маскарады съ разыгрываніемъ «лота» или лотереей, маскарады публичные, на которые допускались кромѣ лицъ, имѣвшихъ пріѣздъ ко двору, рядовое шляхетство и купцы. Вотъ взятая наудачу выдержка изъ веденной при дворѣ записи, «банкетнаго журнала», рисующая, такъ сказать, схематически придворное время—провожденіе въ разгаръ зимняго сезона 1744 г. Октябрь: 11, 18, 25, 30—маскарадъ, 13, день рожденія матери Екатерины, княгини цербстской,—балъ и банкетъ, 14—французская комедія, 19—концертъ въ оперномъ домѣ, 23—поѣздка императрицы съ дворомъ и генералитетомъ въ маскахъ въ с. Покровское, балъ и ужинъ, 26—итальянская интермедія въ оперномъ домѣ. Ноябрь: 1, 7, 21, 27, 29—французская комедія, 4, 11, 18—куртаги съ концертами, «итальянскою вокальною и инструментальною музыкой», 13, 15, 22, 28—маскарадъ, 14—аудіенція венгерскаго посла, 19—итальянская комедія, 21—праздникъ Семеновскаго полка, банкетъ, 24, именины Екатерины,—обѣдъ и балъ, 25—годовщина воцаренія, праздникъ, справлявшійся съ особыми церемоніями. Въ этотъ день послѣ обѣдни въ дворцовой церкви придворные являлись на поклонъ къ императрицѣ, дамы «въ робахъ», кавалеры въ цвѣтномъ платьѣ. Вечеромъ устраивался парадный ужинъ для лейбъ-компаніи,—Елизавета въ гренадерскомъ мундирѣ ужинала съ офицерами за особымъ столомъ, рядовые размѣщались за столомъ «фигурнымъ», представлявшимъ на планѣ правильную фигуру съ волнистыми линіями; на столахъ красовались затѣйливо убранные дессерты въ видѣ эмблематическихъ картинъ. Еще болѣе торжественно праздновался день коронаціи, 25 апрѣля. Празднество растягивалось по крайней мѣрѣ на три дня: въ первый бывалъ парадный обѣдъ, за которымъ императрица сидѣла на тронѣ подъ балдахиномъ, вечеромъ балъ, въ слѣдующіе вечера давались маскарады и оперный спектакль, при чемъ въ общемъ весельѣ принимали участіе и архіереи, появлявшіеся въ оперномъ домѣ среди масокъ. Въ іюлѣ 1744 г. четыре дня подъ-рядъ праздновали заключеніе мира со Швеціей, которое было ознаменовано молебствіемъ въ Успенскомъ соборѣ, торжествомъ съ «генеральною галою» (gala) въ Головинскомъ дворцѣ, балами-маскарадами, оперой, иллюминаціями и угощеніемъ народа въ Лефортовѣ. Прибавимъ къ этимъ обычнымъ и экстраординарнымъ праздникамъ еще свадьбы придворныхъ, справлявшіяся неизмѣнно во дворцѣ,—и получится почти непрерывный придворный спектакль прямо подавляющихъ размѣровъ.

Елизавета любила разнообразить свое времяпровожденіе выѣздами въ московскія окрестности, гдѣ она тѣшилась соколиною и псовою охотою. У нея были дворцы въ Тайнинскомъ, Братовщинѣ, Воскресенскомъ монастырѣ, на Воробьевыхъ горахъ. Охотно посѣщала она также подмо-

сковныя своихъ вельможъ, въ особенности имѣнія своего фаворита Алексѣя Разумовскаго Горенки, Знаменское и Перово (въ Перовѣ, по преданію, она была обвѣнчана съ Разумовскимъ осенью 1742 г.). Нѣсколько разъ совершались «походы» въ Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ) и въ Троицкую лавру. Послѣднюю Елизавета навѣщала не менѣе трехъ разъ въ каждый пріѣздъ въ Москву и считала иногда долгомъ часть пути пройти пѣшкомъ. Этому благочестивому спорту она умѣла придать очень своеобразный характеръ: пройдя въ день верстъ пять, она возвращалась въ каретѣ къ исходному пункту, отдыхала, потомъ опять шла пѣшкомъ, опять ѣхала въ каретѣ,—нужно было только пройти извѣстное число верстъ, хотя бы при этомъ и приходилось топтаться на мѣстѣ. Такой «походъ» длился цѣлыя недѣли, иногда не меньше мѣсяца. Въ лаврѣ устраивалась торжественная встрѣча: архимандритъ въ воротахъ монастыря говорилъ привѣтственную рѣчь, семинаристы въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ и зелеными вѣтвями въ рукахъ, пѣли сложенные ad hoc канты, палили пушки, зажигалась иллюминація. Дня три-четыре проходили въ хожденіи по церквамъ и пирахъ въ императорскихъ покояхъ и у архимандрита. Въ Воскресенскомъ монастырѣ Елизавета любила справлять свои именины (5 сентября) съ цѣлою толпой придворныхъ, дѣля время между молитвой и вечеринками во дворцѣ.

Современники отмѣчаютъ новое усиленіе придворной роскоши въ царствованіе Елизаветы. «Дворъ, говоритъ кн. М. Щербатовъ, подражая или, лучше сказать, угождая императрицѣ, въ златотканныя одежды облекался; вельможи изыскивали въ одѣяніи все, что есть богатѣе, въ столѣ—все, что есть драгоцѣннѣе, въ питьѣ—все, что есть рѣже, въ услугѣ,—возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышность въ одѣяніи ихъ». Извѣстную роль въ этомъ случаѣ сыграла, конечно, строгая регламентація представительства, простиравшаяся на экипажи, число прислуги, костюмы. Для каждаго придворнаго съѣзда назначался особый родъ костюма,—робы, самары или шлафоры для «женскихъ персонъ»; цвѣтное или «богатое» платье для мужчинъ. Военные при дворѣ не имѣли права танцовать въ мундирахъ. Въ маскарадныхъ костюмахъ, даже на «публичныхъ» маскарадахъ, не допускались хрусталь и мишура. Иногда эта регламентація принимала даже экстравагантный характеръ. Въ 1744 г., по приказу Елизаветы, мужчины должны были являться на придворные маскарады въ женскомъ платьѣ, женщины—въ мужскомъ. Ничего не могло быть, по словамъ Екатерины II («Записки»), безобразнѣе и забавнѣе этого зрѣлища: дамы въ громадныхъ фижмахъ казались гигантами въ сравненіи съ кавалерами, которые выглядѣли мальчиками въ своихъ придворныхъ кафтанахъ. Метаморфоза никому не была по душѣ, кромѣ императрицы, которая, обладая стройнымъ станомъ и очень красивыми ногами, выигрывала въ мужскомъ костюмѣ. Вообще Елизавета страстно любила наряды, и если они не блистали особымъ изяществомъ, зато богатство и количество ихъ были изумительны. Она сама разсказала Екатеринѣ послѣ пожара Головинскаго дворца, что въ огнѣ погибло 4000 ея платьевъ, а послѣ ея смерти Петръ III нашелъ въ

Подмосковная кн. Щербатова. Братцево.

ея гардеробѣ болѣе 15000 платьевъ, два сундука шелковыхъ чулокъ, нѣсколько тысячъ лентъ, башмаковъ и туфель и пр. Обиліе и богатство при сомнительномъ вкусѣ—характерная черта роскоши общества, еще не вышедшаго изъ варварскаго состоянія. На фаворитѣ Алексѣѣ Разумовскомъ милости его высокой подруги, не жалѣвшей для него казеннаго сундука, сіяли въ видѣ аляповатыхъ брилліантовыхъ пуговицъ, эполетъ и орденскихъ знаковъ. Фельдмаршалъ Степанъ Апраксинъ славился гардеробомъ, состоявшимъ изъ многихъ сотенъ богатыхъ кафтановъ; графъ Иванъ Чернышевъ навезъ изъ Парижа «платья тьму»; канцлеръ Бестужевъ укрѣплялъ на дачѣ свои палатки на шелковыхъ веревкахъ. Онъ же обладалъ запасомъ винъ, за который послѣ его смерти Орловъ отдалъ «знатный капиталъ», по словамъ кн. Щербатова. Великолѣпіе стола также считалось признакомъ высшаго тона, и эклектическая кухня того времени, въ которой національные кулинарные рецепты уживались съ «послѣдними словами» европейской гастрономіи, стоила громадныхъ денегъ двору и вельможамъ. Сама Елизавета, тонкая цѣнительница туземной кухни, держала однако въ качествѣ главнаго повара иностранца Фукса, получавшаго 800 рублей въ годъ и имѣвшаго бригадирскій чинъ.

Таковы были блестящія декораціи придворной фееріи, но за кулисами наблюдатель сразу натыкался на чисто азіатское неряшество, убожество матеріальной и духовной культуры. Пышные дворцы были крайне бѣдны мебелью: при переѣздахъ изъ одного въ другой, даже при перекочевкахъ изъ Петербурга въ Москву, мебель императрицѣ приходилось возить съ собою, вещи, конечно, ломались, а о замѣнѣ поломаннаго новымъ она не заботилась. На убранство парадныхъ залъ Головинскаго дома въ дни торжествъ Елизавета не жалѣла денегъ, но жилыя его комнаты поражали отсутствіемъ самаго элементарнаго комфорта. Въ 1753 г. Екатерина съ мужемъ помѣстилась въ только что отстроенномъ деревянномъ флигелѣ, въ которомъ было такъ сыро, что вода текла съ обшивокъ. Дамы ея двора со своими служанками, всего 17 человѣкъ, ютились въ ея уборной, не имѣвшей иного выхода, кромѣ двери въ ея спальню. Императрица, не долго думая, поправила дѣло по-своему: велѣла передѣлать одно окно въ помѣщеніи дамъ въ дверь и пристроить въ ней лѣстницу на улицу,—хожденіе черезъ спальню великой княгини прекратилось, но дамамъ пришлось выходить уже прямо на улицу. Благодаря крайней тѣснотѣ въ ихъ комнатѣ насѣкомыя такъ расплодились, что даже Екатеринѣ не давали спать въ ея спальнѣ. Вообще паразитамъ было раздолье во дворцѣ, и во время пожара его Екатерину изумили громадныя вереницы крысъ и мышей, неторопливо выходившихъ по лѣстницѣ. Тѣ же контрасты богатства и убожества, блеска и грязи характеризовали частную жизнь аристократіи, показывая, что культура высшаго класса не подвинулась впередъ со времени Анны Ивановны. Екатеринѣ въ Москвѣ бросилось въ глаза то же явленіе, на которомъ ранѣе останавливался Манштейнъ. «Нерѣдко, говоритъ она («Записки»), можно видѣть, какъ изъ огромнаго двора, покрытаго грязью и всякими нечистотами и прилегающаго къ плохой лачугѣ изъ прогнившихъ бревенъ, выѣзжаетъ осыпанная

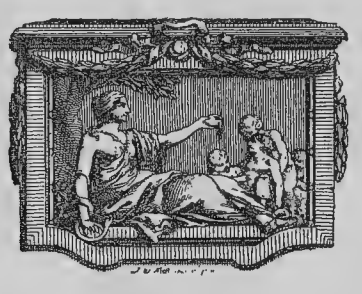
драгоцѣнностями и роскошно одѣтая дама въ великолѣпномъ экипажѣ, который тащатъ шесть скверныхъ клячъ, въ грязной упряжи, съ нечесанными лакеями въ очень красивой ливреѣ, которую они безобразятъ своей неуклюжею внѣшностью».

Внѣшности вполнѣ соотвѣтствовалъ духовный уровень елизаветинскаго двора. За наружнымъ лоскомъ «знатныхъ обоего пола особъ», танцовавшихъ менуетъ, какъ никто въ Европѣ, и даже отчетливо произносившихъ ходячія французскія фразы, скрывались самые низменные интересы и поразительная духовная косность. Интриги и интрижки, лакейское злословіе и карты составляли все содержаніе жизни этого круга. Екатерина, въ интеллектуальномъ отношеніи стоявшая неизмѣримо выше общества, окружавшаго русскій тронъ, съ нескрытымъ презрѣніемъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ» объ его почти зоологическихъ нравахъ. «...Фавориты и фаворитки императрицы, графъ Разумовскій и графиня Шувалова, не могли обойтись безъ игры; да это и было необходимо при дворѣ, гдѣ не существовало никакого разговора, гдѣ другъ друга сердечно ненавидѣли, гдѣ злословіе замѣняло умъ и гдѣ малѣйшее дѣльное слово считалось за оскорбленіе величества. Подпольныя интриги признавались за ловкость. Остерегались говоритъ объ искусствѣ и наукѣ, потому что всѣ были невѣждами: можно было побиться объ закладъ, что лишь половина общества еле умѣла читать, и я не очень увѣрена въ томъ, чтобы треть умѣла писать». Карточной игрою при дворѣ увлекались всѣ, и Елизавета видимо поощряла ее, отпуская своимъ приближеннымъ крупныя подачки «на фараонъ». Въ то же время игра была средствомъ рекламы для однихъ и средствомъ наживы для другихъ. Алексѣй Разумовскій, рисуясь своимъ богатствомъ, умышленно проигрывалъ, а среди понтеровъ были люди, таскавшіе деньги изъ заложеннаго имъ банка и потомъ выхвалявшіе его щедрость. Простые статисты, каждый въ мѣру своихъ способностей, урывали крохи изъ содержанія, присвоеннаго emploi фаворита: экономическое явленіе, возможное, конечно, только въ условіяхъ придворной трудовой жизни.

Tel maître, tel valet. Если елизаветинскій дворъ былъ только раззолоченной дворней въ русскомъ смыслѣ этого слова, то сама императрица была типичной русской барыней того времени. Задорная веселость, такъ красившая ея молодые годы, давно уже исчезла, и отъ той поры осталась у нея лишь распущенность, привычка къ праздной и безпорядочной жизни. У нея не было опредѣленнаго времени ни для сна, ни для обѣда. Спала она часто днемъ, обѣдала, когда вздумается, садилась ужинать иногда часа въ два ночи и очень сердилась, когда сонные придворные за столомъ не были въ состояніи поддерживать разговоръ; послѣ такой ночи ложилась спать уже на разсвѣтѣ. Для серьезнаго дѣла у нея почти совсѣмъ не находилось времени, и важные доклады по цѣлымъ мѣсяцамъ лежали у нея неподписанные. Опредѣленной комнатной обстановки у нея тоже не было: всякій разъ, какъ она выходила, хотя бы на прогулку или въ театръ, въ ея аппартаментахъ производились перестановки, передѣлки, и рѣдко спала она двѣ ночи на томъ же мѣстѣ. Такимъ же неряшествомъ отмѣчена и духовная

Подмосковная кн. Щербатова. *Братцево.*

жизнь Елизаветы. Это была натура, созданная исключительно для малыхъ дѣлъ и всякихъ дрязгъ, и при томъ натура властная, даже тираническая въ доступной ей области жизненныхъ отношеній. Отсюда и ея увлеченіе придворною помпой, отсюда и тотъ мелочный гнетъ, который тяготѣлъ всегда надъ ея окруженіемъ. «Очень снисходительная къ самой себѣ», по словамъ Екатерины, она была чрезвычайно требовательна по отношенію къ другимъ, мелочно-придирчива и раздражительна. Она не считала нужнымъ сдерживать себя и въ минуты раздраженія, вспыхивавшаго по самымъ ничтожнымъ поводамъ, разражалась потоками ѣдкихъ рѣчей, бранилась отборными словами, даже била своихъ царедворцевъ. Иногда жертвами этихъ вспышекъ оказывались люди, совершенно неповинные въ ея дурномъ настроеніи. Разъ за обѣдней въ первый день Пасхи она выбранила всю свою прислугу, пѣвчихъ и священника, срывая на нихъ досаду на затруднительное положеніе, въ которомъ она очутилась по винѣ своего пылкаго темперамента: ей приходилось тогда лавировать между четырьмя фаворитами заразъ—Разумовскимъ, Иваномъ Шуваловымъ, молодымъ Бекетовымъ и пѣвчимъ Качеповскимъ. Нерѣдко причиною гнѣвныхъ сценъ была зависть или ревность. Преслѣдованію часто подвергались дамы, которыя были моложе императрицы или одѣвались изящнѣе, чѣмъ она. Однажды въ присутствіи всего двора она срѣзала ножницами украшеніе изъ лентъ на головѣ одной дамы, которая, по словамъ Екатерины, благодаря своей красотѣ и элегантности стала предметомъ ея ненависти. Въ другой разъ жертвами подобной же дикой выходки сдѣлались двѣ фрейлины, появившіяся при дворѣ въ неугодныхъ императрицѣ прическахъ: у нихъ были обстрижены завитые спереди волосы, при чемъ пострадала и кожа головы. Извѣстно, что въ жестокой расправѣ съ Лопухиными въ самомъ началѣ царствованія Елизаветы сыграла нѣкоторую роль непріязнь императрицы въ Натальѣ Лопухиной, считавшейся первою красавицей при дворѣ. Во всемъ этомъ, конечно, проглядывали черты, роднившія Елизавету съ госпожей Простаковой, но она не обладала ни темпераментомъ, ни злостью послѣдней: барское самодурство, принимавшее порою жестокія формы благодаря отсутствію всякой сдержки въ окружавшей обстановкѣ, прекрасно уживалось въ этой истинно-русской, рыхлой натурѣ съ большимъ запасомъ природной доброты.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

В. В. НЕЧАЕВЪ. Общій видъ Москвы въ XVIII вѣкѣ 5

М. В. КЛОЧКОВЪ. Москва при Петрѣ Великомъ 18

М. А. ГОЛУБЦОВА. Московская школа Петровской эпохи . . 33

В. Я. УЛАНОВЪ. Москва и Петръ Великій 49

С. К. ШАМБИНАГО. Театръ и народныя развлеченія въ Москвѣ въ XVIII вѣкѣ 82

В. В. НЕЧАЕВЪ. Петръ II, Анна Ивановна и Елизавета въ Москвѣ. 95

№ 7.

Всѣ илюстраціи печатаны въ собственномъ Графическомъ Институтѣ по способу фото-тинто-гравюра, только намъ принадлежащему во всей Россіи.

КОПИРОВАНИЕ
25.07.94